

СВЕТЛАНА ЗАЛАТА

ОТРАЖЕНИЯ
СУДЬБЫ

Карты розданы. Саша Неродова обзавелась силой двух древних менгиров, знаниями прошедшего обучение мага Ордена, новыми друзьями и соратниками. Но теперь и враг вышел из тени. Паук, что плел свою паутину задолго до ее рождения, обнаружил себя, появившись на сцене под чужой личиной.

Что нужно этому неведомому и могущественному существу? При чем здесь Миклош и какую роль во всем деле играет Муза? И, что куда важнее, хватит ли самой Саше сил противостоять неведомому злу? А ведь в этой борьбе важны не только магические умения...

— Ты ждешь от меня того, что я приму твою сторону в споре с Михаилом.

Карина плотнула вина, чуть склонив голову. Разумеется, это был не вопрос, а утверждение. Серафим не помнил, когда последний раз она общалась как-то иначе.

Маг только кивнул. Волшебница лишь чуть улыбнулась и покачала головой.

— И ты сам понимаешь, что я этого не сделаю.

— Коль ты так говоришь, то едва ли я могу тебя переубедить.

— Правильно, — Карина наставительно подняла палец, — тебе в лучшие времена это никогда не давалось, знаешь ли. Кстати, ты в курсе, что в магазинах надо брать вино, а не компот из винограда?

— Оставь иронию. Я все-таки рассчитываю на серьезный разговор.

— Серьезный — со мной? Зря, зря. Это с твоим вечно загруженным думами о судьбах мира Михаилом можешь говорить серьезно, а со мной — бесполезно, — Карина отпивает еще вина и тянется к сырной нарезке.

Серафим только вздыхает.

— Ты изменилась.

— Вовсе нет. Просто ты забыл многие вещи, как мне кажется, только и всего. В том числе и то, что нет безопасных мест и нельзя спрятать от мира даже человека, не то что мага, пусть и из лучших побуждений.

— И вы вместе с Мишей предлагаете бросить этого мага в бассейн с крокодилами и смотреть, как его сжирают. Отлично.

Серафим оперся на стол локтями и переплел пальцы, сейчас чуть похожий на поджарую, нахохлившуюся птицу. Неудовольствие, расхолодившееся от него в Отражении волнами, казалось, можно было пощупать руками в реальности.

— Ну, ну. Не надувайся так, ни к чему. И не драматизируй. Во-первых, крокодил только один, во-вторых, у твоего ученика зубки не меньшего размера, пусть и с соображением пока не очень, а так-то шкура и все прочее потолще будет. А в-третьих... Да, я могла бы забрать ее к себе. В этом нет проблемы. Но зачем? Сделать ее узником на острове? Спасибо, у меня достаточно наемных работников. Ты бы сам не захотел сидеть в золотой клетке, знаешь ли. А коли без клетки — то упорхнет рано или поздно, или от тоски, или боясь за кого, или просто поманит моя сестра калачом — и все одно будет. Сейчас вы, по крайней мере, часть планов гадины поломали, вынуждая срочно строить новые, и имеется немаленький шанс, что в этих новых планах ошибок будет еще больше, чем в старых. Так что надо пользоваться моментом, а не давать сестренке новые интриги творить, которые, вполне возможно, уже так просто разрушить не получится. Ковать железо надо, пока горячо — разве не так говорят?

— Ты рискуешь чужой жизнью из желания приструнить бывшего члена твоего Круга. Это не слишком достойно...

— Ну-ка, — Карина вновь подняла палец, теперь мгновенно лишив Серафима возможности говорить. — Я все еще старше тебя, и все еще не намерена терпеть ни оскорбления, ни обвинения, ни суждения о том, что достойно, а что нет. Ты не дорос до этого. И ты знаешь, что бывает, если я разозлюсь. И нет, у меня нет желания рисковать жизнью твоих учеников ради того, чтобы приструнить сестру. Да, я уверена, что это кто-то из старого круга, но я пришла сюда только потому, что ты меня позвал, и потому, что ты

попросил помочь. И намерена помогать.

Серафим только качает головой, и Карина фыркает в ответ.

— Рано или поздно всем нам приходится отправлять тех, кого привел в мир, справляться со всем самостоятельно, а самому стоять в стороне в готовности вмешаться лишь когда ситуация пойдет слишком далеко. И нет, я не хочу опять слышать твои самобичевания о той операции. Поговори нормально, расскажи, чем ты руководствовался, и все. Не все наши решения нравятся нам самим, и уж тем более — тем, кто нас окружает. Коль девочку наметила себе в жертвы моя сестра, значит, не отступится, я их всех прекрасно знаю. И пусть тогда запланированная встреча пройдет на выгодных нам условиях, эта встреча ведь все равно будет, сам видел все. Увы, с этим фактом ничего нельзя сделать.

Серафим вновь качает головой.

— Знаешь, а мне нравится, когда ты так молчишь. Оставить, что ли, все так навсегда? — Карина усмехается, видя промельк ужаса на лице мага. — Да, я могу, и ты это знаешь. Как и то, что за три года вы ничего не нашли, сколько не искали. Даже Анастасия в Совете не нашли, а что уж об остальном говорить. Ты как-то не слишком веришь в возможности своих учеников со всем справиться, а зря. Дело-то не в силе, и не в опыте, а в поступках, и здесь моя сестра сама создала себе равного, так что не нужно переживать. К тому же, быть может, они найдут то, что не сможем мы, просто смотря с другого ракурса. Нужно действовать нам всем вместе, коль уж этих детей чужая прихоть затащила во все это. Действовать. Пусть все идет как идет, нет смысла бежать от неослабевающего урагана, что несет за тобой, нужно лишь встретить его не в одиночестве.

Следственный этюд. Глава 1

Саша сидит без света на кухне, рассматривая полуночный двор из окна.

Холодно. Очень, очень холодно. Она устала, сама толком не зная отчего. Тоска, противная липкая тоска в темноте заняла свое место. Эта тоска была с ней всю жизнь, поднимая голову в ночной тишине. И сегодняшняя ночь не была исключением.

Остальные что-то делали. Что-то полезное. Решали проблемы, искали возможности, в третий, а то и четвертый, и пятый раз выслушивали историю Миклоша, рассматривали документы... Ее никто не трогал. Не то чтобы Саша чувствовала себя лишней. Она привыкла жить одна. И хотя сейчас ее квартира была в доме, принадлежавшем наставнику, но даже сюда Серафим не заходил без предупреждения. Боня освоился легко, кажется, благоволя к Карине, и почти все время проводил где-то с людьми. Не с Сашей. Но, с другой стороны, она и без этого пушистого предателя жила прекрасно раньше. Дело было не в одиночестве.

Все пришло в норму. До недавнего времени Саша именно так считала. Пришло в норму после смерти Виталика, после понимания того, что магия существует. Тогда она только привыкла к тому, что мир изменился во время обучения, мир изменился вновь, теперь разрушив размеренное течение жизни начинающего адепта историей со Свободой. Только все опять вернулась на круги своя — и Дубы с голодом и болью. Чужой болью. И вот опять — только она привыкла к возросшей силе, к тому, что обучение скоро закончится и она станет членом Ордена, так это Миклош, это расследование...

Что внушил Паук ее семье? Зачем ему было все это?.. Этот маг, кем бы он ни был, ведь по сути, признался в том, что вырастил ее, дал силы, не вмешиваясь напрямую... Он — стоит за Свободой? Он — причина всех бед? Что тогда от нее нужно?

И многие другие вопросы. Как и на кого влиял это урод? Из-за него мать с отцом были несчастны? Погибли? Паук внушил отцу желание в будущем пойти на разборки и умереть? Паук отобрал у нее семью, желая ее одиночества — или в этом не было злой воли? Что говорил ей Михаил Бестужев на даче в воспоминаниях, о которых она ничего не помнит?

О чем она вообще не помнит из своего детства?

И другой, самый главный вопрос: кто она сама? Тогда, когда Саша ломала ритуал, грозивший погубить и ее, и соученика, пощечина Миклоша позволила отвлечься от начавшегося погружения куда-то в глубины Отражения. Это небольшое потрясение поставило все на свои места, позволило сложиться картинке... Но какие пазлы в этом образе себя были по-настоящему ее, а какие — вовсе нет? Что из того, что Саша считала частью своей жизни, было частью плана Паука, плана, о котором по-прежнему очень мало что известно, а что — ее собственным выбором?

Был ли нее вообще когда-либо выбор, или все уже было расписано и предопределено?

За размышлениями Саша не замечает тихого стука и вздрагивает в тот момент, когда на кухню заходит Серафим. В любом случае она бы не отказала ему в присутствии — дом-то его.

— Прости за нарушенное уединение.

— Это твой дом, — Саша чуть улыбается.

Серафим только качает головой, садясь в углу. Свет он не зажигает, и кухню по-прежнему освещает только полная луна за окном.

— То, что дом принадлежит мне, не дает права вторгаться в личное пространство

каждого, кто в нем живет. Но у меня сейчас есть четкое ощущение, что твое уединение порождено тягостными думами, а не желанием отдохнуть от общества местной публики.

Саша чуть пожимает плечами. В ночной темноте все кажется несколько нереальным, так, что даже образ того, с кем именно она говорит, несколько размывается. Словно можно вести речь о чем угодно, не думая о последствиях.

— Извини. Я тебя от чего-то отвлекла.

— Все в порядке. На тебя много всего свалилось в последнее время, и быть не в порядке нормально, — Серафим чуть улыбается.

— Я справлюсь. Сама.

«Опять» не прозвучало. Но все равно укоризну в голосе Саше скрыть не удалось. Да, наставник хотел как лучше. Да, Серафим скрыл правду о ее возможностях как связанного с менгиром мага не со зла. Но... Но. Память услужливо подбрасывала ту самую историю с ложным обвинением и ее, как оказалось, инсценированным побегом в общину сектантов. К Свободе. И то, что тогда, когда нужно было ему, Серафим отвернулся. Во имя благих целей. Не со зла...

Саша думала, что пережила это. Приняла необходимость подобного решения. Но, увы, как оказалось, это было не так.

Кажется, наставник понимал ее ход мыслей. По крайней мере, на ее тон он отреагировал спокойно.

— Не всегда «сама» лучший путь, хотя я и понимаю, почему, сколько бы я ни говорил о том, чтобы ты обращалась ко мне, ты этого не делаешь. И — нет, я не ищу себе оправданий. Но есть вещи, которые, наверное, нужно объяснить. И нет смысла тянуть с этим. Я, Саша, много лет по своей основной специальности в Ордене спасаю магов. Вытаскиваю из всякого рода проблем и лечу раны. Я занимался этим до того, как покинул Орден на век, и продолжаю делать это и после. По одной простой причине, Саша. Единственное, в чем я убежден в этой жизни, так это в том, что сама жизнь ценна, как ничто иное.

Саша чуть поворачивает голову, рассматривая необычно серьезного мага, несколько удивленная направлением разговора. Серафим же поясняет:

— В юности я едва не превратился в монстра, следуя своим склонностям к боевой магии. К счастью, я не был один, и, хоть и не самостоятельно, но все же сумел отойти от грани, из-за которой не возвращаются. И с тех пор я придерживаюсь идеи ценности жизни. Это вовсе не значит, что я перестал убивать. Увы, иногда это необходимо. Но любой шанс спасти я буду использовать. Иногда приходится выбирать между плохим и очень плохим вариантом, и в том, что выбрал я четыре года назад, все остались живы... Но не невредимы. Особенно ты.

— Я?

Она ведь нормально себя чувствовала...

— Саша, я говорю не о физических повреждениях и не о магии. Я оставил тебя, причинил боль в момент наибольшей уязвимости. Я не горжусь этим. Совершенно точно нет. И изменить этого тоже не могу, хотя и надеюсь, что когда-нибудь ты сумеешь меня простить и принять. Всегда есть разные варианты, но все иные, что были тогда, несли смерть и разрушения... Когда я узнал, что по всем выкладкам ты отправишься реализовывать этот чертов план, то требовал его пересмотра. Долго искал другие выходы. Но не нашел. Ничего лучше, во всех остальных вероятностях лишь жертвы и смерти, лишь больше смертей и боли. И я, как уже сказал, повел себя как скотина. Я и сейчас пойму, если в какой-то

момент ты решишь уйти. Есть вещи, которые приносят боль всегда. Я не считаю это детскими обидами.

Саша сцепляет руки в замок. Серафим говорит с прямой, подкупающей открытостью. И, — она ощущает это в Отражении, — очень искренне.

— Но это правда лишь детские обиды, — признавать этого не хотелось, но врать смысла не было, — ты спас мне жизнь, и не один раз. Учил. Помогал. Хотя вообще с самого начала мог пройти мимо на том фестивале, и никто бы ничего не сказал. Я понимаю, что ничего не делается просто так. Понимаю. Просто...

— Просто шрамы остаются. И теперь ты знаешь, что я утаил от тебя то, что касалась тебя самой.

— Менгир, — Саша хмурится. Неужели ее мысли столь очевидны?

— Именно, — Серафим кивает.

Саша обхватывает себя руками. По-детски, конечно... До того она так и не спросила сама. Просто... не спросила, и все. Наверное, не хотела знать. Теперь это не было любопытством. Нет. Но, наверное, спросить было правильным. Она хотела полного ответа. Исчерпывающего, а не пары слов.

— Почему?

Серафим чуть вздыхает.

— Я надеялся выиграть время. Это было сложным решением. Еще одним, — в голосе мага Саша ощущает отголосок целого сонма эмоций. — Тогда во всей этой истории со «Свободой» я только что бросил тебя один на один с проблемами, которые очевидно были тебе не по силам. Которые сам создал, между прочим, и от которых как наставник должен был оберегать. Я не знал о менгире в Свободе. Никто не знал о менгире там... Чудо, что ментальная проекция восприняла твой контакт с ним как опасность и вмешалась, иначе ты бы могла навсегда потеряться в образах камня, решив их исследовать. Я был... В смятении — самое близкое. Ты юна, неопытна, наивна и чиста душой, что редкость сейчас. И уже испытала много боли, оставшись в одиночку не только в нашем мире, но и в мире вообще. Не доверяла никому, и понятно, мой поступок доверия не прибавил. После Миклоша я не думал, что вообще буду учить, но увидев тебя и потенциал, заметный не только мне, понял, что если ты попадешь в тот мир, что тебе предназначен, а молчать об этом предназначении, как сделал Бестужев, просто низко, то почти наверняка станешь средством для достижения окружающими своих целей. Да, иронично — сейчас ты ощущаешь себя именно так. Я понимаю. В Ордене много стремящихся к власти и могуществу, в том числе и созданному чужими руками, и я видел, насколько велики шансы, что тебя затянут в интриги с головой. Да, твоя сила не должна была проявиться так, как сейчас, но она есть и без всяких менгиров. Не сомневайся. Я хотел защитить тебя от участи быть использованной в подковерных играх, обучить, как когда-то учили меня, не ради собственной прихоти или ответной услуги, а просто потому, что я знаю и умею вещи, которым могу научить. Хотел подготовить тебя к жизни в нашем мире, помогать, потому что иметь наследие и продолжение нормально для всех людей.

Саша широко раскрытыми глазами смотрела на мага. Серафим был таким... Дело не его серьезности, Не в ночи вокруг и не в странной теме для разговора. Скорее, она увидела еще один образ наставника, древнего мага, возрастом старше иных государств. И это был образ просто... просто человека. Не своего в доску парня, не легкомысленного бунтаря и рокера, не грозного могущественного волшебника, не всезнающего учителя. Просто человека,

открыто говорившего о себе. Доверявшего ей свои мысли и чувства. Серафим продолжил:

— Я был в ужасе, узнав, что ты связана с менгиром. Даже отбросив то, что создавший всю историю со Свободой наверняка про менгир знал, что это мог быть тоже его план... Боги, я хотел защитить тебя, позволить учиться и осваивать силу тогда, когда ты будешь готова. А в итоге вышло ровно наоборот. Ты была напугана, одинока, потеряла единственного едва обретенного близкого друга в нашем мире, мало что знала и умела... И владела огромными возможностями, способными разрушить все вокруг и тебя саму. Менгир заблокировали, я надеялся, что перестройка займет годы, да и, откровенно, думал, что, быть может, его и вовсе вычерпал Андрей Боготов и ваше противостояние с предателем Хачатряном. Я понимал, что если расскажу всю правду, то подарю тебе или страх собственных сил и себя, или чувство ответственности за все вокруг, а вернее всего — и то, и другое. Понимал, что с такими возможностями и таким малым количеством ориентиров попросить тебя сделать что-то, что будет опасно в первую очередь для тебя самой, а потом уже для окружающих, сможет любой, и ты сожжешь себя в стремлении использовать дарованные возможности в желании сделать мир лучше. Я видел такое Саша, видел много раз. Я надеялся, что, пока настройка идет, у меня будет время найти того, кто все устроил и кто, вполне возможно, устроил это все именно с целью дать тебе силы камня, хотя зачем — я не знаю и сейчас. И — да, я скрыл от тебя и истинные возможности операторов менгира, и то, что чаще всего случается с ними. Круг и посвященные из Ордена обязаны хранить тайну. Стремительная подстройка тревожила меня, и я старался приложить все силы к тому, чтобы ты могла, оказавшись в сложной ситуации, не просто использовать силу, руша все вокруг, а анализировать происходящее и делать выводы, приходя к планам и идеям, что способны соответствовать только твоим интересам. И считал, что расскажу тебе все, когда придет время. Но у времени были свои планы.

Саша лишь качает головой.

— Думаю, я безнадежна. Всегда бегу впереди паровоза, как мать говорила. И в итоге Миклош мог умереть в Пензе, потому что я сунулась прямо в сети Паука. Миклош мог умереть потому, что я решила, что все могу.

Серафим чуть склоняет голову.

— Знаешь, парадоксальным образом я могу сказать, что Миклош жив как раз потому, что ты решила, что все можешь. Не думаю, что принимать амулет у едва знакомой скиа или проводить ритуал, следуя голосу в голове, было рациональным, разумным и вообще хоть сколько-то безопасным. Чем-то, что я сам бы одобрил. Но ты это сделала — и мой ученик жив. Жив, пусть и в ином теле, пусть и под иным именем — неважно. Он жив. Ты не стала колебаться, ломая рунные круги, не стала сомневаться в том, получится ли — и это позволило вам выбраться из ловушки.

— Я должна думать, а потом действовать. А не наоборот. Даже если бы... всего этого не было бы.

— Нет смысла принуждать себя к тому, что невозможно.

Саша чуть склоняет голову, с некоторым недоверием смотрит на мага.

Серафим усмехается.

— Я не говорю, что нужно плыть по течению и не пытаться осмысливать происходящее, придумывать планы и искать понимание путей достижения цели, — это будет верной смертью. Так же как и отказ от простых вещей, стандартных тренировок или чтения книг и учебников просто потому, что ты можешь навязать Отражению свою волю без слов и жестов,

без подготовки и длительных плетений нитей магии. Да будет тебе известно, что без так ненавидимых тобой упражнений по прокачке силы и концентрации вида «создай и держи шар энергии как можно дольше», ты если бы и пережила свое сжигания Круга Рун в Пензе, то осталась бы на годы калекой. Учиться необходимо. Тренироваться и творить магию, и анализировать окружающее. Но в сложных ситуациях ты будешь действовать в большой степени под влиянием эмоций. И это данность, которую нельзя изменить. Все, что можно сделать — понимать эти эмоции и их источник. В твоём случае это все равно не удастся загнать под контроль разума, и не нужно корить себя за это. Все мы разные, и ты — такая.

— Раньше ты говорил иное.

— Я по-прежнему считаю, что вседозволенность без дисциплины ума способна привести только к могиле. До того я считал своим долгом дать тебе жить жизнью адепта и подготовиться и разумом, и телом к полноценному использованию магии и жизни члена Ордена, волшебника с объективно большой силой. Надеялся привить внимание к деталям, которое легко упустить, купаясь в энергии, старался показать, что все начинается и заканчивается в мыслях и поступках, а заклинания и формулы — это лишь следствия. Но с тем что сейчас происходит, думаю, остается только пожинать плоды. Так что получилось или нет у меня — вопрос другой, и отвечать на него тебе.

Саша переводит взгляд на луну за окном.

— В Пензе я... разозлилась. Захотела доказать, что со мной можно и нужно считаться, что я имею право знать все — и все испортила. Вампир погиб, а ведь можно было спасти его. Миклош угодил в ловушку. Как и я, и мы оба могли умереть из-за моего глупого порыва.

— Теперь ты знаешь, что злость толкает к ошибкам, и сможешь услышать ее голос в следующий раз, вычленив его из всех голосов, склоняющих к тому или иному поступку, и решить, хочешь ты следовать этому порыву или нет.

— Склоняющих... — только ли ее это будут голоса? — Надеюсь.

— Саша, — Серафим чуть наклоняет голову, словно пытаясь что-то увидеть в окружающей ночной темноте, — я не буду преуменьшать опасность. Мы знаем, что Анастасей в том числе получил и тело Советника — его уже нашли. Но сам Паук сбежал, и есть основания считать что он весьма могуществен, хотя и наверняка имеет причины держаться в тени и действовать чужими руками. И какое твоё место в его планах, как и моё, Миклоша, и многих других — неясно. Пока неясно. Но ясно только одно — что бы там ни было, никто не отнимает у нас права выбирать. Право прислушаться к тому или иному голосу, совершать те или иные поступки потому, что мы их считаем правильными. Нам не дано контролировать мир вокруг, но что делать в ответ на происходящее в нем — решать только нам. Ты — не марионетка, кто бы и что бы не замыслил в твоём отношении. У тебя есть прошлое, настоящее и будущее. Воспоминания и надежды, враги и друзья, склонности и способности, симпатии и антипатии. Каждый из нас задает себе вопрос о том, кто он есть. Каждый ищет ответ, каждый делает выбор. Кто бы что бы не придумал для нас — выбора это не отменяет. Тебе решать, кем ты хочешь быть: марионеткой в танце жизни, режиссером в этом танце, или и то и другое, или иные варианты и возможности. Тебе решать — будешь ли ты сражаться в одиночку или примешь предложения союзников. Продолжишь бороться и искать свое место или уйдешь жить в покое и тишине. Даже мелочи вроде того, пойдешь ли ты завтра в Резиденцию на торжественное вручение подтверждающих статус обученного мага грамот или нет решать тебе. Я же скажу только, что никто иной не обвиняет твоё сознание. Скажу как все-таки что-то смыслящий в этом маг. Твой разум и твоё сердце —

только твои. Не сомневайся.

Несколько минут Саша осмысливает сказанное, прокручивая слова в голове. И потом говорит то единственное, что приходит на ум.

— Спасибо. За все.

Серафим лишь мягко улыбается.

— Что бы ты не решила — я помогу тебе всем, чем смогу.

— Ты сказал, завтра вручение грамот...

Саша как-то уже и думать об этом забыла. Все казалось таким далеким. Неважным. А она переживала, что выпускную практику не пройдет...

— Да, это так. И опережая вопрос — да, и тебе тоже. Твоя практика засчитана от и до. Завтра ты получишь звание мага Ордена, и его у тебя никто не отнимет. Если ты не захочешь связать свою судьбу с работой в нашем сообществе, то тебя никто не осудит. Но если ты останешься в Ордене, то, я уверен, тебя ждет интересная и яркая жизнь мага, сполна использующего свои силы и живущего в мире со многими чудесами. Пусть и не всегда безопасными.

Саша на секунду сомневается. Но потом все-таки продолжает мысль.

— До всего этого я хотела... Думала остаться работать в Ордене, если возьмут в оперативники. Я не знаю, подойду ли, но Михаил Ефимович сказал, что если понадобится изучить внутренний распорядок и все, что нужно для работы в оперативном отделе, то я могу спросить тебя.

Серафим не перебивает смотрит на нее, спокойно и внимательно. И Саша продолжает, словно это сейчас было важно. Сейчас, когда Паук плетет свои сети... Но ведь было, разве нет? Сети... Они не были всем миром, верно. И Саша, помедлив, заканчивает свою мысль:

— Я знаю, что сейчас не до того. И что все это... Но если вдруг будет возможность... Ты сможешь?

— Да. Разумеется, Саш, я тебя натаскаю. Мир не останавливается из-за того, что кто-то что-то замыслил. Жизнь продолжается.

Кажется, за окном начинает светать. Или просто вокруг становится чуть светлее?

Саша чуть улыбается, сама не зная чему.

Жизнь продолжается.

— Вы опять сидите дома.

Это была констатация факта, и Саша только переглянулась с Миклошем в ожидании того, что за этим последует.

Карина, сегодня надевшая на удивление длинные свободные штаны и вполне закрытую водолазку, только подчеркивающую атлетичное тело, склонила голову.

— И я пока сижу дома, и мне это, откровенно говоря, надоело. Как у вас развлекаются? Кроме как пялятся на движущиеся картинки, спасибо, но это совершенно не мое. Местный театр меня позабавил, конечно, но я намерена попробовать что-то более современное. И предполагающее прогулку на свежем воздухе, ну или хотя бы выход из дома.

Миклош умоляюще глянул на Сашу. Та только глаза закатила. Она мало что знала о характере дел, которые привели сюда Карину и о том, сколько она пробудет в городе. Но что точно можно было сказать — неугомонный темперамент волшебницы породил огромное же стремление к деятельности. К любой деятельности.

И периодически развлекать Карину выпадало именно им с Миклошем в те дни, когда ей взбрело вытащить их обоих куда-то из дома. Саше же прекрасно хватало квартиры, игровой приставки и коротких бесед с обитателями дома. Впрочем, сама она предпочитала одиночество, и за редким исключением дружеских посиделок в начале учебы или вылазок с Катей и Колей позже на какой-нибудь интересный концерт или выставку, довольствовалась обществом Бони и себя самой.

В доме Серафима наличие других жильцов не доставляло дискомфорта, особенно если учесть, что общей зоной, где собирались все, была только гостиная мага. Все остальные места оставались за их обитателями, хотя приходиться друг к другу это не мешало. Например, сегодня Миклош попросил помочь с интернетом. Не с самим соединением — модем у Серафима имелся и работал неплохо, а, собственно, с концептуальным пониманием Инстаграма, Контакта, Ютуба и еще целого ряда сервисов вроде Википедии. Несмотря на объяснение и опыт использования нынешних технологических гаджетов, хотя бы уверенным пользователем компьютера Миклоша назвать нельзя было, да и он вообще мало что понимал в том, что происходило в виртуальной реальности сети, хотя и пытался перевести все это в удобоваримый вид.

Не говоря уже о том, что он успел нахватать вирусов, кликая на сомнительные ссылки, и Саше пришлось во не раз сносить и ставить всю систему заново, так что теперь она пробовала донести до Мики еще основы компьютерной грамотности. Смотреть за тем, как дитя девятнадцатого века обращается с мышкой было забавно. Но уж все лучше, чем видеть в его глазах тоску при взгляде на фотографии молодых пар или старинных строений Петербурга.

Но, определённо, сегодня занявшее почти весь день мирное общение с Микой и с ноутбуком подошло к концу. Все, что Саша успела усвоить — спорить с Кариной было совершенно бесполезно. Неумный характер волшебницы просто сметал все возражения и доводы, без всякого применения магии.

— Итак, я жду ответ, дети современности.

— Я не... — попытался было откреститься Миклош.

— Да ну? Сколько тебе — двадцать девять зим?

— Я родился давно, и мало что смыслю в нынешнем времени.

Карина фыркает.

— Отговорки. Сплошные отговорки — теперь ты живешь здесь, и мог бы что-то и сообразить. К тому же, как я поняла, у вас в Пензе была насыщенная развлекательная программа.

Миклош сглотнул.

— Я не пойду в ночной клуб. И в парк аттракционов тоже. И на дачу не поеду.

— У нас нет дачи. Да и из парков аттракционов в городе один, и без слез на него не взглянешь, — Саша чуть пожала плечами.

— Да? А жаль. Дача — звучит интересно, хотя я не могу понять, чем развлекаются в загородном доме.

— Сажают растения. Шашлыки там, речка, лес.

Карина фыркает.

— То есть у вас развлечение то, что веками было обыденностью? Интересно. А мне казалось, что в мире, где еды вдоволь для каждого, должны быть какие-то еще интересные вещи. За переделом этих ваших компьютеров и телевизоров. Движущиеся картинки это занятно, но мне быстро надоедает.

Надо признать — волшебница, которая явно было постарше Миклоша, в Мортал Комбат Сашу раскатала еще во второй день своего пребывания в доме Серафима, просто сев рядом и взяв второй джойстик. Отказать Карине у Саши просто язык не повернулся, и она уже было приготовилась подыгрывать ей, но, к удивлению, после буквально одной прошедшей вничью партии борьба стала равной, а после трех выиграть уже не получилось без всяких уступок. Был это талант, магия или еще что-то — Саша так и не поняла. Но уважение к волшебнице, явно до того не то что с игрой, а с самой идеей игровых приставок незнакомой, определено, возросло.

Саша склоняет голову, задумываясь о развлечениях. Поход в торговый центр ей самой виделся тем еще кошмаром. Прогулка в парке? Скучно и тоже обыденно. Кино? Те же «движущиеся картинки». Ролевики сейчас не собираются, хотя, быть может, Карина бы и оценила...

— Ну можно поиграть в какую-нибудь настолку или в боулинг съездить, — несколько неуверенно говорит Саша. — Ну или на футбол или гандбол, но я не уверена, что сегодня матчи есть. На Затоне есть парк военной техники, но там тоже только если интересно посмотреть на машины да фотографироваться.

Карина склонила голову.

— Я так понимаю, «играть в настолку» — значит продолжать сидеть в четырех стенах?

— Ну не совсем, — Саша прикидывала, что можно быстро объяснить двум магам. — У меня есть только «Эволюция». Так что надо будет купить что-нибудь еще для начала, глянуть правила. Но, да, играют в такое или дома, или в антикафе или клубах. Я пару таких мест знаю, можно будет сходить как вариант.

— Тогда остается загадочный боулинг и Затон.

Саша кивает, соскребая из памяти остатки информации.

— Можно в СБС поехать, там еще, кстати, игровые автоматы есть и кьюзар, это чуть интереснее, чем на приставке играть. И магазинов много.

— Очередная ярмарка с некачественной одеждой?

— Да нет, там есть прикольные штуки.

— Прикольные, — Карина покачала головой, словно ей само слово что-то сделало. — Ладно, молодежь, собирайтесь и поехали. Мне надоело сидеть дома, да и вам не помешает проветриться. Заодно покажете мне где этот ваш СБС и как туда попасть. Жду готовыми через пять минут.

С этими словами волшебница вышла в подъезд и отправилась к себе наверх.

Миклош сглотнул.

— Почему мне кажется, что мы только что попали в какую-то ловушку?

— Боюсь, тебе не кажется. И ловушкой будут магазины...

Саша поежилась. Она не любила шоппинг и шмотки, но буквально на третий день проживания в доме Серафима Карина, пока наставника и Мики не было дома, не терпящим возражения тоном увлекла ее в Галерею и завалила вопросами о том, что ей подходит, а что нет, о тканях, фактуре, истории того или иного бренда и еще чем-то, от чего голова распухла мгновенно. После третьего часа оценки и примерки и пятидесятого посещения магазина, во многих из которых они уже были, Саше просто хотелось выть и лезть на стенку.

— Боулинг на слух кажется более угрожающим.

— Расслабься, Мика, это не аттракцион. Просто игра, где надо шаром кегли сбивать. Ничего сложного, может тебе и понравится.

Миклош только тяжело вздыхает.

— Ну, не расстраивайся. По магазинам не тебе ходить.

— Ой, да ладно, могла бы сразу сказать, что тебе не нравится, а не смиренно терпеть, — усмехается успевшая переодеться в легкую, почти полупрозрачную рубашку и джинсовую жилетку Карина. — Для меня было отдельным удовольствием наблюдать, как ты изо всех сил пытаешься быть милой и учливой, при этом ненавидя все вокруг и меня больше всего. Это правда было прекрасным развлечением. Вы так и намерены ехать?

Саша кивает. Она давно выходит из квартиры, где пока живет, в джинсах и толстовке, сама не зная почему. А вдруг? А телефон и карта всегда при себе.

— Мика, захвати с собой паспорт на всякий случай.

— Ладно. А зачем?

— На всякий случай. Я предпочитаю носить его с собой всегда. К тому же — вдруг решишь купить сигареты и алкоголь? Не продадут иначе.

Миклош чуть пожимает плечами.

— Не то чтобы я собирался что-то покупать, но хорошо. Я сейчас.

Карина только плюхается в кресло на место пошедшего в спальню переодеться Мики. И с весельем разглядывает Сашу.

— Я совершенно серьезно насчет того, что ты могла бы просто сказать, что тебе все не по нраву, а не стесняться непонятно чего.

Несмотря на легкий тон, говорит она точно не в шутку. Саша чуть поводит плечами.

— Не стоит думать, что со старшими стоит во всем соглашаться, и так же глупо во всем с ними спорить, — усмехается Карина. — И не нужно пытаться мне угодить, надоело за всю жизнь выслушивать подхалимские речи и смотреть, как передо мной ползают на брюхе. И да, как ты могла заметить, я неплохо нахожу общий язык со всеми вашими современными штуками, так что в следующий раз не делай такое сосредоточенное лицо, балансируя между тем, чтобы не ударить в грязь лицом и не задеть, как ты опасаясь, мое собственное самомнение в какой-нибудь игре. Думаю, я и в оставшихся развлечениях на этой чудомашине смогу разобраться, — волшебница подмигнула Саше, кивая на приставку. — Просто

будь собой. Все равно всем не угодишь, и все равно любое притворство заметно.
Стоит ли говорить, что все три партии в боулинг остаются за волшебницей?

Саша чуть напряглась, опираясь локтями о колени. Сидеть в такой позе было удобно, хотя, наверное, и выглядело это несколько странно. Ей было все равно. Потенциальное присутствие в одной комнате рядом с ней разом Серафима, Карины и Михаила Ефимовича напрягало, пусть сейчас никого из них еще не было. Да сидящий слева Миклош, выглядевший так, словно собирались зачитать его смертный приговор, не добавлял позитива в ситуацию. На деле, конечно, вообще не предполагалось, что она в чем-то виновата, ее накажут или что-то в этом роде.

Наверное.

Странные каникулы почти в десяток дней, образовавшиеся после возвращения из Пензы, закончились. Предсказания Серафима о том, что приезд Карины положит крест на некой праздности и веселье не сбылись. Все было тихо, спокойно и почти мирно, если не считать дневные принудительные вылазки куда-то из дома в те дни, когда Карина этого хотела, и курьезы осваивающего компьютерную грамотность Миклоша, один из которых и вовсе вырубил свет во всем районе. С наступлением темноты Саша предпочитала уходить к себе, оставаясь наедине с собой и своими мыслями. Странный, казалось, почти приснившийся разговор с наставником перед вручением дипломов, несколько унял беспокойство, вновь усилившееся сейчас, когда Серафим предупредил, что в обед придет начальник и они впятером обсудят сложившееся положение дел за пределами Резиденции, в неформальной обстановке. Каких именно дел — не понадобилось уточнять. Саша и так поняла.

А еще она ощущала запредельную, иррациональную нервозность. Словно сегодня, вот сейчас, когда появятся старшие маги, ей скажут, что с ней что-то не так, что она — дефект, неправильный центр чужой истории, причина всех бед.

Этого не должно было случиться, если рассуждать логически, но эмоции диктовали разуму свои условия.

Серафим предупреждал, что выжигание рун в Пензе могло иметь последствия в виде ослабления самоконтроля. Ну или она всегда была такой истеричной?

— Волнуешься? — в голосе Миклоша, напряженном, все же скользило участие. Саша понимала, что во всех нынешних событиях парню досталось куда больше, чем ей.

Наставник, как она видела, старался помочь Мике адаптироваться, общался, поднимал старые дела, чтобы понять, кто в ответе за все, что случилось. Но все же, все же. Миклош потерял все и оказался в мире, которого не знал — сколько, месяц назад? Чуть больше? И не трясется так, как осиновый лист. Владеет собой. Не то что она — то впадает в тоску и жалость к себе, то трясется от страха, непонятно чего боясь.

Саша поводит плечом. Странная связь между ними вполне возможно позволяла Миклошу и сейчас чувствовать ее эмоции. Как она не пыталась ставить блок, все равно тело и лицо все выдавало. И Отражение наверняка тоже.

После короткого колебания Саша внезапно для себя признается:

— Да. Я понимаю, что это глупо, но все равно несколько по себе.

В теории Саша представляла, как с помощью простейших ментальных техник подавить подобные сильные эмоции. И, наверное, будь сейчас бой, погоня, или еще что-то активное, но она бы просто действовала несмотря на страх. Но вот так сидеть и ждать... Да и ментальные техники ей никогда не давались, а в последнее время тем более. Но, наверное, ее

чувства могли мешать Миклошу.

— Извини, может, я пересяду, понимаю, это может неприятно ощущаться...

— Прекрати, — Миклош поднял руку, перебивая, — все нормально. Просто вот так сидеть и ждать... Меня это нервирует.

— И меня. Сама не знаю почему.

— Если брать во внимания модный позаимствованный термин популярный, последние лет пятьдесят, то в том числе и из-за явления, которое называют силовым неврозом, — Серафим подходит и садится рядом на диван, ставя на стол плывший рядом с ним по воздуху поднос с чашками и чаем.

С появлением наставника напряжение чуть уходит, Саша правда не до конца уверена, из-за какого-то намеренного воздействия мага или просто потому, что пока подошел только он. Она подбирается, выпрямляясь и готовясь слушать, но Серафим только качает головой.

— Сиди спокойно. Пока тут только я, как видишь. Карина потащила Михаила куда-то за шаурмой, так что они будут минут через пять. Чай будете?

Саша кивает, с некоторым любопытством следя за магом, без какого-либо заметного усилия разливающего чай по кружкам без малейшего движения тела. И когда к ее ладони подплывает по воздуху милая кружка с логотипом рок-группы, сама собой тыкаясь ручкой в пальцы, это кажется чем-то обыденным. При том, что сама Саша и сейчас бы такой трюк провернула только с максимальной концентрацией, а наставник делал это так, что не зная она о по-прежнему существовавшем ограничении магии Миклоша, подумала бы что он использовал силу, а не Серафим использовал, уж больно обыденно вел себя наставник для столь тонкого влияния на реальность.

— Впечатляет.

Она должна была привыкнуть. Наверное. Но раньше Серафим так не делал, предпочитая действовать так же, как и любой человек.

Маг чуть усмехается.

— Опыт, не более. На это силы и самого слабого из Ограниченных магов хватит. Просто опыт.

Саша чуть склоняет голову. Это... демонстрация?

— Что такое этот «силовой невроз»?

Ей все еще не по себе, хотя тепло кружки согревает не только ладонь, но и, кажется, разум. По крайней мере, сейчас разговор ничем не отличается от любого другого, разве что был сейчас про нее саму.

— Если коротко, — Серафим сам отпивает чай, — особенность ментальной деятельности, связанная с усилением эмоциональных реакций и уменьшением эффективности привычных способов с ними совладения из-за резкого увеличения объема оперируемой силы.

— Коротко, — лаконично усмехнулся Миклош.

— Психология — интересная наука, пусть и со специфическими понятиями, и немало принесла в нынешнюю менталистику за последние почти полтора века. Ну а если по-простому, силовой невроз — когда из-за большого количества силы, к которому не готов разум, усиливаются эмоции, причем настолько, что возможности справляться с ними не всегда успевают за яркостью чувств. Достаточно редкая штука, надо признать, хотя и не совсем неизвестная. Проявляется чаще всего если увлекаться вытягиванием силы из восстановителей. Кстати, эксперименты с ними и привели к исследованию этого явления.

Берите конфеты, — Серафим подталкивает вазочку в центр стола, стоящего на середине гостиной, сам зачерпывает оттуда несколько ярких шоколадных батончиков, отправляет один в рот и продолжает объяснение: — на деле я, честно говоря, довольно долго сомневался, Саш, что это имеет место быть в твоём случае. В нынешней ситуации и так кого угодно все происходящее держать в напряжении будет, а подвижная нервная система эмпата с большой чувствительностью, это, кстати, вас обоих касается, легко откликается на все и легко заводит своего владельца в ловушку чувств. Так что будьте осторожнее, оба. Но все же предполагаю, что присоединение второго менгира действительно принесло такие последствия, по крайней мере, понаблюдав сейчас за тобой, прихожу к этому выводу. И расслабься, я не намерен ругать за это или таблетки вручать. Просто смысл тебе продолжать себя изводить на тему усилившихся чувств? Это не то, что поддается контролю разума.

Саша сглатывает. Наставник кажется спокойным. Совершенно спокойным, попивая чай с конфетами. Через небольшую паузу Серафим вновь ловит ее взгляд, чуть улыбаясь.

— Расслабься, Саш. Переставай себя во всем винить, это не ты весь этот план придумала.

— А жаль, — Карина появилась в комнате бесшумно, просто шагая из ниоткуда и садясь на диван так спокойно, словно всегда тут была, а не прошла только что где-то по Глубине, — тогда бы я продолжала нежиться на берегу теплого моря. Кто будет шаурму? Михаил находит эту еду неподобающей, — от входа в комнату доносится сухой смешок, — а мне нравится, хотя на деле это лишь пародия на нормальный гирос, но чем богаты, тем и рады, как у вас говорят. И нет, Александр, ты уже начал есть конфеты.

Саша не смогла сдержать улыбки от страдальческого взгляда наставника.

— Кара.

— Ага, Кара, уже много лет как.

— Господа, у меня еще дела есть сегодня, — Михаил Ефимович сел в одно из кресел, — и при всем нежелании, мне придется их делать. А потому предлагаю не отвлекаться.

Серафим только грустным взглядом проводил шаурму и продолжил поглощать конфеты. Саша с некоторым сомнением, но все же взяла предложенное блюдо. Она питала слабость к шаурме, особенно вкусной, но старалась не слишком давать волю своей привычки к фаст-фуду. Ну разве что иногда.

Как ни странно, первые пять минут собрания проходят в молчаливом жевании. Только Михаил Ефимович пьет чай с несколько отстранённым видом. Хотя, быть может, с Кариной или Серафимом он и общается ментально, Саша точно сказать не может.

— Итак, господа собравшиеся, давайте коротко подведем итоги всего произошедшего в последнее время по делу, объединяющему нас, чтобы мы вместе понимали, куда двигаться, — Михаил Ефимович первым прерывает праздник живота допивая чай парой больших глотков. — Это неофициальное расследование, и никто не будет приносить никаких клятв. Возможно, это было бы благоразумно, но, во-первых, может привлечь внимание, такие следы все же заметны, во-вторых, может помещать делиться информацией с теми, с кем это будет необходимо сделать, а в-третьих, как показало ваше общение с Бестужевым, любые клятвы могут быть бесполезными.

Саша утыкается в чашку с чаем. Очевидно, в чей огород это камень.

— Никого не осуждаю, имеем то, что имеем, — Карина делает еще несколько глотков чай и доедает шаурму. — Не самая плохая трапеза. Но если по делу, то от себя скажу только, что все это мне, с одной стороны, чертовски не нравится, с другой стороны — не вижу

причин бежать и кричать караул. Хотя сам факт изобретения атомной бомбы, поучаствовавшей в каком-то фарсе с фанатиками-магами как таковой меня не радует.

Серафим только фыркает.

— Никого не радует, — примирительно говорит Михаил Ефимович. — В общем-то, что мы имеем на текущий момент в хронологическом порядке. Анасталея, захватив тело одного из московских Советников, удерживал его под контролем не меньше двух с лишним веков, и вполне возможно, что и больше. И именно этот Советник отдал приказ Хачатряну, кстати. Мы предполагаем, что именно он узнал у Георгия Волконского точную дату твоего, Миклош, эксперимента, и не то увидел возможность для себя, не то, наоборот, угрозу. Скорее второе, по тому, что говорил Паук в Пензе. Узнал — и вмешался, явно понимая что и как нужно делать. Анасталея подготовился, интересным образом законсервировав свое тело Советника так, что это позволило ему управлять попеременно и твоим телом, — Мика поморщился в ответ на эти слова, — и занятым телом Валентина Орлова, не последнего из петербургских магов и членом Совета, который невыясненным образом в невыясненное время оказался жертвой Наложения и собственно, тем самым и получить немалую власть. Именно Орлов, кстати, и выступал ключевым инициатором суда над тобой, Миклош, по ускоренному образцу, и теперь понятно почему. Однако, временное вместилище с твоим сознанием Анасталея не стал разрушать, понимая, что истинная смерть ученика привлечет внимания наставника. Как амулет попал в руке к скиа — вопрос, хотя, скорее всего, Орлов передал его на хранение кому-то еще, как мы предполагаем. Кому-то, от кого амулет и перекочевал к скиа. И почти наверняка это был кто-то из тех, кто обо всем знал или, по крайней мере, был готов взять артефакт без вопросов и скрыть его на время. И нам нужно найти того, кто это был. Истинный лик Анасталея, захватившего Орлова, он едва ли знает, но нам нужны доказательства для того, чтобы при необходимости вернуть тебе, Миклош, возможность жить под своим именем и для того, чтобы, используя ресурсы Ордена, в котором этот самый Паук, скорее всего, по-прежнему имеет немало влияния, никого нельзя было ни в чем обвинить. Это первое. Собственно, Александра, ты можешь узнать у скиа, откуда у нее амулет?

— Сейчас, — Саша кивнула, прикрывая глаза.

Нащупать нужную нить было легко, словно она сама шла в руки.

Ты хочешь ответов, — раздается негромкий голос прямо под ухом, и Саша воочию видит рядом Музу в образе гадалки, — *у меня их немного. Но если найдешь того, кто привез в теплый город на море музыкальную шкатулку, что навевает сон равно на магов и людей, то узнаешь все, что хочешь знать.*

Благодарю.

Ответом ей является лишь загадочный смех. Саша вздрагивает, открывая глаза. И просто пересказывает все слово в слово заинтересованным магам.

— Музыкальная шкатулка в городе у моря. Ладно, узнаем у аналитиков, — Серафим только кивает головой. — Это все равно самый простой способ найти ответы. Тем более есть определённые опасения, что если мы попробуем использовать магию, то в дело вступят неприятные сюрпризы.

— Да. Я почти уверена, что в этой истории замешан кто-то из моих ровесников, господ, — Карина захватывает горсть батончиков из чашки на столе, — и это повод максимально осторожно действовать. Александра, — темный взгляд глаз волшебницы пробирает до костей, и это, определенно, неприятное внимание. — Давай напрямик. Тебя,

очевидно, накачивают силой. Очевидно, что привлекают людей из прошлого и намекают на самые разные планы. Для чего — вопрос, но если речь идет о менгирах, значит, думаю, два — не предел. И если ты не хочешь идти как баран на веревочке — думай головой. Сил у тебя хватит любого тут разнести, умений только маловато пока. И я ну очень удивлюсь и скажу, что в мире что-то в точно изменилось, если тебя не попробуют заставить применить эту силу для всеобщего или конкретного блага. Тот глупец, что склонял тебя у менгира к подчинению, просто идиот, мало что смыслящий в людях. Насилием и принуждением, на деле, многого не добиться, и те, у кого есть разум, хорошо это понимают. А мы имеем дело с кем-то, живущим вне тела веками, и тем, кто искусен в менталистике, так что едва ли тебя захотят принуждать. А вот искушать — другое дело. Играть на самолюбии, на желании защитить или угодить. Хорошая новость в том, что, очевидно, появление Миклоша все эти планы спутало, что действительно радует. Поэтому я надеюсь, что вы не поссоритесь из-за ерунды, коль действительно способны работать вместе и дополнять друг друга. Плохая новость — я не думаю, что Паук, как вы его называете, не рассчитывал на то, что вы вдвоём выберетесь из ловушки, хотя он наверняка понимает, что на его след встали, и будет действовать быстро, и — ошибаясь, такова уж человеческая природа.

— Поэтому, господа, — Михаил Ефимович кивает Саше и Миклошу, — вы оба теперь полноправные члены Ордена. Да, и ты, Василий, прошедший обучение в одном потоке с Александрой, — он усмехается, подчеркивая вовсе не настоящее имя парня, но то, что было написано в недавно выданном паспорте, — работаете вместе, подчиняетесь мне напрямую, контактируете с Серафимом, Кариной и близнецами, их вы помните. И все. С Николаем и Екатериной, учениками близнецов — только с информированием о контактах. Любые попытки общения дальше «привет-пока» за пределами этого круга либо под четким контролем, либо пресекаются сразу. Понятно, что не стоит привлекать к себе внимание и рвать все связи, но у вас их, благо, немного. Александра, если Анна выйдет на контакт — сообщай, это не шутки, и она вполне может знать куда больше, чем говорит, и быть спящим агентом, несмотря на все ментальные исследования ее разума, уверяющие, что все в порядке. Пока рабочая версия происходящего в попытке со стороны кого-то из очень старых магов устроить передел мира, получив силу чужими руками. Скорее всего, передел и нашего, и людского мира. Я не вижу для вас смысла сидеть здесь и переживать, действовать быстро по меркам старых магов — может быть и год, и два, и десять. И все это время побег от реальности не принесет ничего хорошего. Когда выясним, что за шкатулка, если это будет достаточно безопасно — пойдете разбираться как стажеры-оперативники, я выступаю в роли куратора. У нас есть свои методы, вы действуйте своими. Миклош, мне от тебя нужны будут все книги, исследования и выкладки по ритуалу, надо понять, как ты прищемил Анасталею хвост, если и сам о существовании этой твари не знал. Александра, если получится поддерживать контакт с скиа, узнай, что она еще готова по поводу амулета. Так что работаем, и только. Вопросы есть?

Миклош переглянулся с Сашей.

Вопросов у них было много. Очень много. Вот только не было уверенности, что ответы на них есть у кого-то из сидящих в этой уютной гостиной.

— Держите, — перед Сашей и Миклошем на столе появились две одинаковые картонные папки.

Саша с любопытством взглянула на Михаила Ефимовича. Начальник появился в доме Серафима впервые с момента последнего разговора и впервые за неделю, и пришел он разговаривать с ними двоими.

Миклош потянулся к папке, рассматривая содержимое. Саша склонила голову замерев на время. И пытаясь угадать, что внутри, и оттягивая момент в котором тайное станет явным, но, в большей степени, рассматривая змеящуюся по старому картону сине-фиолетовую паутину магии, незнакомой и действительно красивой.

— Что на них?

— Ментальный допуск, — спокойно отвечает Михаил Ефимович. — С парой сюрпризов для тех, кто думает, что можно брать чужое без спроса. Для вас это безопасно.

— Я понимаю. Извините. Просто это...красиво.

— Интересное определение. Пожалуй. Только не пытайся повторить ничего подобного, без специфической подготовки просто сила не поможет.

Саша криво усмежается. Менталистика никогда ей не давалась. Но что нельзя строить, то можно разрушать. Станный азарт проснулся в ней, при взгляде на паутину заклинания. Это была не магия Паука, а иная, более тяжелая и знакомая. Но все же, все же, все же... Где-то внутри рядом с восхищением зрело и желание разрушить плетения, сжечь, словно так она могла расквитаться за позорное поражение в Пензе.

Саша встряхивается, желая освободиться от хищнических инстинктов. Не слишком успешно. И что за ерунда? Видимо, именно то, что Серафим называл «нервозом». Отлично просто отлично.

— Копировать вложения запрещено, вы это и без меня знаете. Но обе папки передаю вам в бессрочное пользование, возвращать их не надо. Так что если руки чешутся, Неродная, то милости прошу.

Саша поднимает взгляд на мага.

— Твои намеренья довольны очевидны. Ментальная магия имеет более специфичный рисунок, чем любая другая, и сильнее воздействует на разум сама по себе, даже без всякого желания у использующего ее, и способна подталкивать к самым разным воспоминаниям. Это, кстати, не только повторение пройденного, господа, но и инструкция. Доверяйте своей интуиции. Не только в предстоящем деле, но и в нем особенно. Очевидно, что Паук — талантливый менталист, и в этом есть ровно и его опасность, и его слабость. Ментальная магия сама по себе многогранна и многолика, но ее воздействие на обученного хотя бы азам волшебства, а вы к ним относитесь, никогда не будет бесследным. В том числе и для вас самих. Иными словами, влияние, прямое ли, косвенное, через наваждения, эмоции или убеждения будет ощутимо. Так что следите за собой и помните, что легкие дороги ведут в пропасть, и что там, где легко можно убедить одного человека, даже сам факт появления на сцене кого-то еще способен разрушить чужую ложь. Менталистика, особенно та ее часть, что не требует длинных и сложных ритуалов, не столь хороша против больше чем одного объекта воздействия. По крайней мере в том, что касается самых опасных вещей. Итак?

Это было очевидное приглашение. Саша только кивнула. С одной стороны присутствие

начальника ее смущало, с другой — почему-то раздражало. Его магия на папке сама по себе будила странную кровожадность, смешанную с животной жадностью похвальбы.

— Тщеславие грех, но опыт может и пригодится, — маг словно подталкивал ее к решению.

Саша на секунду склонила голову, пытаясь понять, не будет ли это ловушкой. По крайней мере, ей удалось заглушить эмоции, стараясь взглянуть на ситуацию хладнокровно. Ребячество, конечно. Но опасность будет только в том, если сам Михаил Ефимович в чем-то замешан. По крайней мере, если делать все здесь, в доме Серафима. И опыт может и правда пригодится. Она выставит себя душой, пожалуй. Но после той драки...

Саша склонила голову, рассматривая плетение. Красивое, сложное, многомерное. Разум зацепился за последний образ, и словно бы усилил его, высвобождая еще и еще линии и узлы, повторяющие и пересекающиеся. Защита всех чар, реакция на угрозу, на прикосновения, допущенные слепки Отражения, среди которых промелькнули знакомые и незнакомые, уловки и еще уловки, защита, подрагивающая от прикосновения, одна прикидывающаяся крепкой, но на деле бывшая гибкой, и другая, гибкая, на деле бывшая крепче каната из конского волоса...

На мгновение Саша залюбовалась всем открывшимся видом. А потом черный, яркий огонь ее собственной бушующей силы разом проник во все измерения, окутал все плетения, смял защиты...

И папка в ее руках мгновенно рассыпалась в прах.

Наверное, Саша глупо выглядела. По крайней мере, Миклош с трудом скрыл улыбку.

— Что ж, более чем похвально. Но, боюсь, вам придется довольствоваться одним материалом на двоих, — Михаил Ефимович чуть развел руками, явно забавляясь с ситуацией. — Увы, иногда если магия не может защитить, она может уничтожить.

— Но... как?

— Довольно простой трюк. Ты изолировала все пространство заклинания и атаковала его достаточным уровнем силы. Но не заметила, что само плетение было привязано в том числе и к материальному носителю напрямую. Погибло охранное плетение — распались вслед за нитями силы и связи между крошечными частями этих бумаг. Иными словами, магия и была ими, и без наложенных чар эти документы просто не смогли существовать. Попади они в руки к настоящему злоумышленнику, то после снятия заклинания стали бы совершенно бесполезными.

— И это нельзя обойти? — Миклош с интересом разглядывает свою папку.

— Быстро — нет, в том и прелесть. Если торопиться, то сработает по крайней мере один из защитных контуров, а там все неприятные эффекты. Но большинство итогов качественной работы с такими заклинаниями будут именно такими — магия, охраняющая объект, уничтожена, но вместо победы на деле выходит только поражение. Так что имейте в виду и такие возможности. Подобные решения не редкость среди опытных волшебников. Вам в общем курсе о подобном не рассказывали, да и надобность нечасто бывает. Но бывает. Хотя по первости верно наложить правильный тип слияния на предмет тяжело, с большей долей вероятности магия безвозвратно изменит предмет, на который наложена, до полной неузнаваемости. Но если сделать все верно, то оно будет того стоить. Ладно, я отвлекся. Впрочем, нынешний инструктаж не слишком длинный. Потом почитаете документы, там все, что у нас есть. Аналитики поискали, Александра, по твоим словам о шкатулке, действующей и на людей, и на магов. Кстати, скиа с тобой не общалась?

Саша качает головой. Муза вообще сказала, что сама придет, когда будет нужна, а раньше времени сценарий грех читать.

— Сказала, что придет как надо будет.

Маг только вздыхает.

— Увы, Тени не люди, и живут по собственным законам. Хотя к тебе питают симпатию.

— Менгир.

Михаил Ефимович качает головой.

— Не думаю, что дело лишь в этом. Я не специалист по Теням, и не так много о них знаю. Но все говорит о том, что вовсе не каждый оператор мог свободно общаться со скиа и рассчитывать на не то что их помощь, но хотя бы на то чтобы не быть уничтоженным при контакте с ними. Было несколько случаев, когда именно Тени по своей воле или ведомые чужой уничтожали даже целые Круги, в которых были в том числе и носители силы камней. Так что предполагаю, что эти существа относятся к тебе так потому что ты — это ты, а вовсе не по какой-то иной причине. Но, собственно, не стоит дергать медведя за усы, и просить о большем, чем готовы дать. Несмотря на расплывчатость формулировки, нить, ведущую к шкатулке, мы нашли. Признаки косвенные, но вероятности тут достаточно однозначные. Судя по всему, кто-то в Анапе уже не первый год помышляет кражами среди бела дня. Ничего столь существенного, чтобы местная полиция устраивала масштабные поиски злоумышленников, хотя действуют они довольно нагло, не уходя даже тогда, когда дома кто-то есть. Более того — жертвы обычно спят беспробудным сном, даже если до того были полны сил или солнце едва клонилось к закату. Ребята обчистили месяц назад и квартиру Рената Сликовского, вампира. Живет он человеческой жизнью, никому дорогу не переходил за все время после Обращения. Надо признать, что после кражи он и к нам не обращался, как и к общине, хотя в полицию пошел, сокрушаясь, что спал без задних ног, пока из соседней комнаты старый кинескопный телевизор уносили.

Миклош склоняет голову.

— Вампир спал, пока в его доме были посторонние?

— Да. Если верить полиции, был он нетрезв. Но — факт остается фактом. Не раскрути мы вероятность, даже не нашли бы это дело. Сам Сликовский ведет себя тише воды и ниже травы. Может, конечно, рыльце в пуху, и тянется к нему нить о чем-то другом, так что имейте это в виду. Лучше будет, если вы не будете внимания к себе местных привлекать, я предупредил тамошнее начальство. И Сликовский, и домушники эти, кем бы они не были, лишний раз беспокоится не будут. Вампир, кстати, может попытаться сбежать, обращаться он умеет, в деле есть все. Так что будьте там аккуратны, господа. Командировочные, билет и все остальное прилагается, но для всех местных Затронутых вы просто в отпуске, и точка. Благо пока сезон. Вопросы?

— Шкатулка, — задумчиво говорил Саша, — если она усыпила даже вампира, то, может, есть какое-то ее описание в базах?

Михаил Ефимович качает головой.

— В тех, что поднимали аналитики — нет. Но, быть может, вы найдете что-то еще, отрицать не буду. Могу только сказать, что если эта вещь и правда усыпляет, то важен тип транслируемого воздействия. Едва ли прямая магия, ее бы местные не проморгали, там след остался бы. Значит, сопряженная.

— Со звуками.

— Вероятнее всего. Или запахи, такого исключать нельзя. Вряд ли тактильный или

зрительный компоненты. Так что простая изоляция от раздражителя поможет. Или сила, разумеется.

Саша усмехается. Это, понятно, для нее сообщение.

— Единственное что — если магия сопряженная, то не исключена автономность.

Миклош только тихо застонал.

Саша повернулась к парню, поднимая бровь в немом вопросе. Что-то, кажется, было знакомое в терминах, наверняка она уже слышала про сопряжение. Но что именно — от разума ускользало.

— Автономность. Эта штука может работать в руках незатронутого, просто питаюсь от Отражения напрямую. Иными словами, она может быть у кого угодно в этой вашей Анапе. У любого человека.

Саша только невесело усмехается.

— Занятно. И фон минимальный... Но, с другой стороны, если понять что это и как работает, то я думаю смогу ее найти, незатронутый и экраны никакие не поставит, а Анапа не Москва.

— Верно.

— Значит, найти шкатулку и узнать, у кого она была раньше и как все это относится к Пауку, — Саша вновь смотрит на начальника, — а дальше?

— В идеале — дальше мы соберем цельный пазл из кусков. В реальности — действуйте по обстоятельствам, только на рожон не лезьте.

Саша вновь усмехается.

— И когда ехать?

— Лучше всего или вечером сегодня, или завтра с утра, билеты сами купите, бронь на отель есть, через пару часов вам ее перешлют.

— Завтра, — в гостиную заходит Карина, — потому что сегодня мы с вами идем на покерный вечер. И не закатывай глаза, Миклош, ты все еще не выполнил проигранное в прошлый раз.

Саша переглянулась с парнем. Стоило ли говорить, что за одним столом с этой волшебницей они о выигрыше не могли и думать? При том что Карина магию не использовала. Вообще.

Собственно, предсказуемо покер закончился полным разгромом, и к документам, связанным с предстоящим делом, удалось вернуться только поздним вечером.

— И что мы имеем? — Миклош с интересом разложил вокруг себя на полу листы из папки, отданной Михаилом Ефимовичем.

Саша села рядом, со страдальческим видом отпивая пиво. В гостинной Серафима кроме них никого не было, как и во всем доме, но все же она старалась говорить тихо. Мало ли.

— Что мы имеем кроме того, что я уже проиграла четыре желания за сегодняшний вечер, и помимо всего прочего успела подсунуть Серафиму ручку с исчезающими чернилами, как Карина и хотела, и если он узнает, то небо с овчинку покажется?

Миклош хмыкает.

— Ты сейчас жалуешься человеку, проигравшему, между прочим, пробег в одних носках вокруг дома. Днем и на камеру.

— Ну нечего было идти ва-банк, видно же, что карта не твоя.

— Я был уверен, что она блефует!

— Ага, и карты не считал, — Саша усмехается. — Мне кажется, это наш урок на

будущее или вроде того. Игра ли б на деньги — остались бы без трупов.

— Я все равно ее обыграю. Я в покере в свое время половину имения Облонских выиграл и три породистых лошади, а это и подороже, чем ваши нынешние авто. Три! Я играть ходил каждую вторую семедницу по четвергам в салон ле Варин, и знаешь ли последнее исподнее не закладывал. А тут...

— А тут мы с тобой в дураках.

— Я узнаю, в чем ее секрет!

— Если он есть. Магию я думаю я бы почувствовала. Или ты. Или Серафим.

— Если бы наставник захотел говорить, — Миклош отмахнулся и вздохнул. — Я уверен, он знает, где подвох. С тех пор, как она сюда приехала, ни одной еще игры, кроме как на этой коробке с пультом управления, не проиграла. И я узнаю, как так. Мы даже в города вдвоем против нее не справились!

Саша улыбнулась, смотря на раскрасневшегося от негодования товарища. В тот день после памятной партии им пришлось три часа терпеть походы по торговому центру, во время которых Карина запрещала им отказываться от примерки любой вещи, которую выбирала. И не только примерки, но еще и фотографии в новом наряде. Теперь где-то на ее смартфоне была и Саша в кожаных штанах и прозрачной блузке, и Миклош в настолько обтягивающей футболке, что, казалось, даже волоски на груди были заметны, и они вдвоем в каких-то полупрозрачных римских тогах и нелепых шляпах... Фотографии, которые не должны были существовать, но существовали. И да, факт оставался фактом — со дня своего приезда Карина, не раз и не два затевавшая с ними игры и соревнования, играла разве что вничью только несколько раз в Смертельную Битву и Героя Гитары. И все. Даже если условия были ну совершенно не равны. Серафим, кстати, всегда удачно отказывался от соперничества. Но, кажется, у него в поиске оправданий был большой опыт.

И Саша при том была совершенно, абсолютно, стопроцентно уверена, что магии при этом она не ощущала. Никакой магии...

— Мика, почему ты Карину не называешь по имени? — с любопытством спросила Саша, чувствуя скрывающаяся за этим тайну. — Мы же на ты и все прочее, несмотря ни на что. Но никогда по имени, я заметила.

Миклош несколько ступешался. Потом пожал плечами.

— Не могу, — он на несколько секунд замирает, смотря куда-то между строк лежащего рядом листка бумаги с записями, но потом поясняет: — я познакомился с ней незадолго до своего эксперимента. Она была против, крайне против. Я, разумеется, не послушал, разозленный попыткой наставника в очередной раз помешать моей, как я думал, гениальной идее. Я даже не знал, кто она для него. Был уверен, что любовница, — при этих словах Миклош покраснел, кажется, до корней волос, — наговорил всякого. Кажется, я сам тогда был не до конца в себе, просто помешался на своих исследованиях. Новгородский говорил, что это было похоже на манию, может даже и искусственную, но он тогда не нашел ничего при беглом осмотре, а я от помощи и нормального изучения наотрез отказался. Теперь и поздно уже. Но я не буду сваливать все на чужие происки, сам дурак. В общем я наговорил очень много лишнего. И, Саша, это для нее прошло два века, но не для меня.

— Карина не кажется злопамятной, — осторожно произнесла Саша.

Не то что бы она любила сплетничать о других, но в последнее время ясно ощущалось смущение и нервозность Мики рядом с волшебницей, которая, как казалось, несмотря на странное чувство юмора и явную любовь ставить всех вокруг в неудобное положение, была

настроена к ним обоим весьма располагаяюще.

— Может быть. Но, Саша, она могущественна и на ее месте я сам, определённо, был бы зол.

— Как ты заметил, для нее прошло много лет. Да я думаю, она знает, что ты ошибся и не хотел оскорбить.

— Да я-то как раз хотел...

— Ну, в любом случае, мне кажется, для могущественного мага такие вещи не были бы чем-то, требующим мести. Просто то, что сказано на эмоциях. Я вон много наговорила и наделала в Пензе, но ты вроде на меня не злишься, как и Серафим. Или злишься? — закончила Саша с некоторой опаской.

— Да нет конечно. Тебя много что из колеи выбило тогда, я все понимаю. Да и мы живы, так что... Ладно, — Мика усмехается на красноречивый взгляд Саши. — Я понял. Не жди, что со следующего утра все будет легко и непринужденно, я не столь быстро меняю свое мнение. И так поездка завтра как снег на голову свалилась. Ты хоть читала эти записи? — он указывает на содержимое папки.

— Откуда? У нас только твоя копия. Но если ты подождешь минут двадцать, то я все просмотрю.

Саша углубилась в записи, пока Миклош меланхолично что-то зарисовывал в своем блокноте. Надо признать, с ручками он быстро нашел общий язык и был несказанно рад, что к двадцать первому веку человечество забыло про чернильницу и чернильные пятна повсюду.

— А ты сам то скажешь? — через четыре листа аналитических выкладок и несколько десятков рапортов голова начала болеть от информации.

— Я? — Миклош рассеяно оторвался от блокнота, — я скажу, что мне совершенно непонятно, о чем речь идет почти везде в бумагах полицейских. Вроде буквы знакомые, а слова — нет. Странный язык какой-то, не собирается почти никакой картинкой, хотя я и понимаю, что там детали воровства описаны. Но как-то просто мимо разума проходит, когда вникнуть пытаешься. Ну кроме аналитических записок, там как раз все ясно.

Саша усмехается.

— Для меня наоборот.

В терминах магов-аналитиков она ориентировалась, конечно, но очень, очень поверхностно. Опыта не хватало, сама Саша предвидеть будущее не умела почти, теорию забыла почти сразу после сдачи экзамена, а без практики многие формулировки просто теряли смысл. Несмотря на все ее силы, здесь нужен был определенный талант, да и предрасположенность с умением дисциплинировать сознание. Серафим обучил ее основам и паре ритуалов прорицания, способных давать быстрый и скорее образный, но все же легко расшифровываемый результат, и посоветовал не беспокоиться по этому поводу. Аналитика была областью магии, где практика и общий опыт, как магический, так и жизненный, помогали куда лучше заемной силы. Саша старалась в свое время, но все же освоить эту область магии с насюда было непросто. Да и было это все откровенно скучно.

Миклош усмехается.

— Занятно. На деле я не то чтобы спец во всех вероятностях, хотя большинство аналитических плетений ритуальны, так что многие вещи мне знакомы. Хотя на деле все, что можно сказать — магия уверяет, что все эти остальные случаи краж связаны между собой, связаны с Пауком, связаны с нами и что мы вдвоем сможем с ними разобраться.

— Что, так и сказано?

— Ну вроде того. Наше вмешательство имеет положительный коэффициент, и больше пяти, что много.

— Ладно, поверю на слово. Тем более, что дело своеобразное. По всему получается, что эту шкатулку усыпляющую, если конечно именно в ней дело, используют судя по всему, что нашла полиция, просто для прикрытия самые обычные домушники. Знаешь, а я думаю, что ты прав насчет автономности и что дело мы с людьми имеем, у которых как-то артефакт оказался.

— Почему ты так думаешь?

— Ну сам по суди — а зачем это нашему брату? Я молчу про то, что деньги и проще достать можно, коль речь о магии идет. Да в Анапе каждый год миллионы отдыхающих, там если все знать, что и как, можно как сыр в масле кататься, особенно если закон не писан.

— Может, владелец шкатулки боится привлечь внимание Ордена или Ковена с общиной? Думаю, там наверняка следят, чтобы отдыхающие эти на клыки всяким безнаказанным злодеям не попадались. А, похоже, шкатулка фонит слабо, коль ее не засек никто.

— Боится привлечь внимание — и лезет в дом к вампиру? Это же не маг, они свою суть скрыть не могут, никакие артефакты не помогут, все равно что мы, что Затронутые Обращенного чуют будем на уровне инстинктов. Зачем почти десяток лет умеренно, но стабильно обирать местное население, к тому же, что интересно, в богатые дома наш вор не лезет, хотя мог бы, и тут решить залезть к вампиру, что привлечет куда больше внимания в любом случае, чем даже ограбление депутата? Просто потому что любой Обращенный имеет право на расследование преступления против себя Орденом, даже если изначально магии не применялось. А тут магия налицо, этот Ренат должен был просто пулей мчаться и требовать справедливости. Сумма похищенного конечно не многолетние накопления, но я месяца три бы на это прожила. То, что вампир этого не сделал, вообще странно. Но еще страннее, мне кажется, будет ситуация, в которой неведомый скрывающийся от всех девять лет Затронутый, использующий незаконно артефакт столько раз, что на хорошее разбирательство, а то и на Ограничение хватит, вдруг решает ни с того ни с сего зайти в дом к вампиру. Не ослеп же он, в самом деле.

— Не ослеп. Но, быть может, мы зря считаем вампира пострадавшей стороной? — Миклош поднял глаза от блокнота, в котором до того что-то подчеркивал в такт словам Саши.

— Думаешь, это месть?

— Думаю, что если мне что-то у кого-то надо было украсть, и я знал бы, что этот кто-то не пойдет к Затронутым из-за того, что имеет незаконно нажитое, и точно не проснется во время кражи, то я бы и старого мага бы не побоялся обчистить.

— Хм, — Саша подперла щеку кулаком. — Думаешь, Ренат пошел именно в полицию и не пошел в Орден потому что у него увели что-то запрещенное по нашим законам, и он надеялся сам или с помощью человеческих следователей найти вора и заставить его отдать похищенное?

— Я бы этого не стал исключать.

— Но это мог бы сделать и человек. На заказ, например.

— Может быть, — Миклош пожимает плечами. — Но, точно думаю, что если мы пойдем, случайная ли жертва этот вампир, не захотевший стать посмешищем в глазах

нашего сообщества и потому промолчавший о краже из собственного дома, или преступник, которого просто перехитрил другой тать, и который не пожелал раскрывать то, что похитили на самом деле, то сможем приблизиться к разгадке того, кто владец этой самой шкатулки.

— Пожалуй, — Саша склонила голову. — Кажется, Ренат этот — самая необычная из жертв. Но надо попробовать и с остальными пообщаться, если получится. Так-то судя по всему наш вор довольно ловко все обчищал, быстро, и никто его и не видел. То есть в квартиры сумел попасть, не вызывая подозрений, коль не поймали еще. И коль все делал быстро и мало что пропускал, значил знал, что искать.

— Бывал в домах раньше?

— Скорее всего. Ладно, приедем — увидим. Может быть, вообще дело не в шкатулке и воре как таковом, а в чем-то другом, что они найдут в Анапе?

В прихожей хлопнула дверь. Раздался несколько раздраженный голос Серафима:

— Кара, даже не думай. Мне еще восемь отчетов писать, кажется, буду сидеть до тех пор, пока чернила в этой чертой розовой уродине не кончатся. И как это уродство ко мне попало, да еще и тогда, когда последнюю нормальную ручку Аликинский без возврата свистнул? Вовремя. В общем, если хочешь, присоединись к ребятам, коль так не терпится попробовать, но я — пас.

Саша и Миклош переглянулись. Именно розовая ручка была той самой из магазина приколов...

— Я думаю, вам с утра рано вставать, — на пороге появилась ослепительно и невинно улыбающаяся Карина, выразительно подмигнувшая Саше, — но если хотите, мы можем сыграть в это если вы покажете, как тут и что и меня научите.

В руках у волшебницы был диск для приставки с последней версией футбольного симулятора. Саша почти физически почувствовала, как изменилось настроение Мики.

— Придумаем так, чтобы двое против одного, — парню не слишком давались игры на приставке или ноуте. Но, кажется, превзойти волшебницу для него стало делом чести.

— Идет, — Карина широко улыбается. Что-то если в этой улыбке от улыбки питона, адресованной паре мышек.

Что ж, со сном сегодня вряд ли задастся.

Ночная темнота меняет все. Словно, оставаясь наедине с собой, она превращается совершенно в иного человека, неспособного отделаться от собственных демонов. Как будто нынешнее рассматривание в окно тихой улицы помогает справиться с самими разными эмоциями, главная из которых — вовсе не горечь от парочки разгромных поражений в футбольный симулятор. Вовсе не это, а то, что она гнала от себя все эти дни.

Саша не удивляется, когда на кухню заходит Серафим. На самом деле она даже надеялась на его приход. Не звала, не отвлекала, но все же как-то по-детски надеялась, что наставник появиться, так же, как в прошлый раз. Несмотря на густую темноту ночи.

Рассвет еще не занялся, Миклош крепко спит, да и она должна спать, по-хорошему. Завтра автобус отправляется с самого раннего утра.

Но сон не идет. И, по-хорошему, ей определённо стоило бы остаться тут в одиночестве, а не лишать отдыха еще и мага.

— Я отвлекаю тебя, — негромко говорит Саша, смотря на полумесяц за окном.

— Нет. Я выбрал прийти сюда, значит, могу это сделать. Все в порядке.

— Извини. Я знаю, что мне нужно отдохнуть. Но... Мне страшно.

Признание обезоруживает. Но оно правдиво. Ей правда страшно. Настолько страшно, что одна мысль о том, чтобы оказаться в одиночестве на диване в своей-не-своей комнате даже в этом защищённом доме пугает до чертиков. Саша не может это контролировать. Не может успокоиться, не может расслабиться, словно наполненный событиями длинный яркий день врезался в разум и никак не хочет исчезать. Словно сила, бурлящая в ней, без ведома разума прикасается к Изнанке, раз за разом отражая в разуме прожитые эмоции, вновь и вновь заставляя проживать прошлое. Такое уже бывало после Пензы, когда чувства, и так всегда яркие, занимали все внимание и не желали исчезать. Хорошо было бы свалить все на менгир, но, все же, менгир-менгиром, а разум-то ее, а не камня. Правда, Сашин разум отказывался справляться периодически с чем-то подобным, погрязая в предчувствиях будущего и тревогах о прошлом. Или наоборот.

А еще совсем скоро Саша покинет этот дом. Шкатулка, поездка и... смерть? Она уже проиграла. Один раз проиграла — и проиграет снова. Это лишь вопрос времени.

Вечно сидеть в четырех стенах невозможно. Но здесь и сейчас в разуме не осталось ничего, кроме страха. Кто она против Паука, могущественного волшебника старше на столетия?

Серафим оглядывает ее внимательным взглядом и неожиданно опускается на пол, прислоняясь спиной к одному из кухонных шкафов, и кивает на место рядом:

— Сядешь?

Саша толком не знает, что ответить и как реагировать. Это слишком неожиданно, слишком непонятно. Почти не отдавая себе отчета, она медленно слезает с подоконника и несколько неуклюже садится на покрытый линолеумом пол. Здесь неожиданно комфортно, особенно после того, как она прижимается к приятно-прохладной стене, чувствуя под спиной лишь шершавость обоев с простенькими рисунками и твердость опоры. Наставник сидит рядом, поджав под себя ноги, и кажется совершенно спокойным.

Возможно, здесь и сейчас, смотря на него, она сама на секунду перенимает это спокойствие. Жаль, что лишь на секунду.

— Можешь рассказать, что порождает твой страх?

Маг спрашивал довольно мягко, но вместе с тем серьезно. Словно это правда могло быть важно. Глупость какая. Зачем она только разговор завела? Все эти страхи — ерунда. Для него тем более. Глупость из-за ее слабости. Саша неопределённо разом качает головой и пожимает плечами.

Наставник чуть склоняет голову. Он не кажется ни раздраженным, ни разочарованным таким ответом.

— О чем бы шла речь, я уверен, что для тебя это важно. Никто в здравом уме и трезвой памяти не будет считать, что какие-то из поводов для страхов малы и ничтожны, а какие-то достойны того чтобы пугать. Все люди разные, и боятся совершенно нормально. Я, прожив больше отмеренного людьми срока, испытываю страх во многих ситуациях. И даже Кара, хотя и никогда не признается, тоже способна бояться. Не спрашивай только откуда я это знаю, — маг чуть усмехается, — это не моя тайна. Но тем не менее.

Саша обхватила руками колени. Ей хотелось говорить... Но как после этого она сможет смотреть в глаза наставнику? Одно дело чувства, даже если они вдруг прорывались бы через блокируемую связь, и совсем другое дело — то, что скажет она сама. В чем признается, за что возьмет ответственность. Серафим продолжает:

— Я бы боялся, зная, что завтра покину хотя бы иногда кажущийся безопасным дом и отправлюсь, быть может, на встречу с тем, кто едва не убил меня несколько недель назад, кто силен и могуществен.

Саша вздрагивает.

— Это глупо. Я не могу сидеть здесь вечно. И... — она сплывает, — я знаю, что так правильно. Знаю что все, что произойдет будет правильным.

— Правильным? — кажется, Серафим удивлен. По-настоящему удивлен.

Саша кивает. Она толком не может описать, как именно в ее разуме сформировалось это понимание. Просто не может, но оно есть.

— Это как идти навстречу буре. Только ты знаешь, что так нужно, что это верная дорога, и нет на деле иного пути. Но буря не становится меньше от этого знания. И, — она добавляет чуть более растеряно, — я не знаю, для кого это «правильно». Не знаю, как все закончится. На деле, — Саша останавливается, словно ожидая, что наставник будет что-то говорить, но маг молчит, и она продолжает, — на деле, я даже не знаю, чем все закончится для меня, просто это... правильно. Так нужно.

Она поняла это... когда? Когда начальник принес документы? Когда они подводили итоги на собрании с шаурмой? Когда она увидела Паука впервые? Когда шла за Женей в темноту?

— Кому нужно?

— Я не знаю. Правда не знаю. И это страшит больше всего.

Только сказав это, Саша понимает, что сказанное — правда.

— Я просто... Я не откажусь и не убегу. Просто я не знаю, чем все кончится. И я знаю, что никто не скажет и никто не знает, ведь будущее изменчиво и все такое. Просто... Черт, когда погиб Виталик, меня выгнали с работы и я на последние деньги приехала на тот фестиваль, когда ты предложил последовать в кроличью нору, я не боялась потому, что терять было все равно нечего. Вообще нечего. А теперь... Я не знаю, что изменилось.

На деле — это было ложью. Саша знала. Прекрасно знала, что успела привязаться не только к Серафиму, несмотря на все недоговорённости между ними. Что за прошедшие дни

она привыкла к Миклошу, которого то пыталась опекать, чувствуя ответственность за его появление здесь, то стараясь понять, удивляясь тому, как иногда могут отличаться люди, рожденные в разное время, друг от друга. Даже Карина, с которой она была едва знакома, имела какую-то внутренне располагающее к себе манеру, за которой не чувствовалось подвоха, несмотря на кучу глупых ситуаций, в которые по ее милости Саша попала и скорее всего еще попадет. Черт, да за прошедшие дни она привыкла и к странному, иррациональному теплу этого дома, ощущавшемуся и в прежние визиты, но теперь постоянно бывшему рядом.

Как только она уйдет отсюда — все это закончится. Миклош будет рядом... Но даже ее скромных способностей в прорицании было достаточно, чтобы понять, что это временно. Конец пути ей придется пройти в одиночестве.

— Будущее изменчиво, и потому никто не способен предсказать его в точности. Иначе многих вещей бы, разумеется, не случилось. Иначе бы тебе и не пришлось никуда ехать, тем более сейчас, — Серафим говорит мягко, но в его словах Саша чувствует отголоски многих чувств и большую искренность. Быть может, наставник и сам был бы не против сказать, что все непременно будет хорошо, но он этого не сделал. — Но я уверен, что это не последний наш с тобой разговор здесь.

Саша встречается взглядом с магом. Серафим смотрит с теплотой во взгляде.

— Никто не знает, что случится в точности, потому и я, и Кара, и Миша идем собственными путями, желая настичь Паука, а вы пойдете своим. Но это не значит, что, покинув порог этого дома, ты останешься со всем один на один. Есть связь, есть телефон, в конце концов. Но, Саша, даже если так сложится, что по каким-то причинам наше общение не будет возможно, помни, что на самом деле у тебя всегда есть ответы на все вопросы. Не только свои собственные, но и те, что дал бы я. Всегда.

Саша сглатывает, пытаясь понять, о чем говорит маг. Понимание, кажется, ускользает.

— Ты поймешь. Может, не сейчас, но поймешь. Когда оказываешься с кем-то по-настоящему рядом, то вольно или невольно поселяешь этого кого-то в свой разум. Навсегда.

Саша замирает, пораженная догадкой. Вопрос, на который однажды Серафим не ответил, а позже она уже не пыталась его задать.

— Человек в Черном, тот что приходил во снах в Свободе? Это был ты?

— И да, и нет. Думаю, твоего в нем куда больше, если судить по всем, что я о нем знаю.

— Но...как?

— Наш разум — удивительная штука. Неисчерпаемый источник тревог, бед и страхов — и разом кладезь знаний, сил, ресурсов, решений и тепла. Саша, я говорил это раньше и повторяю сейчас — я не оставлю тебя, что бы не случилось. Помни об этом. Я знаю, что будут еще разговоры и еще слова. Здесь, а не только разделенными километрами. Я не все рассказал, ты не все узнала. Честно говоря, я не хотел бы, чтобы ты уходила. Хотя, признаю, та часть моего сердца, что связана с миром разума, говорит мне, что «правильно» это верное слово, хотя мне оно и не нравится. Но если ты хочешь...

— Нет, — Саша говорит это быстрее, чем понимает, что это тоже правильно. — Не пойми не так, я хочу... Но если я отступлю, если не шагну вперед, то страх останется навсегда. Я... я не знаю, почему так. Это просто чувство. Мне страшно, но я буду действовать. Иначе ведь нельзя. Паук не отстанет. И лучше заниматься делом, расстраивать планы, чем просто сидеть без дела. Так я могу что-то поменять.

Наставник только мягко улыбается.

— Мужество и храбрость, Саша, это вовсе не отсутствие страха, а умение принимать его, советоваться с ним и двигаться дальше, чувствуя его рядом и помня, что страх — лишь часть мира, а не весь мир. Вообще нет ничего, что было бы целым миром. И я, Мика, Кара, твой питомец, твои друзья, этот дом — это не весь мир. Но все это есть в мире, есть в твоём мире и будет в нём.

— Будущее неопределенно...

— Да. И потому людям дана уверенность и вера. И людям, и магам, даже старым и видевшим очень и очень много всякого. Ветер не утихнет сам собой, но я уверен, что ты в итоге останешься на ногах, даже после того, как он иссякнет. И даже если до того придется упасть — ветер иссякнет, выдохнется, а ты останешься.

Саша улыбается.

Будущее неопределенно. Но если Серафим, столько видевший, знающий явно куда больше о том, какие плохие вещи бывают, уверен в том, что не все так плохо... То само это понимание словно поселяет у нее в груди крошечный кусочек этой веры. Крошечный, но не исчезающий ни после короткого сна на рассвете, не после завтрака, не после мига, когда она покидает дом наставника. Кажется, этот кусочек веры теперь ее собственный.

Перед мысленным взором Человек в Черном, сидящий на поляне в лесу у костра, загадочно улыбается, протирая куском собственной футболки что-то, напоминающее большой и ровный рубин. Ее собственный рубин.

Глава 6

— С чего начнем?

— С завтрака. Хотя где-нибудь, — Саша с тоской обвела «общую» комнату их сдвоенного номера.

Кажется, когда-то этот отель был студенческим общежитием. По крайней мере, мебель была тут именно такая, да еще и старая невероятно. Ладно хоть основной отпускной сезон закончился, и людей тут было немного, так что найти место удалось без проблем. Два двухместных номера, больше похожих на чуланы, где и одному-то сложно развернуться, и крохотная общая комната с перекосившимся письменным столом посередине. Но зато хотя бы командировочных хватило, еще и осталось немало.

— А еще можно поспать пару часов, — девушка зевает.

Она умела спать в любом месте. Даже стоя в трамвае. Но, увы, сегодняшней сон в неудобной позе в автобусе по дороге из Краснодара в Анапу не принес чувства отдыха. Совсем нет. По разуму метались неясные тени, отголоски не то эмоций, не то образов будущего, не то причудливо перемешанные куски самых разных фактов и выводов. А то и все сразу.

— Ты ложились вчера? — Мика прищуривается, и Саше не секунду кажется, что он и правда ее старше на десяток лет. Но только на секунду.

Она отмахивается.

— Да, но этого сна было не слишком много. Ладно, не обращай внимания, на том свете отосплюсь.

— Не шути так.

— Все нормально, — Саша чуть улыбается, — просто пошли в какой-нибудь фастфуд, где можно заказать пару чашек кофе. Или пару ведер кофе, и все будет в порядке.

Миклош еще раз оглядывает ее каким-то странным взглядом.

— Что не так? — Саша складывает руки на груди. Такой знакомый был взгляд. С укоризной.

— Кофе вреден для здоровья. Чай проклят на трех соборах, а кофе на семи, как на Урале раньше говорили.

Несколько секунд Саша только глазами хлопает.

— Раньше ты не говорил об этом.

— Раньше ситуация другая была.

— Так, ты что-то, друг мой, недоговариваешь, — раздражение пробежала по комнате, хлопнув дверцами шкафа в углу и задернув занавески.

Миклош только покачал головой.

— Ладно, не бери в голову. Пошли пить твой кофе. Только город не разнеси потом, а то это черное пойло, по-моему, не способствует концентрации ни на чем путном.

— В твоё время его не пили?

— Пили. Но не я. Ладно, идем.

Миклош первым вышел из общей комнаты, а Саша только бросила взгляд ему вслед. Интересно, это сейчас была попытка заботы, или исполнения каких-то данных Мике старшими магами предписаний, ей неизвестных? Надо бы выяснить.

Несколько секунд раздражение боролось в ней с откровенной злостью, но потом и то и

то чувство все же отступило. Что бы там ни было, глупо думать, что она знает все. Но это не повод не спросить Мику, зачем он тут. Позже. А пока другие дела есть.

Она быстро находит неподалеку от отеля небольшое кафе с ближневосточной кухней, и после шаурмы и двух чашек кофе вата в голове начинает понемногу истаивать. По крайней мере, Саша чувствует себя определенно готовой действовать.

— Пошли к Ренату этому. Адрес у нас есть, пообщаемся.

— Вот так сразу? А отдых, вот это все? — Миклош склоняет голову. — Видимость отдыха, по крайней мере.

— Думаешь, пасут?

— Что? Кого пасут?

Саша вздыхает и говорит чуть тише, надеясь объяснить мысль без спорных идиом:

— Думаешь, за нами следят?

— Уверенности нет, но я бы на месте много кого следил бы за парой посланцев от краснодарского начальства в виде совсем молодых магов, приехавших развлекаться. Так, хотя бы по первости. Да и если что — вечером вроде как проще дома застать кого угодно, а днем как раз можем попробовать выяснить насчет слежки. Как у вас в таких местах отдыхать принято? Источники, грязевые ванны, обертывания, или что?

Саша переводит взгляд на мага и прищуривается.

— Ты что, на море никогда не был?

— Почему — был. Если ты помнишь, Санкт-Петербург вовсе не в глубине русских земель находится.

— То есть ты на холодном море только был?

— Ну да.

Впрочем, а чему она удивляется? Кажется, Екатеринодар что-то в самом конце восемнадцатого века основали, и то тогда это ведь не город был, а вообще крепость. Конечно, когда наверняка никто не ездил на море загорать да купаться. И если подумать, Миклош старше города, в котором она родилась.

— У тебя хотя бы плавки есть?

— Что есть?

Саша тяжело вздыхает.

— Тебе никто не рассказал, как в Анапе отдыхают?

Кажется Карина собиралась отвести Миклоша в магазин с товарами для отдыха на пляже, но он все-таки успел избежать этой участи и сбежал куда-то в отдел с костюмами в тот день, когда они втроем отрабатывали проигранные желания в торговом центре.

Миклош покачал головой. Выглядел он сбитым с толку.

— Ладно, деньги у нас есть. Пошли.

— Что? Куда пошли?

— За плавками, полотенцем и кремом от загара. Отдыхать — так отдыхать.

Если с полотенцем и кремами проблем не возникло, то лицо Мики при взгляде на витрины с плавками, занимавшие немало места на находящемся неподалеку рынке, было непередаваемо.

— Мне надо носить это на людях? Ни за что! Это же нижнее белье!

— Кто бы говорил о конспирации...

Возмущался Миклош конечно не на всю улицу, но почти на всю.

— Конспи... что? В общем, это слишком. Может, я там где-нибудь посижу в стороне?

— Мы поддерживать нашу легенду будем? Будем. Ладно, расслабься, немало людей в шортах купаются, купи себе пару, каких не жалко, от соли быстро в негодность придут. И бандану или панаму, а то тепловой удар — штука неприятная.

К концу импровизированного шопинга Миклош выглядит совершенно несчастным от своего собственного предложения о курортном отдыхе.

— Ладно, расслабься, — Саша подталкивает парня на одну из узких улочек, ведущих к набережной. — Сейчас, благо, уже сентябрь начался, народу на пляже меньше чем летом будет. Да и хоть поплаваешь в настоящем море.

— Поплаваю? Я не умею!

В словах было что-то близкое к настоящей панике.

— Как не умеешь? — Саша даже не подумала о том, что то, что для нее было естественным, для кого-то таким быть не могло. Особенно для человека из прошлого, где физический труд, единение с природой и вот это все.

— Да вот так. Я знаешь ли прожил всю юность в фамильном имении, у нас там пруд был декоративный, грязный, и купаться туда только дворовой пес ходил, когда конюх его с цепи спускал.

— Ладно, разберемся. Это не страшнее, чем на поезде или автобусе ездить.

Людей на пляже действительно немного. Немного по меркам Анапы.

— Что, думаешь, есть хвост? — спрашивает Саша, раскатывая полотенца.

Ей кажется это сюрреалистичным. Слово каким-то странным сном — вместо расследования и поиска опасностей она собирается несколько часов провести на пляже. Построить может быть даже песочный замок с Микой, если он захочет... Сашу строительство чего-то на пляже еще со времен работы вожатой в лагере успокаивало. Видеть, как груда песка становится чем-то иным, настоящим и красивым, пусть и на едва ли десяток минут... Что-то в этом было.

Саша мотнула головой. Дисциплинировать разум... Что она чувствовала сейчас? Чертовы эмоции смешались в кучу, приобретя небывалую яркость. Вчера она с серьезностью читала дела, с азартом ставила на кон немало в картах, терпеливо объясняла основы игры в футбол Карине... И сидела, погребенная под собственным страхом на кухне, пока наставник ее успокаивал. А теперь она приехала сюда и намеревается дурачиться на пляже. Песочные замки... Какая ерунда.

— Все в порядке? — кажется, Миклош несколько минут наблюдал за тем, как Саша паялилась в пустоту, оставив наполовину расстеленное полотенце.

— Да.

— Уверена? — что в этом вопросе — назойливость или участие? Скорее второе. Наверное.

— Да. Просто вроде как мы вмешиваемся в планы, — Саша на всякий случай оборачивается, но, кажется, никто не подслушивает, — могущественного врага. Опасность и все такое. А тут — пляж, море и всякая несерьезная ерунда. Надо делом заниматься.

Миклош хмыкает.

— Мы занимаемся. Одной из задач дела было создание хотя бы иллюзии того, что мы тут отдыхаем. И мы отдыхаем.

— Скорее делаем вид, что отдыхаем.

— Одно другому не мешает. К тому же за нами действительно наблюдают.

— Кто?

— Не кто, а как. Судя по всему, мягкий вариант «Всевидящего ока». Работа мага, стандартизированная. Видишь? — Миклош толкает в ее сторону по Отражению образ, Саша подхватывает его и замечает тонкую паутинку совсем рядом с собой, заканчивающуюся яркой точкой. И тянется к паутинке вспухающей в разуме силой.

— Не надо, — магия Миклоша толкает ее собственную в сторону, мешая.

Вокруг ни с того ни с сего в воздух подлетает немало так песка. Просто Саше не удастся сдержать раздражение.

— Почему не надо?! Это незаконно!

— Во-первых, это полуактивное наблюдение, в первую очередь координаты берущее, так что пока мы эти плетения не трогаем, то можем их обмануть без проблем, но нападение будет зафиксировано. Во-вторых, я думаю, что здесь все по закону. Тем более, что это ведь не Великое Ухо какое-нибудь или не Паутина.

— Почему это законно?

— А ты присмотришься.

— Что...А. Вот черт.

Саша рассматривала заклинание, не прикасаясь к нему, а словно бы поглаживая Отражение вокруг сплетенных нитей силы. И Изнанка рассказывала, отдавала свои знания, легко и без усилий. Ворох образов складывался в картину.

— Выходит, это местное начальство меня невзлюбило за что-то, даже в лицо не зная и пасет теперь?

Властные, но незнакомые, хотя и ощутимо-формальные ноты в отпечатке того, кто сплел магию, были явственными, не скрываемыми. Не то визитная карточка, не то послание.

Миклош чуть пожимает плечами.

— Я думаю, это просто страховка.

— От чего?

— Ну, если бы на мою территорию приехал отдыхать молодой и сильный маг, возможно, кутить, играть в карты, или во что там сейчас принято, пить вино и проводить время в обществе дам или кавалеров, то я предпочел знать, не будет ли с ним проблем, и если будут проблемы, то хотя бы понимать где именно это проблемы будут. Наверняка патрульные тут неподалёку готовые, если что, вмешаться. Да и предупреждение для тебя, чтобы все прилично было. Нити-то даже не прятали.

— Я их не заметила, — с досадой бросает Саша.

— Ты их не искала, — чуть пожимает плечами Миклош.

— А ты искал?

Парень кивает.

— Тебя за этим со мной послали?

— Нет, — Миклош морщится, — и давай коль мы начали эту тему, то сразу ее и закончим — я понятия не имею, в чем моя цель. Все, что мне сказали Старшие «Твое участие может помочь». Все. Какие вероятности, что я должен делать, а чего не должен — я не знаю. У меня есть голова на плечах и глаза с ушами и всеми остальными чувствами, но какой-то секретной миссии нет. И все, что я сейчас знаю, помимо того, что знаешь ты — что тебе сейчас крайне непросто из-за большой свалившейся силы, из-за всей этой истории в Пензе, в которую ты из-за меня влезла.

— Не из-за тебя. Ты был против. Я не послушала...

— Саша. Ты согласилась на ритуал, вернувший мне тело. Ты согласилась поехать искать

моего знакомого. Все, прекрати рвать на себе волосы. Прошное в прошлом. Я это сказал только потому, что понимаю, что твое внимание может быть занято совсем другими вещами, и сам стараюсь смотреть в оба. Я не боец, но в плетениях неплохо разбираюсь. Хотя вот это заметил только мы сюда дошли. Или не было раньше, или просто до того не увидел.

— Но именно ты предложил создать видимость отдыха, даже не зная ни о чем...

— В моей молодости за юными магами не один год приглядывали негласно не только наставники или кураторы, но и главы всех территорий, куда нелегкая заносила молодежь. Скандалов все равно много было, но все же. Сила, новые возможности и все такое. Так что я подумал, что и тут за нами могут присматривать, по крайней мере, пока не поймут, будем ли мы безобразничать или нет.

— Звучит так, словно каждый молодой маг спит и видит, как устроить дебош или над Кремлем на метле полетать.

Миклош расплывается в улыбке.

— Мы тайком к императору в спальню пробирались.

— Что? Серьезно?

— Разумеется. Там Затронутые в охране были, так что приходилось быть осторожными, не только от людей, но и от магов хорониться. По Отражению не пройдешь, везде щиты, а так в обычном мире кому попадешься, так все, поминай как звали. Могли и измену родине, и попытку покушения на венценосную особу вменить. Но все равно были смельчаки в каждом выпуске.

И это старую пьяную драку с байкерами начальство посчитало слишком отвязной выходкой и отправила на трудовую повинность в «Дубы»?!

— Ладно, давай собственно делать то, зачем мы сюда пришли, — Миклош указал взглядом на купающихся у берега людей, — а то просто поговорить можно и там, где менее жарко и меньше солнца. А я хочу понять, зачем мы тут.

— Предполагается, что солнце должно создавать равномерный загар на всем теле.

— Загар? Зачем, так мы будем похоже на просто... на тех, кто занимается физическим трудом.

— Мода, — Саша пожимает плечами, — всего лишь мода. Желание сказать всем: «Я на море был, а вы?». Так что, если хочешь, в следующий раз пойдем под навес. А так — да, можно заходить в воду в любое время, хоть сейчас. Ну или пива купим с пахлавой, будем лежать и загорать.

Миклош несколько неуверенно посмотрел вокруг.

— Идем, у меня с собой есть мяч, — Саша вытащила из рюкзака один из самых габаритных предметов из всех, что с собой взяла. При том, что это был не мяч даже, а просто мячик. — Главное не утопить его. Так будет веселее, глядишь, кто-то еще подтянется поиграть.

— А вещи?

— Оставим под магией. Отвлечение не запрещено, так что Отражение поможет защитить нашу собственность, — Саша с легкостью выплетает и отвлекающие, и отвращающие чары. Теперь не то что никто не заберет вещи, но даже и на пару метров не подойдет.

Магию она выплетает, и тут чувствует на себе чей-то взгляд. Внимание, ползущее по Отражению, очевидное и... знакомое?

— Чурчхела! Пахлава медовая, пиво, вино, лимонад...

Внимание исчезает до того, как отвлекшаяся на торговку Саша вновь ловит его источник. Но на Изнанке она замечает смутно узнаваемый образ рядом, и почти сразу и в реальности видит, как недалеко от берега плавают катамаран с целой компанией молодых ребят. Одна из девушек оттуда кажется знакомой. Очень знакомой. Саша может дать голову на отсечение, что это Аня.

Аня, когда-то на свою беду позвавшая ее в родную общину, могла быть здесь? Но как? И если это именно бывшая подруга наблюдала за творимыми чарами, желая понять, кто решил поворочить на пляже, то почему осязаемое внимание было таким явным, таким точечным, и, что самое главное, воспринималось как внимание вовсе не к незнакомке, которой Саша должна была быть после Вуали Времени, а как интерес к старому товарищу?

— Саша?

Она только качает головой, видя, как катамаран отплывает куда-то прочь от берега. Могло ли ей показаться? К тому же ауру Ани Сашу не чувствовала, именно ауру силы мага, словно ее и не было. Просто узнала отпечаток в Отражении. Но без магии. Амулеты? Или она просто обозналась?

— Кажется, видела одну знакомую. Мага.

— Но я никого не чувствую вокруг.

— Вот и я теперь. Ладно, идем, как бы то ни было — продолжаем играть роль. Мы пришли сюда отдохнуть и будем отдыхать. А работа — вечером.

Но Ане она напишет. Аккуратно так напишет, тем более что вчера они обменялись парой ссылок на известные ресурсы по настолкам. Общие интересы и все такое. Попробует узнать, где сейчас бывшая подруга. Саша бросила взгляд на прибрежные воды. Катамаран уплыл, и следовать за ним было бы глупо, да и выдала бы она себя с головой, случись чего. Оставалось выжидать и наблюдать.

Впрочем, ничего нового.

— Пошли в море. Попробую научить тебя плавать.

Миклош хмыкает.

— Ну или не дать утонуть.

— Больше похоже на правду.

Теперь хмыкает уже Саша.

— Просто расслабься и получай удовольствие.

— Когда ты успел обгореть? — Саша скептически рассматривала покрасневшую шею Миклоша, склонившегося над недавно купленной газетой.

Парень явно погрузился в чтение, утратив интерес к недоеденному гамбургеру. Увы, судя по всему, солнцезащитный крем ему мало помог, хотя видимых неудобств Миклош не испытывал.

— Видимо пока находился на солнце в исподнем, — с раздражением отрезает Мика, дочитав статью. И резким движением придвигает газету к Саше и указывает на одну из небольших заметок. — Это осложняет дело.

Заголовок гласил: «Дома под защитой. В Анапе задержаны серийные домушники». Саша пробежала глазами статью. Если верить корреспонденту, буквально вчера специальная следственная комиссия, возглавляемая экспертами из Москвы, арестовала двоих мужчин, которые на протяжении нескольких лет совершали дерзкие ограбления квартир, в том числе и в светлое время суток.

— Вовремя они, — Саша хмурится.

— Эксперты из Москвы. Удобно. Все дороги ведут в столицу... Ничего не меняется.

Саша сплетает кончики пальцев, задумываясь.

— Мне кажется, это скорее нам послание.

— Почему? — Миклош возвращается к гамбургеру.

— Может и пальцем в небо, но, во-первых, очень удачно все совпало с нашим приездом, а во-вторых... Вот если бы у тебя была возможность кого хочешь усыпить, попался бы ты полиции? Человеческой полиции?

— Не знаю. Все зависит от того, на сколько времени я мог бы усыплять.

— Просто если у меня такая штука была бы, и я не знала про магию, и про то, что от нее защититься можно, то носила бы с собой всегда и использовала при первой возможности, как только жареным запахло. И спали бы полицейские сладким сном на аресте.

Мика качает головой.

— А если узнает кто о том, что такое у тебя есть? Жена там выкинуть решит, или ребенок поиграться? Скорее лучше спрятать и доставать только тогда, когда действительно нужно, не выдавать секрет.

— Резонно, — Саша побарабанила руками по столу. — Слушай. Нам нужен владелец или шкатулка? Ведь если владелец — человек, то уж точно не тот, кто лично был когда-то знаком с Пауком. Столько лет прошло... А толку было бы Пауку самому сюда приезжать там тридцать-сорок лет назад и отдавать случайный артефакт какому-то домушнику? Связь тут какая-то иная. А если и связано наше дело все-таки с кем-то из теперь уже арестованных... Добраться до них в полицейские застенки будет нереально без магии, на официальный запрос или подделку документов будут нужен не один день, и все равно придется что-то придумывать. Или искать местных посвященных и через них пробиваться, но тогда плакало наше прикрытие стажеров на отдыхе. Тут два варианта — или задержали и правда виновных и шкатулки у них не было, иначе бы применили, или кто-то остался на свободе и с артефактом в руках. Пока следствие идет задержанные никуда не денутся, но если мы решим пробиваться с магией к ним, то нашему «отпускному» прикрытие будет безвременный конец. Не говорю уже о реальном шансе по Восьмому Эдикту отправиться самим под суд,

нам же запрещено применять вообще любую магию к служителям закона, а тут придется.

— И что ты предлагаешь?

— Найти шкатулку. И я попробую вытянуть из нее информацию.

Миклош сводит кончики пальцев и чуть склоняет голову, явно что-то прикидывая.

— А это может сработать. Но ты не менталист.

— Зато сила есть. С тем шаром-то получилось же. Думаю, если сосредоточится, то я смогу вытянуть конкретную информацию, всю, какую захочу. И там уже решим, что дальше делать.

— Сила... — Миклош только головой качает. — Извини, мне пока не нравится эта идея. Не потому, что может не выйти, тут я как раз сомнений не испытываю. Рисунок там простой, я его помню, провести все можно будет. Но Считывание — ритуал с ментальным компонентом, там черти что без опыта нахватать можно. А я тебе не могу, я вообще ничего кроме риталогии не изучал глубоко. Опасно.

— Жить вообще опасно, — Саша отмахивается, — ладно, в любом случае пока нет шкатулки, я даже мельком ее не видела, чтобы искать сейчас через Отражение как-нибудь. Так что пока давай обманем эту следилку и сходим в гости к вампиру, надо же с чего-то начинать. А потом уже решим, что делать с домушниками в СИЗО и делать ли вообще что-то с ними. Уже вечер, программа-минимум выполнена, живет Ренат недалеко, так что, думаю, ничьего лишнего внимания наш визит привлечь не должен.

Миклош кивает.

— По крайней мере, если что просто перетянешь потом следилку на что-нибудь другое. На вещь какую-нибудь перевесь, и никто не узнает, куда мы пошли. Сидим в кафе — и сидим, я внешнего наблюдения не видел пока. А магия будет говорить местным, что мы все еще тут и не о чем волноваться.

— О, а это мысль, — воодушевляется Саша. — Да и раздражают меня эти протянутые через Изнанку отростки. Я ребенок что ли, чтобы за мной местное начальство следило просто по факту приезда в этот курортный город? Ладно, сейчас.

Саша прикрыла глаза. Работать с плетениями, особенно чужими, в Отражении было проще. Но сейчас ей была нужна не только магия, но и вполне материальная вещь. Бандана, например. И тут уже было легче оставаться в реальности.

Технически перефокусировать следящую магию на то чтобы плетение с ориентации на Сашу переключилось на одну только конкретную цветную тряпку, было несложно. На практике же делать такое с реальным заклинанием, особенно с заклинанием опытного и сильного мага, было крайне сложно. И медленно — пока Саша изолировала чужую магию, пока проверяла защиту... Сломать бы — сломала за секунду. А так пришлось не меньше десятка минут на все потратить, не желая давать знать о модификации чар их владельцу. Но результатом Саша осталась довольна.

— Вот и все, — она повязала бандану на спинку стула, за которым сидела, и аккуратно прошлась поверх легким флером отвлечения. Так чтобы никому из персонала или посетителей не пришло в голову брать головной платок в руки.

— Неплохо. Я бы так быстро и в лучшие времена не мог, — усмехается Миклош. — Ладно, пошли, а то решит еще кто на нас посмотреть, а тут никого. Мы с тобой не нашли кого-то, кто бы за нами следил. Но это не значит, что никого нет.

— Да, немного здоровой паранойи не повредит.

Саша поднимается на ноги и подхватывает привычный рюкзак с полотенцами и всем

прочим. Миклош встает следом.

Идти до дома вампира недалеко, и это радует. Сегодняшний день с поездкой, морем и пляжем немало вымотал ее. Да Саша и сама чувствовала что обгорела, перестаравшись с расслаблением на пляже под жаркими солнечными лучами. Спать, пожалуй, в первый же день на море было лишним. Да еще и в полдень.

— Кстати о наблюдателях, — Миклош обвел глазами небольшую улицу, по которой они шли.

Саша последовала примеру напарника. Ничего примечательного. Дома, мелкие магазинчики, узкая проезжая часть да традиционно полуголые отдыхающие, которых, надо признать, сейчас было куда меньше, чем одетых, несмотря на жару, в бриджи, а то и штаны и рубашки, местных. Да и сланцы тут почти никто не носил. Определенно не сезон.

— Да?

— Ты кого-то видела на пляже.

— Не знаю точно, — Саша нахмурилось. — Может, показалось.

— Ты маг с кучей сил. Так что не «показалось».

— Я могу обознаться, — Саша пожимает плечами, — думала, может, подруга из прошлого. Та самая, которая играла со мной и Пауком за одним столом в Пензе. Мы ее видели с тобой мельком до того пару раз. Но теперь я ощущала ее словно бы без магии, да и не должна она помнить меня, а тут другое что-то... В общем, думаю, я просто приняла желаемое за действительное. Напишу Ане вечером, или завтра, да и узнаю, где она сейчас, и все.

— Напишешь? Ты общаешься с кем-то, помимо...

— Одобренного круга знакомств? — Саша фыркает, чувствуя какую-то странную веселость при этом признании. — Не то чтобы. Но спросить могу, это не что-то секретное. И сама я ничего не говорю о себе, расслабься.

Миклош только качает головой. Но ничего не говорит.

— Я не собираюсь лезть в ловушку или что-то такое. Хм, кажется, это нужный подъезд. В домофон звонить будем?

Железная дверь в самом обычном пятиэтажном доме здесь имела довольно-таки допотопный, но все-таки домофон, сейчас горевший красным огоньком готового к работе устройства.

— В домочто?

Кажется, Миклош и правда ни разу не использовал такую штуку. У Серафима был кодовый замок, у близнецов — просто звонок, да и в Пензе вроде как негде было с таким познакомиться.

— Домофон. Штука, которая позволяет позвонить в квартиру, поговорить с жильцом и дать ему открыть нам вход, не спускаясь в подъезд. А иначе не войти без ключа, и у меня его нет, да и кода я не знаю для того чтобы взломать это устройство.

— Прибор-дворецкий? Что ж, когда-нибудь я привыкну. Думаю, не стоит предупреждать этого Рената о нашем визите так заранее. У тебя есть идеи, как уговорить его сотрудничать?

— Конечно. Скажем правду, да и все. Я все равно врать не умею. Тем более если ему скрывать нечего, то найти украденное точно захочет. А если есть что скрывать, то мы вроде как официально стажеры-оперативники, бумаги-то есть, просто не светим. Но право надавить имеем. Ладно, тогда просто пройдем в подъезд через Изнанку на первом Шаге.

Шаг. Привычно изменившийся мир Отражения. Саша замирает, оглядывая мир вокруг. Замирает и застывает, чувствуя осязаемый, явный запах, который никогда не хотела бы ощутить вновь. Запах, которому она не могла дать описания и объяснения. Холод? Ужас? Неизбежность? Запах едва свершившийся смерти.

Миклош появляется рядом, кажется, через целую вечность.

— Ты чувствуешь? — Саша склоняет голову, пытаясь понять направление неприятных ощущений. Мир вокруг, причудливо изменившийся, несмотря ни на что, вовсе не хотел раскрывать свои тайны. Где бы не случилась трагедия, здесь, стоя перед дверью, понять ничего нельзя было.

— Что? — Мика оглянулся.

— Смерть. Рядом.

Парень лишь качает головой.

— Ладно, идем.

Саша делает шаг вперед, намереваясь открыть дверь подъезда. В Отражении, разумеется, не было никакого домофона. Только замок, крепкий замок, созданный людской верой и чувствами. Но здесь сила магии способна открыть любую дверь. Совершенно любую, и неважно, во что верили жившие за ней. Саша тянется рукой к массивной металлической ручке.... И понимает, что сила магии способна открыть любую дверь, но не эту, несмотря ни на что. Несмотря на привычно-естественное напряжение воли, ломающей пространство вокруг, дверь не поддается. Или здесь живут впечатлительные люди, для которых подъезд — это настоящая крепость, или вампир постарался усилить вход в свой дом какой-то собственной магией, и таким вот стажером, общий курс магической подготовки прошедшим, не взять дверь нахрапом.

Можно расплавить замок. Или...

— Я пойду глубже, выйду и открою дверь в реальности.

Миклош кивает. А Саша Шагает глубже. Мир меняется — замок остается. Еще шаг. Замок. Еще. Еще — Шагать легко. Силы у нее столько, что захоти сейчас — расплавил замок этот вместе с дверью и всеми дверями в этом чертовом доме.

Отражение берedit чувства. Запах недавней смерти лишь усиливается, а странное ощущение внимания с пляжа вновь занимает разум. Но рядом совершенно точно никого нет, и сейчас, на такой глубине, сложно отличить воспоминания от реальных ощущений. Быть может это все — вовсе иллюзии Отражения, растрavляющие разум.

Саша мотает головой, сосредотачиваясь на цели. Мир вокруг, ставший миром размытых форм и неясных силуэтов, говорит ей тысячи, десятки тысяч слов каждую секунду, сообщая и сообщая многое из того, кто она предпочла бы не знать, и много из того, что исчезнет из памяти почти мгновенно. Сообщает многое, и сейчас нужно было сосредоточиться, отбросить все лишнее. Делать то зачем она здесь и не идти за миражами.

Теперь, на далеко не первом Шаге, перед Сашей все та же дверь, вот только соткана она из дыма и теней. Дверь настолько тонкая, что просочится сквозь нее внутрь даже не подъезда, а здесь, на Глубине, настоящего каменного замка, не составляет труда. Что Саша и делает, просто проходя сквозь несуществующую для нее преграду и тут же Шагая в реальность, не желая задерживаться в изменчивом мире.

Нажать кнопку и впустить Миклоша — дело пары секунд. Да и найти нужную квартиру на третьем этаже несложно. Благо, жильцов они вдвоем с Микой не интересуют. Саша нажимает звонок. Раз, второй, но, на удивление, никто не реагирует на долгое раздражающее

дребезжание. Никаких звуков не раздается из глубин квартиры вампира.

Запах смерти здесь почти выветрился. Кажется, шел он не то из подвала, не с первого этажа. До этого запаха как такового ни Саше, ни Миклошу дела не было. Кто-то умер. Трагично, но бывает. Не из квартиры же вампира тянуло. Так что пока совпадение оставляло равнодушным, в отличие от того факта, что в восемь вечера Рената дома не оказалось.

Саша рассматривала Изнанку сквозь неприятные, словно бы кровью измазанные образы, мелькающие за дверью квартиры кровососа. Ей доводилось раньше иметь дело с вампирами, и их оттиск, их отражение в Отражении всегда включало в себя тяжелый запах крови, как оборотни пахли мокрыми псами, а суккубы оставляли после себя флер дорогого парфюма. Сейчас неприятное ощущение несколько мешало рассматривать пространство за дверью квартиры, тем более за закрытой дверью. Но обострившееся после Пензы ощущение, усилившаяся связь с Отражением говорила однозначно о том, что дома у Рената действительно никого не было.

— Он что, уехал, что ли?

— Или в ночь работает, — Саша поморщилась. Такого она как-то не ожидала. Или этот Ренат понял, что они по его душу приехали и куда-то удрал? Но на словах она попыталась успокоить напарника, стараясь не думать о плохих исходах: — или задержался где. Или еще что-то. Что, пойдем в квартиру, или как?

Миклош качает головой.

— Тогда о сотрудничестве можно будет забыть. Это же вампиры, они как и все Обращенные нутром чувят, если кто на их территорию зашел, и от них никакая магия наше присутствие не скроет. Еще и пожаловаться может, а то и в попытке убийства обвинить, и такое бывало. У них убежище, жилище, многое значит.

— Черт. Ладно, повешу маячок где-нибудь на входе, саморассеивающийся. Пусть как подойдет этот Ренат домой, так даст магия нам знать. Если не появится через сутки, то попробуем уже по официальным каналам что-то узнать. Конечно, мог просто в отпуск уехать там, или на природу, но община хотя бы что-то сможет рассказать тогда о его местоположении.

— Да, думаю, это будет хорошей идеей, — Миклош кивает, — ввалиться конечно к нему кажется привлекательной идеей, но так мы только проблем приобретем. Пока нет доказательств, что там происходит что-то незаконное, проникновение в жилище к Затронутому без разрешения — само по себе нарушение множества наших законов, и тут нам даже рассказ местным орденцам о своем задании не поможет, все равно будет разбирательство и скандал. Может, конечно, Ренат решит и не заявлять на нас... А может и решит, и тогда проблем не оберешься. Особенно если учесть, что мы новички в этом всем и с нас спрос больше, за молодыми магами следят сильнее, воспитывают и все такое. Про Поиск я молчу, община без обвинений нас в бумагах утопит. Гражданские права, презумпция невиновности, нарушение Перемирия и вот это все. Был бы маг еще... Но увы.

— Ладно, ты прав, — Саша кисло улыбается, — пока рано на рожон лезть.

Несколько минут она смотрит на закрытую дверь, потом только плюет с досады и протягивает аккуратную нить слежения. На потолке и под хорошей маскировкой. Вампир все равно почует что-то неладное, но и только. Но так хоть они с Микой будут знать, когда можно будет в гости навещаться.

— Ладно, пошли в кафе, заберем платок со следом, и в отель. Отдыхать и мазаться кремом от ожогов.

Миклош кивает. Он разочарован не меньше Саши, но выглядит скорее задумчивым, чем раздраженным.

Обратный путь от дома Рената проходит без приключений и непонятного ощущения чужого взгляда. Но уже подходя к кафе, в котором они совсем недавно обсуждали поимку домашних животных, Саша замечает, что что-то не так. Кафе закрыто. Просто закрыто потому что работало до восьми тридцати.

— Вот черт. Теперь внутрь лезть. Не оставлять же след там, местные точно поймут, что к чему.

— Не нужно никуда лезть, — напряженным голосом говорит Миклош, рассматривая расфокусированным взглядом окружающий мир. — Уже не нужно. Внутри нет никаких источников магии. И следилки тоже нет.

— Что? — Саша сама осматривает все вокруг. Вообще все.

Следа и правда нет. Просто нет. Нигде в сотнях метрах вокруг них. Нигде вокруг. Досада от отсутствия Рената, их главного возможного свидетеля сменяется тревогой.

— Вот же... Или мой маневр раскрыли и сняли заклинание, или кто-то забрал бандану. Затронутый, я же на нее отвод внимания повесила.

— Могли забрать просто стул по чьей-то наводке, — морщится Миклош.

— Тогда может и человек, — Саша вздыхает, призывая на помощь все свои умения и стараясь успокоить бешено бьющееся сердце. Да, следа нет. Сняли? Или кто-то следил и забрал бандану? Надо успокоиться и думать рационально. Сейчас на нее никто не нападет. Незачем пороть горячку. Два десятка глубоких вдохов, и Саша заставляет себя сконцентрироваться на практических решениях, а не на панических мыслях: — надо найти бандану, пока проблемы из-за нее не нашли нас. Если след сняли — одно дело, другое — если кому-то зачем-то надо создать мнение о том, что мы с тобой в одном месте, когда мы на деле — в другом.

Миклош кивает.

— Логично.

Саша вновь Шагает. Теперь уже просто проходя сквозь незакрытую в Отражении дверь в кафе. Пара минут, и она точно может сказать, что цветастый платок из заведения исчез бесследно.

— Здесь ничего. Кто-то забрал саму вещь.

— Идем в отель. Поиск все же лучше делать там, где никто мешать не будет, и там легче замаскировать ритуал от местных.

Саша кивает. Кажется, кто-то в отдалении смеется. Ее демоны? Муза? Паук?

Как знать, как знать.

— Непохоже, что это хорошая идея, — с напряжением в голосе произнесла Саша, рассматривая расчерченный пол.

В общей комнате, соединяющей два номера, ее и Миклоша, теперь там, где раньше около дивана лежал выцветший от времени палас, теперь красовался прямо на полу сложный рисунок мелом, включавший в себя столько углов и фигур, что при одном взгляде на них могла начать болеть голова.

— Ты вновь предлагаешь обычный поиск? — Миклош, закончив последнюю прямую, повернулся к ней, по-прежнему сидя на корточках. С явным раздражением он продолжил: — мы ведь все обсудили.

Саша возвела глаза к потолку. Миклош прямо-таки вцепился в идею провести какой-то редкий и забытый ныне ритуал под мудренным названием, из которого Саша запомнила только «какое-то там Сопряжение», вместо самого простого, что ни на есть, поиска. Разница была в том, что сам по себе Поиск Предмета выдавал бы направление и примерные координаты искомого, но, как и все простые и действенные ритуалы, был широко известен и очень часто блокировался тем, кто не хотел обнаружения нужной магу вещи. Например, абсолютно все вещи, находившиеся в доме Серафима и все, что были связаны с ним самим, с Миклошем и Сашей, насколько она поняла из объяснений наставника, благодаря определенным защитным плетениям никаким из подобных поисковых чар не обнаруживались. К тому же Поиск Предмета, хотя и был разрешен для полноправных членов Ордена, находящихся при исполнении рабочих обязанностей, все же был крайне заметен и ошутим всеми магами на большой территории вокруг места проведения.

Так что, отвергнув предложение Саши выбраться за город и провести простой ритуал, Миклош предложил свою идею — то самое Сопряжение. Саша, в ритуалистике понимавшая крайне мало, смогла уловить только, что эта крайне сложная магия, почти незаметная окружающим благодаря ментальному компоненту, позволяла получить от Отражения исчерпывающую информацию о нужной вещи. Проводить этот ритуал без риска для собственного разума мог лишь владелец искомого предмета, который и устанавливал временные рамки, в которых по времени мог искать всех, кто с предметом контактировал. Имелось у этого колдовства и ограничение — искать слишком давно потерянную или слишком часто переходившую из рук в руки вещь было слишком опасно.

Саша до сегодняшнего дня не слышала об этом ритуале, не говоря уже о том чтобы пытаться его проводить. Но Миклош, кажется, был в восторге от возможности применить свои знания на практике, и уверял, что такой выбор и сулит куда больше выгоды, чем просто Поиск. Она сама не была в этом уверена.

— Саша, объясни, что тебе не нравится? Кроме того, что придется довериться мне и моим знаниям.

Она отворачивается. Умеет вот Мика выражения подбирать... Но, кажется, ее лицо довольно красноречиво, потому что парень невесело усмехается и поднимается на ноги, становясь прямо перед ней.

— Слушай, Саш. Мне это тоже чертовски все не нравится. Не из-за... В общем, я сейчас не о прошлых днях. Я о настоящем. Непонятная слежка на пляже, и я сейчас не про местный Орден. Ты чувствуешь запах смерти рядом с местом жительства вампира, который наш

важный свидетель и который может знать много всего интересного. Потом так удачно исчезает повязка эта головная с привязанным магическим следом. В общем в этой ситуации Поиск самый правильный, логичный и очевидный вариант.

— Да.

— И именно поэтому я не хотел бы проводить его. Да, я сам предложил, но пока шел, пока думал... В общем, о Сопряжении, давай так это называть, мало кто сейчас помнит, я его нащел в одной старой книге в свое время. И если все пройдет как нужно, то ты узнаешь все, что надо, по этой повязке своей, не выходя из этой комнаты. Без необходимости идти по нитям Поиска, возможно, прямо в ловушку. Ведь простой вариант — вариант, очевидный не только для нас с тобой.

Саша сложила руки на груди.

— Я не сомневаюсь в тебе. Но мне вот это «если пройдет как надо» как-то смущает. Я понятия не имею, что это и как работает, да и ты проводил его... Сколько, один раз? Два?

— Четыре, вообще-то. И рисунок я сверил с базовым изображением, он выполнен верно.

— Сверил с чем?

— С базовым изображением.

— Прости за мою бестактность, но ты ведь...

— Не выходил из комнаты, да. Но я — ритуолог, Саша. В моем разуме хранятся сотни таких вот ритуальных фигур, может и тысячи. Ровные, идеальные образы, скопированные из книги с помощью специальной техники, обязательной для всех, кто работает с ритуалами больше чем из трех фигур. Я несмотря ни на что все-таки квалифицированный маг, и не стал бы тебе предлагать что-то действительно опасное и экспериментальное. Да, один раз пришлось. Но тогда была иная ситуация, знаешь ли.

— Ты признал, что тот рисунок на заправке...

— Не был до конца верным, да. У меня не было времени на полную сверку. Теперь есть. И я уверен что начертил сейчас именно то, что я вычитал в книге Карины. Между прочим...

— Мика, — догадка мелькает в Сашином разуме, и она перебивает парня, боясь спугнуть мысль, — а ты не думаешь, что именно эти изображения, которые ты помнишь, и есть причина, по которой тебя заперли в предмете?

Миклош кисло улыбается.

— Я не знаю. Михаил предположил то же, он скопировал все из моей памяти, но это пока не принесло плодов. Дело не в тех фактах, что я знаю, не в тех рисунках самих по себе, а в том, как это может быть применено... Знаешь, все равно, что записано в книге, важнее то, что из ее записей можно извлечь. Если, конечно, вообще я что-то знаю важное, а не, скажем, в какой-то вероятности должен поскользнуться на льду и сбить с ног какого-нибудь важного человека, что упадет, сломает шею, и будет какой-нибудь вечный мир вместо вечной войны или наоборот. Если я и могу помешать Пауку, то я понятия не имею как. И ты зря меняешь тему.

Саша только вздыхает.

— Почему ты так хочешь именно Сопряжение?

— Его не заметят. Это полностью разрешенный ритуал, хотя, думаю, просто потому что о нем мало кто знает и потому его просто не внесли в списки на ограничения, так что не нужно будет потом рассказывать, какая в том была служебная необходимость и почему мы не известили местных о расследовании. И, наконец, не нужно идти за следом, который, очень вероятно, приведет в пропасть.

Говорил Миклош уверенно. Особенно последнее.

— Ты думаешь, исчезнувшая бандана — ловушка?

— Я думаю, что у нас два варианта. Или это случайное совпадение, или кто-то решил воспользоваться ситуацией. В любом случае — лучше знать, в чем дело, до того, как мы решим что-то делать.

— Ты уверен что никто ничего не почувствует? Паук менталист, и...

— И он явно не пришел бы в кафе воровать платок головной со следом. Да и к тому же... Саша, если это он, то это шанс вытащить тварь из логова. Разумеется, я позову наставника, если что-то хотя бы немного пойдет не так. Если хочешь, спроси его сама об этом ритуале.

Миклош отвернулся к рисунку. Саша колебалась несколько долгих ударов сердца.

Сейчас спросить Серафима казалось правильным. Он ведь сам предлагал... Но она четко ощущала напряжение Миклоша. Спросить наставника было бы логично, нормально, Мика сам предложил... Но. Но, всегда есть проклятое но. Она просто-напросто трусила. Потому что сейчас не было великой цели в виде спасения чужой жизни, не было боя, не было никакого противостояния, и тот факт, что ей придется положиться на проводящего ритуал Миклоша, никак нельзя было оправдать. С этим нельзя было смириться.

Как с боязнью высоты и колесом обозрения. Скажем, в момент побега от врага на высоте нескольких сотен метров над землей ты занят другим. Страх отступает, ты делаешь что-то, двигаешься, спасаешь свою жизнь. Да даже если и сам, скажем, стать на крышу высокого здания, зная, что можно отступить и отойти от края в любой момент, то куда легче справиться со страхом, чем садясь в закрывающуюся кабинку аттракциона, поднимающего тебя над землей без всякого твоего участия и контроля.

Саша могла отказаться. Миклош бы ее заставил, она могла сделать по-своему, могла попросить Серафима проверить все, могла уйти, могла настоять на Поиске... Могла.

Вопрос в том, что выбрать. И в том, что Миклош прав. Сейчас речь идет ни о целесообразности, ни о последствиях, о которых ничего не известно. Речь идет о доверии.

После короткого колебания Саша собирается с силами и произносит:

— Хорошо. Но если это не удастся, будет поиск.

Миклош кивает, и Саша ощущает явное облегчение в Отражении, которое парень привычно пытается скрыть, но сейчас сильные чувства побороть не выходит. Она чуть улыбается.

— Что мне делать?

— Сядь напротив рисунка, сосредоточься на его центре и удерживай в разуме тот момент, когда ты оставила платок. Я использую твою собственную силу для работы контура — моей может не хватить. При необходимости просто вспомни, что ты сидишь здесь и разорви плетения. Но все же без крайней нужды так делать не нужно. Так что просто представь момент, когда рассталась с платком...

— Банданой.

— Банданой. Хорошо, пусть так. В общем, представь и смотри. Будет отклик, и это будет значить, что все идет как надо.

— Ладно, — Саша кивает и садится на пол около рисунка, скрещивая ноги по-турецки, — долго ждать?

— Нет, — Миклош сел напротив нее на корточки и сделал длинный, сложный жест рукой, — недолго. Совсем недолго.

Парень сделал сложный, выверенный и удивительно плавный жест, которым Саша на секунду залюбовалась в Отражении. Крохотная искра магии, слетевшая с руки напарника по замысловатой траектории, вдохнула жизнь в рисунок на полу. Магия, заложенная в фигурах, и не только в них, потянулась к Сашину разуму пеленой плетений, так резко, что она на секунду замерла, но потом все же справилась со страхом и сняла барьер, позволяя разом и чужой, и своей магии коснуться разума, проникнуть за защиты, пройти по образам в разуме, выхватить ту злополучную бандану, стул в кафе и вечернее солнце. Образы меняются, отражаются от магии, закручиваются в Отражении, вновь прикасаясь к разуму мельканием цветов, звуков и красок, мельканием самых разных и совершенно незнакомых мыслей, мельканием накрывающем с головой. Несколько секунд Саша борется с чужой магией, больше по привычке, не желая подчиниться неизвестным силам, а потом делает над собой усилие и уступает, теряя всякую связь с реальностью.

Воспоминание.

Она-лежит на стуле. Другая она, Саша, на которую теперь приходится смотреть со стороны, как в кино, которая, кстати, чуть толще на вид, чем в зеркале, отходит прочь с Микой, идет по улице мимо, что-то говоря... И тут стул уносят внутрь помещения. Незнакомая женская рука развязывает узелок с хлопковой ткани, зная, что нужно делать дальше. Ткань в кулаке. Короткий забег по Отражению на третьем шаге, забег к цели — и вот дом, в который Саша узнает. Дом в котором они сами только что были. Дом, подвал, удивленное лицо незнакомца с фонариком, явно узнавшего ее, не Сашу Неродову, а ту, кто держал платок. Взмах кинжала и запах крови. Кажется, в последний момент перед смертью незнакомец даже успевает понять, что именно несет ему смерть, и на лице мужчины застывает выражение обреченности.

Образы меняются, смешиваются, и складываются в иную картину.

Ночь. Пляж. Тишина. И вновь кровь, теперь едва различимая, и падающее навзничь тело незнакомца блондина, пытавшегося поднять руки в сложном защитном жесте, но не успевшего сделать ничего до того, как уже виденный кинжал пробил его грудь.

Она-платок летит в море.

В воду, в приятную прохладную воду, в темноту, на дно...

— Саша. Саша, возвращайся. Саша, — кто-то трясет ее за плечи. Кто-то, кто не на дне, не в темноте, не...

Саша моргает, ощущая себя крайне нелепо. Образы вновь смешиваются в какую-то кашу, но все же из них не сразу, но формируется мир вокруг. Обычный, где Саша — это Саша, а не платок, не темнота, не вода. И ее, сидящую сейчас почему-то уже на диване, Миклош трясет за плечи как тряпичную куклу, ругаясь, кажется, на сербском, попеременно с русским народным.

— Все... нормально, — говорить дается тяжело, словно тело не совсем до конца ее. — Я здесь.

Миклош замирает. Саша ощущает брошенное заклинание и следующее за ним очевидное облегчение от парня.

— Извини, — Миклош ее отпускает, отстраняясь, — я вплеl в ритуал твою магию, боясь, что сам не потяну все гладко выполнить в нынешнем состоянии, а вышло, что так я собственный ритуал обратить не смог, магия-то не вся моя, а перебить твою сил не хватило, как и тебя сразу дозваться.

Саша поднимается на ноги, все еще несколько оглушенная происходящим, и нетвердой

походкой идет к своему рюкзаку за телефоном и папкой с делом.

— Саша? Что ты увидела?

— Я... я не знаю, Мика. Точно не знаю. Но нас... Меня кто-то хочет подставить. Кажется, — соображала Саша не слишком хорошо, мысли разбегались, — кто-то взял платок, всадил с ним в руках кинжал в человека в подвале дома, в утором мы были, кажется, это Ренат был, — Саша нашла в папке нужное фото и кивнула сама себе, — потом этим же кинжалом убили парня, мага, он пытался поставить полный Физический Щит, но не смог — кинжал прошел его заклинание, словно ничего не было. Около места этого убийства женщина держала бандану в руке, а потом выкинула в море.

— Море... Вот почему завершение заиклилось.

Саша с удивлением подняла глаза на Миклоша. Это... Именно это ему интересно из всего сказанного? Парень ее взгляд замечает.

— Саша, я услышал тебя. И мы с этим разберемся. Нужно обо всем рассказать до того, как против нас сделают что-то еще. Никто нас ни в чем не обвинит. Есть куча способов выяснить правду, да тот же Круг Истины, так что это как подстава смехотворно. Конечно, если бы нас поймали на месте преступления, то было бы сложнее. Но все равно — с этим мы разберемся.

Саша только кивает, беря в руки телефон. Связью она просто не хочет пользоваться. Да и голова сейчас откровенно болит.

После отправки короткого сообщения ничего не происходит с десятков минут, тянущихся вечность. Но потом Серафим отвечает, прикасаясь к связи сам.

Рассказывай.

Головная боль не утихает, но хотя бы несколько уменьшается. Хотя бы потому, что не придется действовать в одиночку.

На деле рассказ занял немного времени. Как и инструкции от наставника — работать дальше, в петлю не лезть, с местными сотрудничать при необходимости с осторожностью. След, судя по всему, был неофициальным, так что даже в самом худшем случае вменить им никто ничего не смог бы. Даже найдя с тем самым кинжалом над трупом. На поиск кинжала Серафим обещал дать доступ в оцифрованные базы, а сам поискать среди книг, но предположил, что это был какой-то довольно редкий артефакт. По убитому парню пока информации не поступало, так что кто именно погиб, кроме вампира, пока понять было невозможно.

Уже после всех разговоров, для Саши закончившихся в стиле «смотрите в оба, будьте осторожнее», в котором не было ничего нового, они с Миклошем разошлись каждый к себе.

Девушка закрыла глаза, растянувшись на кровати. Но сон не шел. В большей степени потому что за незадаанными вопросами начали проступать неожиданно данные ответы. Она коснулась связи, не желая оставлять цифровой след. Несмотря на гудящую голову, поддерживать общение таким контактом не составляло проблемы, и Саша толком не знала — из-за действий наставника или из-за собственной силы. Она коснулась нити, больше обозначая намеренье, чем сообщая что-то.

Я могу поговорить?

Разумеется.

Такое общение передавало лишь образы, слепки мыслей. Лица Серафима и его эмоций Саша не видела, а хотелось бы.

Только я ищу честности.

Теперь Серафим ответил через паузу.

Я постараюсь рассказать тебе все, что смогу.

Саша усмехается. Пожалуй, здесь сама по себе формулировка — уже честность.

Петля затягивается, так? Вы ждете ее или их, если Паук не один, хода. Лучше было идти куда ведут?

Смешок.

Если идти куда ведут, то тогда путь может окончиться на жертвенном алтаре. Нет, разумеется. Проведённый вами ритуал был хорошим выходом. Поиск мог быть тоже хорошим выходом — все зависело от того, что последовало бы дальше. Все, что угодно может быть хорошим выходом.

Или плохим.

Или выходом с большим количеством приносимых трудностей, чем решаемых. Все относительно. Но ты не про это хочешь завести разговор.

Нет.

Спрашивай, Саш. То, о чем хочешь спросить.

Обещаешь, что ответишь честно?

Да.

В образах, передаваемых наставником, чувствуется определенное напряжение.

Настолько будет сейчас проще тебе, Мике и остальным, если я уйду?

Что? Куда уйдешь?

Прочь. В другой город. В другую страну. Прочь... Есть способы.

Ни на сколько. Почему ты вообще об этом думаешь?

Саша усмехается.

Это же очевидно. Эти придется сделать, рано или поздно.

Почему ты так считаешь?

Кто-то забрал вещь с моим следом. Это точно не совпадение. У нас к тому же есть два трупа, и по поводу вампира у нас есть бумаги о расследовании связанного с ним происшествия. Мы приехали ради расследования, получили следящее заклинание, неважно по какой причине, пошли, если верить следу в дом, и в этом доме найдут труп. А еще кто-то убил мага, неизвестного нам. Но там тот же, прицепленный на меня след побывал. Миклош говорит о том, что обвинения легко опровергнуть, но он боится. Я была на процессе после истории с сектой. Если сделать мои прямые показания спорными, если сказать, что я нахожусь под влиянием менталиста-Паука, о котором известно, что он взял под контроль советника, то кто поверит словам неуравновешенной девушки с кучей силы и такой себе историей за плечами? Которая к тому же говорила с Пауком лицом к лицу?

Я.

Что?

Ты спросила — кто поверит. Я знаю, что ты этого не делала. Миша знает, Кара, Миклош, близнецы и их ученики. Все, кто знают тебя, Саша.

Эта девушка, Анжелика... или Анжелика, я не помню точно, она даже после Свободы не верила в мою невиновность.

Она мстила мне.

А что ей сейчас помешает делать то же? И проблема не во мне, на самом деле.

Пауза.

А в ком? — наставник подталкивает к рассказу, подталкивает к тонкому льду.

Подталкивает Озвучивать мысль которая пришла к ней сразу, как только куски картинки сложились в единое целое.

Если нельзя будет точно подтвердить то, что моим показаниям в Круге Правды нужно верить, а это случится, если нас действительно хотят обвинить в чем-то серьезном, то мой разум будут исследовать. И разум того, кто был рядом со мной, кто вместе со мной приехал в город и кто может поручиться за мою невиновность... Я знаю Закон. И я знаю, что ритуал вселения там, на заправке, его нарушает. Что нельзя вселять чужое сознание в свежеубитого мага, пусть тот и пытался на меня напасть. Мику лишат силы, и это убьет его. И тебя лишит также, если решат, что ты помогал. И Михаила Ефимовича. И...

Саша, притормози. Спокойно, выслушай меня сначала.

Образы роились в голове. Выстроившись в единую картину безумной, ужасающей своим масштабом круговой поруки. Паук сделал здесь, в Анапе, свой ход, и ход этот был элегантен. В Пензе их пытались убить без лишнего шума. Здесь же сеть была раскинута может и в порядке импровизации, но она была крепкой и прочной. Сеть, затягивающаяся на горле, и не только на Сашином горле.

Прикосновение к разуму на секунду стерло пугающую картину.

Ты молода и подвержена эмоциям, — кажется, в речи, пусть и мысленной, наставника была несвойственная ему доселе мягкость, — это нормально со всем происходящим. Совершенно нормально. Но если ты сейчас пойдешь героически приносить себя в жертву в одиночестве — это никому не облегчит жизнь, поверь. Все, кто участвует в этой игре, знают ставки. И ставки эти не меняются год от года, и мы все еще живы. Это не первый кризис и не последний. И второй крайне важный момент — в вашу дверь не стучаться с ордерами на арест, прямо сейчас, верно?

Саша на миг прислушалась. Только на миг, хотя, очевидно, это от мага не укрылась.

Законным путем ничто и никогда не делается быстро, и ничто и никогда не делается молча. Все, что делается молча — незаконно, и вы можете оборонять себя любыми доступными средствами. Сил и знаний вам на это хватит, а где не хватит — мы поможем. Законно никто вас не задерживает и не планирует. Пока. Если это изменится — мы узнаем. Или вы узнаете — хотя бы потому, что вам об этом скажут. Пока не сказали не нужно трагических жестов и суеты. Работайте, оба. Вампир мертв, но есть и другие жертвы ограблений, и что даже важнее, есть и вторая жертва, убитая после обращенного, и то же бывшая Затронутым — это раз. Второе — кинжал, неожиданно появившийся. Вампир перед смертью артефакт узнал — выясните, что это и как оказалось в городе. Официально ничего похожего сейчас в Анапе быть не должно. По убитому магу никакой нет информации, о его исчезновении не заявляли пока. Сходите на место, только аккуратно. Выясните кто это, пробейте по базе, пароль я свой пришлю завтра. Выясните, что он тут делал и кем был. Размотайте эту линию. Убийца с кинжалом появился очень вовремя, но кто-то его надоумил взять след, направленный на тебя.

Паук.

Наиболее вероятно. Или кто-то из его людей. Решили сразу выстрелить в двух зайцев — организовать проблемы вам и убрать свидетелей. Едва ли и вампир, и виденный тобой маг — случайные жертвы. Стреляли в двух зайцев, только никуда не попали. Держите ухо востро, и только. Да, быть может, будут попытки новой провокации, но это не значит, что надо сдаваться сейчас, убежать или сидеть сложа руки. Тогда Паук выиграет, не

сделав ничего, понимаешь?

Понимаю. Но я не хочу играть чужими жизнями.

Саша. Каждый сам принимает решение. Мы его приняли, но я тебя не принуждаю. Тебя втянули во все это против твоей воли, и теперь ты объект интереса, ничего хорошего не сулящего. Но ты не один на один с Пауком.

И из-за того, что я ему нужна, вы можете пострадать.

Саша, не буду тебя пугать, но каждый может пострадать просто потому, что живет на этом свете. Просто поэтому. Но учти — Паук хочет именно этого. Разделить нас. Запугать, внушить, что в одиночестве всем будет лучше — и тогда ведь ему предстоит иметь дело лишь с одним противником каждый раз, когда он решит нанести удар. Лишь с одним. Он облегчает себе задачу. И, между нами — что бы не произошло, мы постараемся за тобой присматривать. Угроза расследования — не самое страшное, с чем я сталкивался за свою жизнь, поверь мне. Были ситуации и хуже.

Саша довольно долго не может подобрать слова, и Серафим только продолжает свою мысль после небольшой паузы.

Ты боишься — это нормально. Ты хочешь защитить тех, кто рядом — это благородно. Ты не всегда знаешь как поступить лучше. Это понятно и нормально. И да — ты можешь уйти. Мы постараемся защитить тебя в любом случае. Но этот шаг, уход — именно то, чего хочет Паук. Разделяй и властвуй.

Я не хочу, чтобы кто-то пострадал.

Я понимаю. Но сию секунду от бегства не будет никакой пользы.

Сию секунду. Ты так говоришь...

Да, все может измениться. Ты поймешь. Но даже тогда ты не останешься один на один с Пауком.

Саша усмехается про себя, понимая, что она только что узнала.

Петля затягивается.

Нет. Всего лишь сданы карты, но не стоит думать, что тузы в рукаве есть только у Паука, знаешь ли.

Через длинную паузу она вновь спрашивает, все это время ощущая довольно мягкий ментальный контакт:

Ты думаешь, есть шансы, что все это... разрешится?

Разрешиться хорошо — могла бы она добавить. Но не стала.

Да. Разумеется. Я могу быть жесток, но тобой я никогда не пожертвую.

Ей нечего было ответить. Только попроситься с Серафим и перевернуться на бок, укрываясь пледом, несмотря на жару. Может, плед бы укрыл ее от всего мира. В голове роились вопросы. Многие важные вопросы, ответы на которые Саша вроде бы получила, но сомнения ее не оставляли.

Было ли сказанное наставником правдой или она просто была обычной пешкой в игре древних магов? А если смотреть шире, то что отделяло правду от лжи, кроме доверия?

И никакого ответа не было. Никакого критерия. Оставалось только решить для себя, верит ли она наставнику на этот раз или нет. Просто сделать выбор.

— Напомни, что мы тут делаем? — хмурый Миклош оглядывал закрытый парк аттракционов, периодически возвращаясь взглядом к будке сторожа у входа.

В глубокой ночи это место казалось откровенно пугающим, по крайней мере, Саша ощущала его именно таким. Хотя бы потому, что сейчас она рассматривала в Отражении странные, пересекающиеся красные линии, опутывавшие почти всю территорию парка. Сейчас совершенно инертные, они, тем не менее, очень сильно бросались в глаза даже при беглом осмотре Изнанки. И было совершенно непонятно, что именно это такое. Девушка вообще ничего подобного никогда не видела.

— Пытаемся найти убийцу мага, чье тело, судя по всему, так никто и не нашел, — Саша кивнула головой на недалекий берег моря. Сейчас, пока палатки с грошовыми сувенирами, тату-студии и прочие атрибуты черноморского курортного побережья были закрыты, вокруг стояла почти зловещая тишина, прерываемая только равномерным шумом набегających на берег волн. Саша бывала в Анапе зимой, и тогда такая же тишина витала тут почти постоянно.

— Или нам не сообщили о нахождении этого тела.

— Или, — Саша кивает. — Но должны же мы, как разумные люди от чего-то отталкиваться? Сопряжение показало мне убийство мага на пляже, и, если принимать это видение за правду, то или мы чего-то не знаем, или все чего-то не знают. И я за второй вариант, потому что, надеюсь, нам бы о заведении дела Серафим сказал бы.

— Сказал. Определённо, пойти на место преступления было хорошей идеей, я не спорю. Но там ты сама видела, что все очистили. Никаких следов. И судя по всему, здесь наш неизвестный убитый маг до своей смерти не появлялся, хотя парк и рядом с местом его смерти. Тогда зачем мы стоим на частной охраняемой территории хорошо за полночь? Если нас тут поймают, то проблем не оберешься, и я вовсе не про полицейских, хотя и про них тоже.

Саша нахмурилась:

— Ты не видишь?

— Что именно?

Миклош ощутимо напрягся.

— Линии. Красные линии повсюду в Отражении. Вообще везде. Они инертны, и я совершенно не понимаю, что это такое.

Парень обвел глазами пространство вокруг себя, сосредотачивая взгляд на ближайшем аттракционе. И покачал головой.

— Саша, я ничего не вижу здесь, кроме отголосков эмоций, таких же как в том парке В Пензе, только нигде не приглушенных. Нормальных в местах, где люди развлекаются. Сейчас у этих отголосков большее, чем обычно, влияние на Отражение, но это нормально для ночного времени, когда в таких местах безлюдно.

Саша моргнула. Линии не исчезли.

— Но я все равно вижу их. Я схожу с ума?

— Нет, — раздался негромкий голос позади, — это сделала я.

Саша повернулась, рассматривая фигуру около входа на колесо обозрения. Из киоска для билетов им помахала рукой полноватая женщина-билетер в форме не то из кинофильма,

не то из прошлого века, напрочь игнорируя повешенный и на Сашу, и на Миклоша щит Отвода Внимания.

— С моей стороны это маленький эксперимент, — билетер улыбнулась. — Во-первых, мне хотелось знать, те ли вы, за кого себя выдаете. А во-вторых — я даю одну попытку, и только. Вы ей воспользовались. Подходите, не бойтесь, я не кусаюсь.

Саша подошла ближе, рассматривая женщину. Она казалась очень знакомой — и совершенно незнакомой одновременно. В Отражении она словно бы находилась в постоянном движении, перетекая из одного облика в другой. И при том от нее исходило странное ощущение какой-то неизмеримой инаковости. Словно бы запах, до того неразличимый, но теперь, когда Саша ощущала его уже не в первый раз, ставший поянтным из накомым.

— Муза?

— О, это имя мне нравится, на самом деле. Очень. Но, как видишь, я — вовсе не она. Как быть музой, если твоя работа — продавать билеты?

Саша подошла еще ближе, в упор рассматривая женщину. Она была полна той миловидной полнотой, которая, определенно, красила человека.

— Почему ты здесь?

— О, ну какой бы не была игра, фишки же надо на что-то покупать. А здесь берут без опыта работы, знаете ли. Проходите, проходите, только за билет заплатите сначала.

— Два взрослых, — Саша толкнула Миклоша, все еще в прострации созерцавшего сиа, в плечо, и протянула деньги билетерше. Если Муза хочет играть эту роль, то, очевидно, стоит присоединиться к ее игре.

— Это... Тень? — шепотом спросил парень, выглядевший откровенно шокированным.

— Да. Идем, она не причинит вреда.

Миклош только тихо фыркнул, явно выражая свое несогласие, и одними губами прошептал:

— Надеюсь, ты права.

Билетерша пробила пару билетов и протянула Саше.

— Я бы на вашем месте была менее доверчивой, — усмехнулась женщина, — коль вы влипли уже в чужую паутину. А ведь я предупреждала о подарках, предупреждала. И зачем суфлер, если его никто не слушает? Ладно, идемте.

При их приближении к аттракциону колесо с натужным скрипом начинает движение. Само собой начинает медленно вращаться, — никто не нажимает ни на какие кнопки и не дергает рычаги.

— А оно не должно быть выключенным? Ночь же.

Билетерша подмигнула, сама забираясь в кабинку и маня их обоих за собой.

— Ночь — самое лучшее время для поездки куда-нибудь вверх. К тому же знаете ли, я довольно давно хотела прокатиться. Использовать служебное положение, так сказать.

Миклош обернулся на вход, к будке охраны.

— Ох, перестань, красавчик, — билетерша отмахнулась, — старый пень не увидит и нацеленного в лоб пистолета, не то что нашего медленного движения вверх. А мне все никак не выпадала случая подняться, смешно — работаешь-работаешь, а толку? И все ради горстки бумажек, — усмехнулась женщина.

Саша села в кабинку, на ходу затаскивая зазевавшегося Миклоша. Напряжение и страх били по нервам. Она ведь только недавно сама для себя сравнивала доверие с поездкой на

колесе обозрения... И вот пожалуйста.

Билетерша, видимо прочитав ее выражение лица, усмехнулась.

— Ты — занятный человек, Колдунья. Или Знахарка — я не могу понять, какая из ролей тебе ближе.

Колесо медленно начало подъем, с тихим скрипом набирая ход.

Интересно, навешенные щиты защитят от падения с какой высоты? Вслух, Саша, разумеется, этого не спросила. Спросила совершенно другое:

— Зачем ты мне помогаешь?

— О! А ты задаешь неплохие вопросы, — билетерша окинула взглядом Миклоша, — хм, я надеялась, что ты все-таки пойдешь дальше, чем просто человек, но, видимо, еще рано. Или уже поздно. Неважно. Видишь ли, Колдунья, у всего есть последствия. У всего. И так вышло что у нас с тобой образовался общий интерес. Человек, возомнивший себя гением, но им не являющийся. Примитивная тварь, решившая стать богом, — лицо билетерши чуть поплыло, и на секунду Саша увидела перекошенную от ужаса посмертную маску с дырой во лбу, — о, ты видишь. Ты видишь истинную суть. Кем бы я ни была, мое рождение — чья-то смерть, и за эту смерть необходимо кое-кому ответить. Так уж случилось, что я знаю кто породил меня, и намеренна свести свои счеты. Такова тут моя роль. Вы, люди, славите призраков мести, но на деле страшнее мстители существующие и живущие, вовсе не окончившие свой путь.

Кабинка проехала четверть пути. Удалялось море, становясь просто ровной гладью с едва видимой пеной прибоя. Удалялись дома и ларьки внизу, становясь лишь пятнами света.

— Паук убил... ту, кем ты была раньше?

Миклош говорил глухо и с большим напряжением, явно чувствуя себя крайне некомфортно.

— Да. Отец учил ее, что за поступки надо отвечать, и эта мысль равно присуща и мне. Иронично, что убийца так и не понял, кто именно расстроил его планы и вырвал амулет с чужой душой из рук его прихлебателя.

— Амулет с душой. Ты это о моем... О итоге моего эксперимента? — Миклош по-прежнему напряженно изучал билетершу.

— Да. Разумеется. Меня не обманет этот глупый маскарад, твоя роль неизменна, Обещанный. Неизменна.

— Ты скажешь, у кого забрала амулет?

Билетерша улыбнулась, несколько секунд смотря на отодвигавшийся дальше и дальше город.

— Это убило бы интригу. Скажу лишь, что именно этот человек погиб совсем рядом прошлой ночью. Разумеется, на нем было не его лицо — маскарад любим не только теми, кто стоит за спиной Обещанного. Как смешно наблюдать было попытки Иуды сбежать от Черного Клинка и от его носителя. Как он искал помощи, не догадываясь, что у этой сцены есть зрители, — женщина усмехнулась.

Колесо мерно поскрипывало, приближаясь к вершине своего вращения. Холод прибрежного ветра, на такой высоте весьма существенного, пробирался под куртку.

— Ты знаешь, кто его убил?

— Разумеется.

— А скажешь?

— Нет. Это было бы неправильно. Главный герой не должен получать все ответы просто так. Скажу лишь, что ты, Колдунья, знаешь убийцу, пусть и не совсем так, как

думаешь. Мне было интересно смотреть за тем, как вхолостую щелкает поставленный на тебя капкан и как его спешно убирают, не желая выдавать охотника-одиночку. Наблюдать — главная отрада, пока фантиков, столь необходимых почему-то в мире людей становится больше и больше в моем ящике для них. А фантики нужны лишь для того чтобы их было достаточно для обмена на что-нибудь интересное. На жизнь, на грим, на ненужную еду или на развлечения. Хотя здешняя публика мне не по душе, но их короткие яркие чувства тоже забавны, ведь балаган есть балаган. Так что фантики-фантиками, но во всем есть своя услада.

— Ты по-прежнему суккуба? — с интересом спрашивает Саша.

— И нет и да. Скажем так, — на секунду на месте билетерши появилась очаровательная девушка в старомодном платье, — мне нравится выбирать этот образ. Привычное платье, так сказать.

Колесо пошло на снижение.

— Мне было любопытно, заглянешь ли ты сюда, Колдунья. В этот маленький уютный городок.

— Ты сама говорила про шкатулку.

— Да, это моя реплика. Вы ведь так и не нашли ее, верно?

— Нет.

— О, а это ведь занятная история. С самого начала один-единственный человек, этот Иуда, владел шкатулкой, амулетом и кинжалом. Сначала я лишила его амулета, потом ночь отобрала кинжал, после долг и наследие лишило шкатулки, а самым последним прошлое недавней лунной ночью забрало его жизнь.

— Ты знаешь, где теперь шкатулка?

Билетерша покачала головой.

— Это не моя роль. Знаю лишь, что ее владелец унаследовал ее саму, но не дар ее создания, и теперь лишь опускается на дно, куда эта заклятая вещь его тянет. Опускается, став игрушкой в чужих руках.

— Он ведь принес кинжал убийце Иуды, — Миклош бросает выжидательный взгляд на билетершу.

Та кивает.

— Не своими руками, но да. Нет проходных персонажей, есть те, что еще не подействовали в нынешнем сюжете. Что ж, круг закончен, а, боюсь, вы купили только по одному билету, и теперь аттракцион закрывается.

Саша не задумываясь выскользнула из кабинки, опускаясь на помост. Рядом встал Миклош, выбаясь на неподвижную землю. Обернулась, что бы задать следующий вопрос обо всем происходящем Музе... И наткнулась на застывшее в неподвижности колесо обозрения. Разумеется, никакой билетерши рядом не было. Не было и красных нитей, до того оплетавших парк.

— Я схожу с ума? — негромко проговорила она, пытаясь услышать собственный голос.

Что это было?

— Не больше чем я, — Миклош выглядел так, словно ему по голове дали мешком с песком. — Не больше, чем я. Идем отсюда. Есть разговор.

В отель они добираются без приключений, что кажется уже немалым достижением. Никаких красных нитей. Саша несколько раз думает, не спросить ли Музу о произошедшем через Отражение... Но что-то ее останавливает. Предчувствие? Убежденность, что все уже

сказано? Или просто боязнь услышать удивленно-вопросительный тон и понять, что все пережитое было наваждением?

Они с Миклошем не расходятся пока каждый к себе, несмотря на поздний час, а остаются в общей смежной комнате.

— Что ты видел?

Саша сидела на диване, собирала воедино собственные впечатления о произошедшем и грела руки о кружку с чаем, кипятилок для которого с трудом набрала в последнем из работавших термоподов в фойе отеля. Вместо чая лучше подошло бы виски, но алкоголь мог затуманить ее и так, кажется, не самый здоровый ее разум.

— Думаю, все тоже, что и ты, — Миклош был крайне задумчив все прошедшее с конца этой странной поездки на аттракционе время, — за исключением красных нитей на Изнанке, тут я так и не понял, о чем ты говорила. Но скиа и ее мир я видел так же.

— Ее мир?

— Да. Разумеется. А ты так и не поняла? Это ведь один из даров гениев, теней — создавать свои реальности и приглашать в них всех, кого они хотят пригласить.

— Но она не врала, когда говорила, что является билетершей, — Саша неуверенно потянулась к телефону, рассматривая сообщение о недавнем списании с карты. Как бы то ни было, видимо в мире скиа банк работал, потому что покупка обоих билетов имела документальное подтверждение, — совершенно точно. Не знаю только, зачем это ей.

Миклош пожимает плечами.

— Это скиа, Саша. Они не люди. Может, правда так зарабатывает. Ты говорила, что она вроде как связана с самым обычным магом, ему же нужно откуда-то деньги брать. Может, ей нравятся чужие эмоции, коль ты ее встретила на каком-то театре под открытым небом, где она исполнила твое желание и бог знает чьи еще. Некоторые исследователи говорили, что скиа могут испытывать симпатии и антипатии так же, как их изначальные личности, просто они сами становятся воплощением чего-то, что больше и меньше, чем наше человеческое сознание может уместить. Если кто-то из подручных Паука или он сам убил ту, кто потом переродилась в эту скиа, то это может объяснить, почему она помогает тебе.

— И тебе.

— Не думаю. Я лишь инструмент. Хотя из всего что я видел и чувствовал, я полагаю, она рассчитывала, что я стану подобен ей. Но этого не случилось.

Миклош казался растерянным. И напуганным разом, чем именно — Саша так и не поняла.

— Ты... тебя это пугает?

— Что?... А. Ты чувствуешь, — Миклош морщится, — не то, что бы. Просто теперь я познакомился с существом, для которого мое сидение в амулете было... развлечением. Она ведь могла отдать меня кому угодно, могла вернуть Серафиму, могла — если бы захотела. Но решила иначе, просто держав два века в собственных руках словно самую обычную побрякушку. И, знаешь, для меня прошло мгновение. Предметы не имеют чувства времени, я уже говорил. Я как-то свыкся с тем, что просто ритуал перенес меня в нынешний мир... А теперь я знаю того, кто точно подтверждает... реальность и длительность всего произошедшего. Для кого два века были двумя веками, а не одним мигом. И кто мог бы всего одним действием все исправить. Ведь скиа знала все о том, что произошло на самом деле, но предпочла просто ждать чего-то ведомого только ей. Может, если амулет появился у нее сразу после эксперимента, можно было бы спасти мою семью. Остальных магов.

— Ты злишься.

— Да. Разумеется. Это глупо, — Миклош хмыкает, — словно злиться на судьбу. К тому же, как знать, может иначе я бы до сих пор торчал где-нибудь бесплотным духом или и вовсе погиб бы, даже не успев ничего никому рассказать. Но как ты понимаешь, я не в восторге от ощущения себя игрушкой в чужих руках. Захотели — оставили в амулете, захотели — отдали амулет на хранение, захотели — украли амулет, оставили его где-то, и только через два века отдали тебе... И то я не знаю, почему отдали. Ну да ладно, речь тут не обо мне совершенно.

Несмотря ни на что, Саше, определенно, было любопытно. К тому же ей казалось, что Миклоша не стоило оставлять на ночь глядя с его собственными переживаниями, сейчас яркими и определенно не радужными.

— Почему ты сказал, что она хотела превратить тебя в подобного себе?

— О. Не бери в голову. Некоторые считают, что тени, гении — это люди, пережившие уничтожение своего физического тела, но не ушедшие навсегда в глубины отражения, а сохранившие связь с нашей привычной реальностью, сохранившие подобие сознания и прежней личности из-за какого-то своего стремления. Страсти. Возможно, эта... Муза, как ты ее назвала, рассчитывала, что ты изгонишь меня из своего сознания и я, желая мести или справедливости, сам стану тенью, узнав о реальном положении дел и желая воздать всем по заслугам. И уничтожу всех вокруг, в особенности — Паука. Такой вот личный дух возмездия. О таких, кстати, любят истории рассказывать.

Миклош еще раз усмехается.

— Этого не случилось, — примиряюще говорит Саша, — ты жив и ты человек. Маг.

— Да. Потому что ты доверилась моему сумбурному объяснению около умирающего несостоявшегося убийцы, между прочим. И только поэтому. Ладно, давай оставим прошлое в покое, — несмотря ни на что, казалось, Миклош, высказав все, стал чуть спокойнее. — Мы живем в настоящем. Это... создание сообщило нам с тобой множество информации, но еще нужно понять, как ее использовать.

Саша сделал несколько глотков чая, стараясь сопоставить все услышанное.

— Выходит, кто-то получил от Паука амулет с тобой, кинжал и шкатулку.

— Черный Кинжал, Саша. Именно его, — перебивает Миклош, — и это все меняет.

— А что это такое? — Саша о Черном Кинжале не слышала ничего.

— Вообще-то легендарная несуществующая штука, — усмехается парень, — так что, думаю, речь идет о подобии, о копии, а не о том самом Кинжале. Иначе у всех нас будут проблемы. В общем, это очень старое оружие. Очень. То самое которым некогда разрубили Гордеев Узел.

— Там был по легенде меч.

— Так гласит официальная история, — Миклош поднимает палец, — между прочим, в известной магам реальной версии произошедшего, Гордеев Узел был переплетением вероятностей, созданным Гордеем, талантливым, даже легендарным волшебником. А Кинжал, собственно, эти вероятности распрямил, уничтожив завихрение. Это артефакт огромной силы, созданный древними магами, мастерами управления вероятностями, из которых никто сейчас уже не живет на этом свете.

Саша против воли коснулась носимого на шее щита. Миклош только кивнул на ее движение.

— Магия Вероятностей сложная и мало кем сейчас применяется даже на хоть сколько-либо серьезном уровне. Серафим — один из немногих, кто способен создавать такие вот

щиты, и есть еще умельцы, хотя я так понимаю, сейчас мало осталось вообще хоть кого-то, кто этим искусством владеет. Работать с вероятностями напрямую — это не прорицать их, не следить, не рассматривать, не моделировать. Это — управлять реальностью. Будущим. И это почти совершенно невозможно.

— Почти.

— Да. Предположительно, Черный Кинжал позволял своему владельцу убивать любого, кого бы тот не пожелал убить, проходя сквозь любую защиту как нож сквозь масло. И он, Саша, совершенно магически инертен.

На несколько секунд в номере воцарилась тишина.

— То есть мы его не почувствуем и найти никакими ритуалами по подобию не сможем?

— Как я говорил, шансы на то, что это тот самый кинжал, ничтожны. Черный Кинжал хранится под оком Верховного Совета многие века. Но если кому-то удалось создать копию, то это идеальное оружие убийства в руках любого Затронутого. Любого.

— Вот почему тот маг не смог защититься.

— Может и смог, — Миклош чуть пожал плечами, — но его защита ему не помогла. Если тень говорила правду, а я думаю, это так, то Паук передал на хранение это оружие вместе с амулетом и шкатулкой Иуде. Это или имя, или обозначение предателя, но сейчас это пока не важно. Важно, что у него оказались все три артефакта.

— Муза отняла тебя.

— Да. Возможно, просто решила поквитаться. А может с самого начала надеялась получить ручного духа разрушения — кто знает. Но она забрала меня, точнее, амулет с моим сознанием. Позже кинжал забрала ночь — думаю, это указание на вампира. Ренат узнал сам в твоём видении кинжал. Со шкатулкой сложнее всего. Наследие может быть и указанием на родственника, и на ученика, и на что-то знакомого Иуде в прошлом. Но так или иначе наш пособник Паука лишился всех артефактов. Думаю, шкатулка действительно в руках человека, «одного из многих», и она тянет его на дно, давая возможность легкого заработка. И именно ему заказали украсть кинжал у вампира. Каким бы не был Ренат этот бойцом, если ты спишь — никакой кинжал не поможет. Судя по всему этот самый кинжал и был причиной, по которой вампир не рассказал об ограблении. И кинжал попал в руки того, кто убил и Рената, и Иуду. Кого-то, кто замечает следы. И кого-то, кого ты, Саша, знаешь.

— Я много кого знаю, — Саша хмурится. Намек на знакомство с убийцей ее не радовал.

— Да. Твоя знакомая, которая может быть в Анапе, рядом с нами, а может и нет, еще не ответила на твои вопросы?

Саша написала Ане. Пока без ответа.

— Она не была в сети.

— Серафим обещал узнать через Михаила, не посылали ли ее сюда. Но Анна уже была замешана раз, едва ли Паук от нее отстанет.

— Она не стала бы никого убивать.

— Ты не знаешь, что ей приказали.

— Нет, — Саша жестко посмотрела в глаза Миклошу, — Анна не убийца. Кто угодно — но не убийца. Да я бы узнала ее в видении.

Миклош отвел взгляд в тот момент, когда оболочка его ментального щита начала трескаться.

— Она могла изменить свой облик, — он морщится, — давай пока оставим это и не будем гадать. И не дави так, я не уверен, что полное уничтожение щита не убьет меня на

месте из-за... некоторых особенностей.

— Боги, прости, — Сашу как холодной водой окатили. Голос Миклоша явно нес в себе боль, — я не хотела.

Она осторожно перебрала силу, стараясь передать и извинения с поддержкой.

— Ну вот, теперь я не усну в ближайшие сутки, — усмехается парень, — ты отдаешь очень много, будь осторожно и оставляй магию и себе. Ладно, давай займемся самым простым вариантом. Крутиться около квартиры Рената опасно, нас могут привлечь как свидетелей или подозреваемых и будут ненужные вопросы, да и пока мы не знаем что искать и почему он забрал кинжал себе. А вот установить личность Иуды стоит.

— Как? Он же был не под своей личиной. Да и тело не нашли.

— За фантики, Саша, можно купить грим. Маскарад.

Саша переплетает пальцы.

— Кто-то мог помочь изменить ему внешность?

— Да. Такой ритуал не проводят над самим собой почти никогда, но сам он прост. Михаил, разумеется, использовал на мне более сложные чары, нестандартные, но поверь — везде есть специалисты в этом деле, работенка доходная. Хотя бы делать красивее тех, кто недоволен своим лицом и телом, на это спрос был и в мое время огромный. Здесь, конечно, провинция, но если убитый маг жил здесь какое-то время, то наверняка кто-то ему лицо подправил. И этот кто-то вполне может быть еще жив.

— Или он мог бы сделать это в другом месте.

— Мог бы, Саша. Но, во-первых, это тоже след, а во-вторых — должны же мы, как разумные люди от чего-то отталкиваться? Нужно начинать с чего-то в любом случае. Я пороюсь в архивах, поищу нужные профили из всех зарегистрированных Затронутых и мы пойдем пообщаемся с каждым, кто мог помочь Иуде замаскироваться. Все тайное становится явным, знаешь ли.

— Ты будешь работать с базой, а я...

— А ты пойдешь спать.

— Ну уж...

— Саша, — примирительным тоном перебил ее Миклош, — из нас двоих именно тебе нужно будет выуживать сведения из наших специалистов по преобразованиям и окружающего их Отражения — это раз. Из нас двоих тебе стоит смотреть в оба везде, те же красные линии, например, я не заметил вообще, а без них бы много чего не узнали. И в третьих — ты на эмоциях мне столько силы кинула, что я хочешь-не хочешь спать не смогу в ближайшее время. Значит надо этим пользоваться. Иди, отдыхай. Работы еще много, и тебе ее достаточно останется.

Саша колеблется.

— Ты не...

— Я не влипну в неприятности, — усмехается Мика, — я вообще не намерен выходить из комнаты. Все, отдохни. А я буду осваивать дальше эти ваши электрические библиотеки.

— Электронные.

— Электронные, — чуть улыбается парень, — именование сути не меняет. Отдохни, последние два дня были весьма суматошными.

Саша с некоторым сомнением, но все же оставляет Миклоша наедине с компьютером. Завтра, все завтра. Ей и правда стоило отдохнуть.

Весь следующий день они вдвоем обходят местных специалистов по магическому макияжу. Удача улыбается им по самому последнему из найденных Микой адресов. В небольшом частном домике проживает Никита Дмитриевич Кузьмин, маг в годах, с очень русскими лицом, большой окладистой бородой и, на удивление, несмотря на профессию, без всякой подозрительности в словах и действиях. Едва узнав, зачем пришли незваные гости, специалист по изменению внешности позвал их за стол к самовару и глубоко задумался, размышляя над ответом на заданные вопросы.

— Я думаю, вам с Хельгой поговорить надо, — пожилой маг придвинул чай и конфеты к себе, сноровисто разливая приятно пахнущую жидкость по кружкам, — она редко практикует сейчас, но жива еще, чертовка. Еще есть Валера Александров, но я его давно не видел уже, может и уехал куда.

— Мы были по его адресу, там теперь обычные люди живут.

— Наверное, и правду уехал, — Никита Дмитриевич пьет чай большими глотками, прихлебывая, большими глотками, — вы пейте, юные создания. Не отравлено.

Саша чуть неуверенно переглядывается с Миклошем. Пожилой волшебник усмехается. И через секунду извлекает до того скрытый под рубахой амулет на тонком шнурке. Саша совершенно точно не видела присутствия этого амулета на мужчине еще секунду назад. Но не узнать его было сложно — хотя бы потому, что и она, и Миклош, носили такие же.

Наверное, вопрос на ее лице был слишком откровенным.

— Я знаю, кто ваш наставник, — миролюбиво продолжает пожилой волшебник, — когда-то наши с ним пути пересекались, и не раз. И если вам нужны ответы, то я постараюсь их дать, рассказать все, о чем знаю.

— Вы не...

— Нет, — старый маг качает головой, — я не имею чести быть учеником Серафима. Увы. Но идти близкими путями можно по-разному, и хотя сейчас мы редко общаемся, я помогу вам. И нет, меня никто не предупреждал. Просто я ощущаю и амулеты на вас от знакомой руки, и маскировку, наложенную на тебя, Василий, — имя он произносит с нескрываемой усмешкой, — и этого достаточно чтобы сложить в уме два и два. Я, между нами, никогда не верил, что ученик Ксандра может быть виновен во всем, в чем его обвиняли. Но в дела Ордена не лез тогда, как и сейчас не лезу. И нет, я не говорю ничего, о чем говорить не стоит. Просто намекаю.

Саша еще раз переглядывается с Миклошем.

— Я из Москвы уехал, когда еще Петра на престоле не было, так что что там твориться в верхних кругах — не знаю. Живу потихоньку, перебрался вот на юг, как он нашим, русским стал. Лицензию имею бессрочную, в дань уважения, так сказать, бывшим заслугам, — Никита Дмитриевич погладил бороду, — признание из прошлого немало облегчает будущее, запомните это, молодежь, и попросту от наград не отказываетесь, потом пригодятся. Но это я увлекся, прошу извинить. Я давно уже живу своим домом, и иногда поговорить охота. Да и вы смотрите, аки недоверчивые волчата, и знаний хотите, и боитесь, что врагом окажусь. Понимаю. Сказал бы, что сейчас времена сложные, но времена всегда сложные. Вам нужен какой-то конкретный из моих коллег?

— Нет, — Саша качает головой, разглядывая в Отражении хозяина дома.

Он немолод не только на вид и, кажется, совершенно искренен в признании своего нынешнего одиночества — по крайней мере, следов проживания в доме кого-то еще она не чувствует. И амулет на шее Никиты Дмитриевича, и правда, очень, очень знаком.

Нет причин не доверять ему. Кроме того, что любой может оказаться предателем.

— Если вам и правда нужен тот, кто мог хорошо и качественно внешность править и живет тут, или хотя бы на юге, хотя бы не меньше чем полвека, то кандидатур очень немного, господа. Очень. Из тех, о ком я знаю, — ваш покорный слуга и Хельга. При том я совершенно уверен, что я сам не исправлял внешность никому, приезжавшему из Петербурга или привозившему с собой ценные артефакты. У нас сообщество Затронутых небольшое, вести разносятся быстро. И хотя моя профессия, разумеется, предполагает умение держать рот на замке, я все же уверен, что я не тот, кого вы ищите.

Саша качает головой, несколько разочарованно.

— Этот человек, что носил Личину, мог переехать сюда когда угодно, мог воспользоваться услугами по изменению внешности где-то еще или и вовсе сделать это еще в Петербурге. Спасибо, что уделили нам время.

Старик качает головой.

— Куда же вы торопитесь?

— Что? — Саша почувствовала, как по спине пробежал холод дурного предчувствия.

Николай Дмитриевич только вздохнул.

— Не стоит переживать, юные волшебники. Я не враг. И я говорю, что вы торопитесь с выводами. Кого бы вы не искали, если этот человек носил Личину, то в любом случае он должен был приходиться к кому-то из моих коллег. И никак иначе. Вам, юноша, — мужчина кивает на Миклоша, — внешность исправляли иным колдовством, куда более сложным и к тому же — санкционированным Орденом. Такое редкость, надо признать. Но все же. Да, я вижу чужую магию на вашей внешности, издержки профессии, так сказать. Так вот, ваше изменение вовсе не такое же, как обычная Личина. Совершенно не такое. Более того, я не ошибусь, если предположу, что проводил ритуал тут сильный маг, очень сильный. Такие чары не нужно поддерживать и корректировать, в отличие от Личины. Все наложенные заклинания, в некоторой степени, теперь часть вас. Это довольно редкое колдовство, и, простите за откровенность, но оно должно вызывать достаточно сильные неприятные ощущения, такова его природа. Когда смотрите в зеркало, нет ощущения, что тело вообще не ваше? Просто профессиональное любопытство, не более.

Мика качает головой.

Николай Дмитриевич отпивает еще чая.

— Веду я к тому, что если вам нужен человек, живший под личиной, то эту личину кто-то должен был поддерживать, самому на себе такого не сделать. Если он жил в нашем городе или где-то еще на побережье, то вам нужно говорить с Хельгой. С полноценной Личиной, полным и долговременным изменением внешности, а не простой коррекцией, работали только я и она, и только она ставила ее и поддерживала больше чем на год. Я такие заказы не беру, слишком хлопотно, и с законом проблем не оберешься.

— А вы не помните, кто к вам обращался с таким предложением? Поддерживать Личину.

Пожилой маг качает головой.

— Много кто, юные маги. Много кто, так что если я всех перечислять буду, то до утра не управимся. И учтите, к таким, как я, со своими именами не ходят. Но, — он

наставительно поднимает палец, — у Хельги должен быть слепок ауры всех, на кого она личину накладывала. И портрет, вероятно, тоже. Если маг решает официально работать по нашей специальности, то есть некоторые, скажем так, процедуры, от которых не скрыться. И да, упреждая ваш вопрос, — разумеется, можно обратиться за такой услугой к кому-то без разрешения. Но изменение внешности, особенно кардинальное и постоянное, как личина, — чары подотчетные, ограниченные. И мастерства требуют немало, очень немало. Одно неверное движение — и, да будет вам известно, в лучшем случае случится уродство, а в худшем — смерть, самая натуральная. И это не говоря о том, что носить Личину не запрещено законом, но без подтверждающего лицензию наложившего ее волшебника плетения любой орденец такие чары развеет без следа, как только встретит кого-то с ними, даже мимо проходящего. Так что риски тут велики, очень велики. Может, конечно, и решил тот, кто приехал внешность менять, рискнуть, но едва ли. Хельга живет в Сукко, вот адрес. Скажите, что от меня. Она не слишком любит незваных гостей, но, думаю, этой рекомендации хватит.

— Спасибо, — Саша поднимается на ноги, забирая листок, — большое спасибо.

— Обращайтесь, молодые люди. Меня здесь можно почти всегда найти, а если нет, то соседи будут знать, когда вернусь. Телефонов этих новомодных и компьютеров не держу, не мое это. Но найдете.

Саша кивает. Потом на несколько секунд оглядывает пожилого мага.

— Может, это не мое дело, — говорит она с некоторым сомнением. Что-то тянет ее за язык. Предчувствие? Просто неожиданная симпатия к человеку, тоже знавшему Серафима? — В общем, того, кого мы ищем... Того, на ком была Личина, убили. Возможно чем-то вроде Черного Кинжала.

Глаза Никиты Дмитриевича сужаются.

— Так значит, это не слухи... — негромко говорит он, больше себе, чем им.

— Что — это?

Пожилой маг негромко вздыхает.

— В былые годы ходил слух по побережью, что мол приехал сюда из столицы, Петербурга то бишь, юнец перепуганный с артефактами сильными. Какими именно — никто сказать не мог. Разное говорили, и о копии Черного Кинжала речь тоже шла. У страха говорят глаза велики, к тому же все тихо-мирно было. Только в одной сваре как-то говорят кто-то на вампирский клан напал адыгский, но кто и что и с кем не поделил — уже и не упомянуть. Всякое говорили. Кто-то — о том, что столичный щегол с местными заспорил, а потом пошло-поехало, кто-то — о том, что дети ночи сами первыми что-то у приезжего забрали. Тогда власти не до того было. Голодомор, в центральных частях края да и через море такое творилось... Да и Эдикт о невмешательстве... Позор, истинный позор. Так или иначе — забылась история. Но когда начали обносить квартиры, некоторые особо старые коптящие свет Затронутые вспомнили о тех слухах про артефакты привезенные. Тогда кто-то утверждал, что видел у столичного мага шкатулку Гипноса. Понятно, что такому веры нет, но все же. Но вы говорите о кинжале, как о чем-то реальном... Так что я во все готов поверить. Что ж, благодарю за честность. Понимаю, что люди моей специальности — всегда под ударом, и буду осторожным. Еще раз спасибо за предупреждение.

— И вам за помощь и чай.

Уже вернувшись в отель, Саша спрашивает у задумчивого Миклоша, выглядящего не очень довольным:

— Думаешь, не стоило ему рассказывать про кинжал?

Мика только пожимает плечами.

— Что сделано, то сделано. У него щит, созданный наставником, но откуда этот артефакт — мы не знаем.

— Он, казалось, не лгал.

— Да, я тоже не думаю, что это ложь. Но все же. Ладно, съездим завтра в Сукко и поговорим с этой Хельгой. И это многое должно прояснить.

Саша чуть разочарованно пожимает плечами.

— Многое — что? Ну узнаем мы личность этого погибшего мага... Да, он привез сюда артефакты. Да, он знал Паука, или тело, в котором был Паук... А толку-то?

— Во-первых, это может помочь остальным, мы не знаем, какая именно информация Серафиму окажется полезной в их планах. Во-вторых, так мы можем выйти на наследника Иуды, и узнать и где шкатулка, и у кого копия кинжала. И последнее, Саша — если ты знаешь имя, или имеешь хотя бы слепок, то можно поговорить с духом того, кому слепок принадлежал.

— Что? С духом?

Саша во все глаза уставилась на Миклоша. Им ни о чем подобном не рассказывали. Нельзя оживить мертвого. Никак.

— Да. Старый и редкий ритуал. Отражение содержит в некотором виде все знания всех живших и живущих. Если задать правильные вопросы, то можно узнать то, что знал умерший. Например о том, как, — Миклош сглотнул, — как меня подставили.

Саша вздрогнула. С этой стороны она не думала об этом. Если и правда есть какой-то способ показать всем, что Миклош вовсе не преступник, это надо было сделать.

— Но для этого нужны ориентиры. — продолжает Мика, — нужно знать не только о чем, но и кого спрашивать, иначе никакой пользы.

Саша перелетает руки.

— Значит, так можно вообще любое дело раскрыть? Скажем, спросить, кто убил этого Рената у его духа, вампир-то видел убийцу, и дело с концом?

Миклош вздыхает.

— Если бы. Саша, что бы Воззвание не было просто гаданием на кофейной гуще, нужен самый сложный ритуал, и просто так, как ты понимаешь, его не проводят. Его даже наставник в одиночку не сделает, и даже с его Кругом — вряд ли. Но если, — парень опять сглатывает, — если до этого дойдет, то слепок позволит просить разрешение на Воззвание у Верховного Совета, по крайней мере.

Саша кивает. И, на секунду прислушавшись к своим ощущениям, поднимает глаза на напарника.

— Мика, это покажется ерундой, но давай прямо сейчас поедem к этой Хельге. Сукко рядом, сейчас конечно уже восемь вечера, но давай возьмем такси и съездим. Не откладывая.

Миклош окидывает ее взглядом.

— Ты что-то чувствуешь?

— Ничего конкретного.

— Ладно, поехали.

Такси находится быстро. Саша не торгуясь соглашается на запрошенную сумму. Всего полчаса в пути, а то и меньше — и вот они на пороге нужного дома.

Хельга, немолодая женщина с широкой косой светлых волос, появляется на пороге дома

только после длительного стука в дверь.

— Кого это тьма на ночь глядя принесла? — хмуро оглядывает волшебница их обоих, задерживаясь на Миклоше пристальным взглядом.

— Мы от Никиты Дмитриевича, — быстро отвлекает ее Саша, — мы из Ордена, ведем одно дело, и хотим вам задать вопрос по поводу одного из ваших клиентов.

Волшебница обводит их взглядом.

— И почему я должна вам верить?

— У нас есть документы, и...

— Документы есть у всех, — отрезает Хельга.

Саша несмело вытягивает из-под рубашки амулет, отданный наставником. В надежде, что если двое специалистов по изменению внешности общались, то и для волшебницы это что-нибудь да будет значить.

Хельга хмыкает.

— Вы — дружки Кузьмича, а не мои. Один вопрос — и проваливаете, у меня вообще-то дела и клиент.

Саша кивает.

— К вам приходил один человек. В первый раз может и два века назад, может меньше, то точно регулярно. Полноценная Личина. Маг из Петербурга. К тому же он на юг сильные артефакты привозил, должен был быть след от них.

— Тайны клиентов не разглашаю, — Хельга пошла была в дом.

— Он мертв, и мы ищем убийцу, — успела выпалить Саша в ее спину.

Волшебница остановилась — и медленно повернулась к ней лицом, с которого сошла вся краска.

— Он... Мертв?

— Да.

Хельга взяла себя в руки быстро. Очень быстро, но Саша успела заметить ужас, промелькнувший в ее глазах. Ужас и тоску.

— Хорошо. Я передам образ. И зарисовку, минуту.

Возвращается она действительно быстро.

— Тут — то, что ваше поколение назвало бы фото, — Хельга протягивает Саше небольшой конверт, — а теперь посмотри на меня, я передам образы. Твой напарник может следить, все будет по протоколу.

Соприкосновение разумов неприятное. Очень неприятное. Но оттиск, ауру, если угодно, Саша получает.

— А теперь — прочь, — отрезает Хельга, — у меня много дел.

Дверь закрывается, и за ней раздается тихая ругать и громкие шаги внутрь дома.

Саша переглядывается с Миклошем. Дело сделано, и на удивление — без особых проблем. Увы, образ, переданный Хельгой, Саше незнаком. Значит, надо будет потом пробовать окольными путями узнать кто это, если не получится с портретом. Может, наставник узнает?

Только в общей комнате номера Саша решает посмотреть лежащую в конверте зарисовку. На деле это не ручная работа, а вещь, созданная магией. Насколько она помнила, такое заклинание было в ходу до широкого распространения фотоаппаратов.

Миклош заглядывает через плечо и тихо ругается, больше от горечи, чем от злости.

— Иуда. Воистину — Иуда.

— Ты его знаешь?

— Да. Гриша. Тот самый Гриша, что был моим единственным товарищем в многих изысканиях. Он знал об эксперименте. Не знаю, что случилось потом, но тот Бестужев, с дачи в Пензе, был совершенно точно не прав. Григорий, хоть и в грехах сознался и прочь бежал с Поволжья после ареста НКВД, вовсе не умер. До недавнего времени он жил здесь и не тужил, ублюдох.

— Я передам образ...

— Да, — контакт с напарником для Саши проходит проще, а Мика морщится еще сильнее, — точно он. Тварь. Я доверял ему...

Саша только и может, что попытаться сочувствующе сжать плечо парня.

И в тот же момент рывок связи едва не роняет ее на четвереньки. Жесткий, почти яростный контакт, требующий безотлагательного внимания.

Что случилось?

Вместо ответа перед ее взором проносятся образы:

Окровавленный старик с окладистой бородой, густо измазанной в крови. С узкой раной в груди, тянущий свои руки к кому-то, и роящиеся образы лекарственных заклинаний. Рана серьезная, удар пришелся удачно. Очень, очень удачно.

Он выживет?

Согласие.

Через некоторую паузу связь перестает давить так жестко, и образы, транслируемые наставником, становятся словами:

Я знаю, что вы говорили с Кузьмичем. И за ним пришли с очевидно какими намереньями. Предельная осторожность. Не вздумайте снимать щиты, убийца имеет заговоренный на вероятности клинок. Предельная осторожность, повторяю. Ни в коем случае не разделятся.

Мы нашли курьера, общавшегося с Пауком в Петербурге и получившего амулет с сознанием Мики. И убитого с помощью кинжала на пляже.

Кто?

Григорий Бестужев.

Короткое ругательство.

Крыса. Что ж. Это и облегчает, и усложняет дело.

Судя по всему он привез в Анапу кинжал, который потом оказался у вампира Рената. И шкатулку, теперь в руках у неизвестного его наследника, скорее всего человека. И с помощью этой шкатулки кинжал у Рената отобрали и обернули против его самого и остальных. Шкатулка, предположительно, шкатулка Гипноса.

Работайте. Смотрите по сторонам, при любых подозрениях — связывайтесь со мной.

Контакт появляется так же резко, как и появляется.

Саша поднимает глаза на несколько примятого Миклоша, с которым, очевидно, наставник тоже говорил. Напарнику столь неожиданный и жесткий контакт явно дался труднее.

— Ты как?

— Нормально. Просто резко, непривычно.

Саша кивает.

— Что будем делать?

Миклош только вздыхает.

— Спать. И работать. Мы узнали, что случилось раньше. Теперь нужно выяснить, что происходит сейчас. И быстро.

Саша кивает.

В следующий раз вот так тянуть окровавленные руки в поисках помощи может кто-то из них.

— Прорвемся, — Миклош явно ощутил изменение ее настроения, — и если что, то наставник нас в обиду не даст. Просто не стоит влезать в неприятности.

Саша определенно считала, что неприятности влезли в них, накрыв с головой. Но пока они оба еще барахтались.

Увы, на следующий день Сашу, едва проснувшуюся и заварившую себя кофе три в одном из пакетика, выдоив всю воду из термопода в коридоре, ждала следующая не самая лучшая новость.

— Смерть идет за нами по пятам, — Миклош оторвался от компьютера, на котором он до того что-то набирал двумя пальцами с величайшей осторожностью, и повернулся к вошедшей в общую комнату Саше, — смотри.

Из открытой орденовской базы данных по смешанным происшествиям на них смотрела фотография Хельги с глазами, смотрящими в никуда.

— Это полицейская сводка? — Саша поставила кофе рядом и пододвинула стул поближе, чтобы нормально видеть текст, которого, надо признать, почти и не было.

— Она самая. Насколько я понимаю, работают местные полиция довольно хорошо, заноса все происшествия прямо сюда.

— Или у них есть в штате кто-то из посвященных.

— Кто-то, кто о нас знает? — Мика задумался, — это бы упростило дело. Можно было бы получить доступ к этим грабителям и с ними пообщаться.

Материалов дела пока было мало. Ольга Воронова, та самая Хельга, с которой они говорили только прошлым вечером была найдена мертвой в своем доме, причина смерти — один колющий удар в грудь, пробивший насквозь сердце и принесший мгновенную смерть. Из квартиры ничего не пропало, предположительный мотив — личная неприязнь. Свидетелей пока не нашли.

— Мика, это странно.

— Что именно?

— Сейчас, секунду.

Саша набирает сообщение. Короткое, но пользоваться связью она не хочет, ведь сейчас нет ничего экстренного. Хватило вчерашнего общения.

Вчера ты показывал мне то, что происходило в то же время? Про раненного.

Ответ приходит почти сразу.

Да.

И напали на него за сколько до этого?

Несколько минут. Увы, нападавший скрыл свой отпечаток и внешность амулетом.

Ясно. Спасибо.

— Ну так? — Мика склоняет голову. — Ты находишь странным наличие у местных хранителей закона кого-то из посвященных?

— Да нет же. Другое странно. Смотри, — Саша сходила к себе и принесла выуженные из привычно-командировочного рюкзака несколько листов бумаги, уже порядком исписанных. Заметки иногда помогали ей привести мысли в порядок. Увы, лишь иногда. — Вот что получается. Мы идем к Никите Дмитриевичу, где-то в районе семи. Примерно полчаса мы у него, потом возвращаемся в отель и почти сразу едем к Хельге. Это примерно половина девятого. И там мы пробыли сколько с тобой — минут пять? Десять? Не больше. Такси поймали почти сразу, ехали быстро, и вернулись в начале десятого в отель.

Миклош кивает.

— И?

— И смотри, — Саша показывает на прямой линии две находящиеся рядом засечки, — в рапорте полицейском сказано, что предварительное время смерти Хельги около девяти вечера. И в начале десятого нападают на Никиту Дмитриевича, что наставник показал, предостерегая. Вот только между ними даже на машине не меньше сорока минут езды. В обоих случаях использовали кинжал, физическое оружие а это не то что можно было бы как проклятие повесить. Нельзя отложить, понимаешь? Разница по времени между нападениями — минут десять-двадцать, никто бы не мог с такой скоростью перемещаться по городу.

Миклош поднял бровь.

— Отражение, Саша. Проход по Глубине позволяет переместиться быстро на короткое расстояние. Как по-твоему наставник спас этого специалиста по изменению внешности? Серафим ведь не в Анапе далеко сейчас.

— Он спас?

— Ну да. Ты же образы видела. Наставник просто показал то, что видел сам. Видимо, опасался, что и за нами придут. Но, как видишь, этого не случилось.

— И что, любой маг может так перемещаться быстро?

Саша пыталась вспомнить все, что ей рассказывали о способах магического перемещения. На деле — не так уж и много. Проход по глубоким слоям Отражения действительно позволял перемещаться быстрее, чем в реальности. Она сама пользовалась этим, используя усилие разума для того чтобы с каждым шагом преодолевать большие расстояния тогда, во время побега из Свободы. И, собственно, такой проход по Глубине был единственным доступным способом перемещаться быстрее, чем на машине. Все остальное предполагало наличие каких-то артефактов вроде небезызвестного ковра-самолета или ступы с помелом. Ну или оборот во что-нибудь летающее или быстро бегающее, но это уже была некоторая экзотика. Большинство магов, даже обученных, как Саша поняла, не любили связываться с превращением в животных. К этому нужен был талант и сродство, а он сейчас, в век городов встречался нечасто. И даже старые маги предпочитали самолет, а не превращение в орла. И быстрее, и проще, и затраты силы меньше. А так еще и в чужом облике застрять можно.

— Не любой, — Миклош качает головой. — да и чтобы действительно двигаться с максимальной скоростью и эффективностью, вешки нужны.

— Вешки?

— Ориентиры. Как на болотах, знаешь? Ты ведь была на Глубине, так?

Саша кивает.

— Я был там очень недолго, так что мой опыт скорее теоретический. Но из того, что я знаю, идти по далеким Шагам Отражения можно или каждую секунду удерживая в разуме образ цели, или имея магический ориентир. Но первый вариант очень опасен, без ориентира, без понимания того, к чему нужно двигаться, очень легко на мгновение потерять концентрацию и увязнуть в Отражении, как муха в меду, и остаться там навсегда. И все, что я говорю, доступно только сильным магам. Ориентир должен быть или на человеке, или в жилище, так что чаще всего это или дома, или Резиденция ордена, или какие-то амулеты на тех, кому нужно прийти на помощь.

Саша вспомнила, как двигался Маэстро по Отражению. У него вешек было просто много, хотя и лежали они недалеко, ради эффектного движения.

Амулеты... Саша несмело прикоснулась к щиту на шее.

Миклош кивнул.

— Да, почти наверняка на них есть ориентиры. Я точно не скажу, я вижу тут лишь клубок нитей магии, слишком сложный для понимания.

— Как и я, — никакая сила не помогла разгадать принципы плетения в амулете, выданном наставником.

— Некоторые книги говорят о том, что вероятностные щиты вообще невозможны. Но, как видишь. Но именно такой щит, думаю, и спас Никиту Дмитриевича.

Саша мотает головой.

— Мы отклонились от темы. Хорошо, давай задам вопрос по-другому — насколько сильным надо быть, чтобы атаковать сначала Хельгу, а потом Кузмина, пройдя между ними по Глубине, и при том незамеченным местными? Едва ли, думаю, этот наш убийца мог бы поставить ориентир рядом с опытным магом, а значит, шел просто так.

— Ну, положим, метка могла быть и не на самом жилище старика, а еще где-то, — Миклош задумался, — а по силе... Наставник точно смог бы. Михаил, близнецы, — да, определено. Ты — тоже да, думаю, силы-то у тебя с менгирами больше, чем у них, но умения нет. Смогла бы. А еще кто... Не знаю. Наверное, местный глава городского отделения Ордена тоже смог бы, если судить по его следящему заклинанию.

— Которое я обманула.

— Да. Поэтому у меня нет уверенности, возможно подобные следилки — его или ее потолок и просто любимое заклинание, а остальное хуже выходит.

— То есть резюмирую: для такого трюка нужен сильный маг, в идеале подготовленный путь и какое-никакое умение?

— Да, все верно.

Саша склоняет голову, смотря куда-то мимо обшарпанного стола.

— Все равно какая-то ерунда у нас выходит. Полнейшая. Зачем такому сильному магу кинжал, который потенциально позволит если его не выследить, то по крайней мере все убийства связать, когда он мог бы действовать тоньше и мягче чистой магией, так что никто ничего бы не узнал? Зачем ему нанимать человека со шкатулкой для того чтобы этот кинжал украсть, если навести сон на вампира сильный маг смог бы без труда? Зачем сильному магу вообще вся эта длинная схема с попыткой нас подставить, если мог бы действовать иначе, наверняка мог бы — и проблем было бы куда больше? Зачем ему ждать нашего похода к Никите Дмитриевичу и Хельге и потом нападать, когда мы уже узнали информацию, почему сразу к той же Хельге не пошел? Оставил бы там труп, позвал к нужному времени Орден, и взяли бы нас на горячем, потом отмывались неизвестно сколько. Или... В общем много или. Это все так-то слишком сложно, понимаешь?

Миклош пожимает плечами.

— В твоих словах есть резон, конечно. Но ведь все — вопрос цели. Если цель нас подставить...

— То эти два убийства — глупость. Мы с тобой точно не смогли оказаться в двух местах за столь короткий срок...

Саша осекается.

— Да, — Миклош кивает, — мы — нет.

— А я — да.

— Именно. И если это свяжут и припишут одному убийце...

— То я тут буду первой подозреваемой. Особенно если кинжал тот заклятый как-нибудь со мной свяжут или подкинут куда-нибудь.

Миклош только кивает.

— Черт, — Саша поднимается на ноги, начиная ходить туда-сюда по комнате.

Петля затягивается...

— Что-то мне подсказывает, что времени у нас с тобой до того, как позовут на разбирательства в Орден, не так много.

Миклош отмахивается.

— Разбирательства — ерунда. Здесь нас если и привлекут, то лишь как свидетелей. Михаил не даст делу ход, в любом случае. Местный глава ему подчиняется. Расслабься. Особенно после всего, что... В общем, после моей истории. Я уверен в этом. Не зря они какую-то свою игру ведут.

— Всегда есть но.

Миклош морщится.

— Да. Если приедет кто-то из центра, то просто оставить все это в бумажках не получится. Приезжие будут искать ответы, и тут слово краевого, да и пусть и всеюжного начальства уже не спасет. Но пока их нет, так что расслабься.

Если бы это было сделать так же просто, как и посоветовать...

— Легко говорить. Не тебя же пытаются обвинить в убийствах. Скажут, что у меня от силы крыша поехала и вот это все.

— Не скажут, если мы найдем настоящего убийцу.

— Или убийц.

Мика щурится, разглядывая Сашу.

— Думаешь?

— Мне это видится вполне вероятным. Сильный маг имел шел бы иными путями. А вот два преступника могли бы иметь минимальное количество сил и умений.

— Ага, и кинжал один на двоих.

— Нет, — Саша качает головой, — кинжал и копия, как мне кажется.

— Доказательства?

— Нет. Если бы были... — Саша качает головой. — Просто это самое простое и логичное объяснение временным и остальным несостыковкам. Если мы имеем дело с парой убийц, но при том ни один из них не великий маг, то все становится куда проще. Они воспользовались услугами домушника со шкатулкой потому, что сами не были уверены в собственных силах. И все остальное... Даже со следом этим дурацким. Кто-то за нами следит, или следил тогда. Но ведь нужно быть уверенным и в том, что вампир будет в нужное время в нужном месте, и этот Григорий с пляжа никуда не сбежит. Вдвоем проще. А если сделали одну копию этого кинжала крутого, то можно сделать и другую. Никто не шел через Отражение от Сукко в Анапу — оба были на позициях. Просто что-то пошло не так и Никита Дмитриевич выжил.

— Не знал или не знали про вероятный щит. Он ведь просто так не обнаруживается. Впрочем, для опытного глаза его заметить вполне посильно, если знать что искать, — Миклош побарабанил пальцами по столу, — если наши убийцы правда не сильные маги, способные ходить по Глубине, но действуют вдвоем, это бы объяснило их провал с Кузьминым. Никто из них не видел щита и атаковал привычным способом, предполагая, что все пойдет как надо. Нанес удар, затер все и отступил тут же, не желая быть замеченными никакими чарами.

— При этом воспользовался маскировкой. Хотя бил наповал. Зачем?

— Желая скрыть слепок. Ауру, Саша, могут улавливать и предметы, и Отражение само по себе. Сильный маг способен их увидеть.

— Да, только на месте смерти Григория все затерли. Мы там же вообще ничего не нашли.

— Не нашли, — Миклош кивнул, — но это и неудивительно. Море рядом, Саша. На побережье такие очищающие Отражение чары применить несложно, и никто их и не увидит. Капкан захлопнулся, ты туда не попала, и от ловушки избавились. Видимо, именно там тебя планировали застать на «месте преступления», но не сложилось, и от самого места, и от следов преступления просто избавились, словно ничего и не было, видимо не желая указывать на то, что Гигорий мертв.

Избавились, словно ничего и не было.

Саша склонила голову, раздумывая.

И набрала сообщение.

Скажи, а Никита Дмитриевич обращался к Ордену ради расследования нападения?

Еще нет. Он сейчас не в том состоянии, чтобы с оперативниками общаться, и пока находится в Краснодаре. Пока рано привлекать внимание к нему и промаху нападавших.

Спасибо.

Саша поднялась на ноги.

— Идем, Мика.

— Куда?

— В дом Кузьмина.

— Что? Зачем? Если нападавший был под полной маскировкой...

— Не в этом дело.

— А в чем?

— Мика, если меня хотят подставить, то получается с ним наши убийцы крупно просчитались. Тут вырисовывается странная картина. Меня хотят обвинить в убийствах. И тут интересно с Ренатом и Хельгой есть мой след мы там были оба. Наверняка будут и свидетели какие-нибудь, которые меня или нас рядом со всеми убитыми до их смерти видели. Потому что мы там и правда были. Сама картина преступления затерта, но выходит что мы видели погибших и знали где они живут, я потенциально могла быть везде, где надо, да и орудие убийства могут достать откуда-нибудь. Или скажут что там, не знаю, в море выбросила.

— Ты была знакома со всеми кроме Гриши. Именно потому про его смерть никто и не знает. Иначе бы наверняка тебе дали с ним поговорить после предположительного Поиска, а убили бы потом.

— Да. Но не получилось. Ты настоял на Сопряжении и я не пошла на встречу. Но Никита Дмитриевич жив. Он как минимум может подтвердить то, что мы с тобой видели у него амулет. А значит нападать на него так же, как и на остальных, было просто глупо. Но именно это и произошло, и выходит, меня тут можно обвинить будет разве что в клиническом идиотизме — нападать на жертву, точно зная, что удача мне не улыбнется. И или это используют против меня в надежде доказать, что я специально все это устроила, или сейчас наши с тобой противники допустили большую ошибку. И они наверняка попытаются ее исправить.

— Как? Кузьмин же не дома, верно?

— Да, он в Краснодаре. Серафим сказал. Но, Мика, убийцы ведь этого не знают. Если

отступали сразу — то не знают и попробую добить его. А если следили за происходящим, то наверняка где-то поблизости будет след кого-то из них. Поехали. Если что-то и искать, то там. Я не знаю, почему точно, но это определённо именно так.

— Ладно. Идем, если ты уверена.

Пара десятков минут пешком — и они вновь около дома гостеприимного магалицеправа, вчера чуть не расставшегося с жизнью.

Саша рассматривает Отражение вокруг.

Цветные пятна разного размера. Яркие, почти фривольные. Курорт. Кажется, все здесь буквально пропитанно алкоголем, свободой, красными обгорелыми на солнце телами, морем и желанием отдохнуть от всего и вся. Она прикрывает глаза, изучая мир вокруг. Мир — и место совсем рядом, где все эти цветные круги словно бы поблекли, выцветели, обтекая по широкой дуге одно место у старого зеленого забора. То место, которое Саша пытливо ощупывала.

Разумеется, внутри дома старика все стерли. Не совсем все от и до — Саша различала смутные силуэты его бывших клиентов, самые разные цветные пятна, кровь на полу, приглушенный страх и отголоски могущественной и смутно знакомой магии. Наверное, будь у нее больше опыта, она смогла бы вычленить что-то, связанное с нападением. Но, увы, для нее здесь все смешалось в какую-то кашу из образов и эмоций. Словно бы ураган прошелся по Изнанке и вмешал там все, что только можно было смешать.

— Вот откуда он наблюдал, — Саша останавливается в двух десятках шагов от ворот синих ворот частного дома, обитателю которого они принесли вчера проблемы. Она точно уверена, что здесь был наблюдатель. Что именно он был причиной выцветших кругов, неосознанно, в минуту сильного волнения потревожив их своей собственной силой.

Миклош еще раз обводит мир вокруг взглядом.

— Поверю тебе на слово.

— Ты не видишь?

— Только очень смутные тени. Для меня здесь, в Отражении, слишком все ярко. Словно какая-то непрекращающаяся ярмарка... Кстати, почему — «он»?

— Потому что это мужчина, — Саша вслушивалась в собственные ощущения, — кажется, он на деле был несколько напуган произошедшим. Стоял, не зная, вмешиваться или нет. Словно вообще не то чтобы до конца был уверен, что все делает правильно.

— Сможешь его след взять?

— Что взять?

— Взять след. В Отражении.

Саша тяжело вздохнула. Три года обучения — это ничто. Совершенно точно — ничто.

— Не знаю. А как это?

— Сейчас попробую показать. Я не оперативник, но Серафим как-то показывал мне, как это делать. Я не вижу ничего, но принцип объяснить смогу.

Саша следила за Миклошем. В большей степени не за словами и жестами, а за напряжением магии, образами, мелькавшими вокруг. Это было довольно сложно, на самом деле. Хотя Мика и перекинул часть образов ей напрямую, просто указывая, как именно это должно было выглядеть.

Саша пытается сама повторить сделанное напарником. Раз, другой, третий... На четвертый, наконец, она ощущает словно бы тонкую нить, протянутую куда-то от того места, где раньше прошлым вечером стоял наблюдавший за происходящим мужчина.

— Получилось. Идем.

Нить тянется. Ведет по частному сектору, ведет квартал, еще квартал, ведет за поворот, немного вниз, еще поворот — и приводит к небольшой частной гостинице. Саша замирает в нерешительности, только сейчас понимая, что, собственно, пришла к месту назначения. В логово опасного преступника.

— Что ж. Надо же ему где-то жить. Идем через Отражение?

Миклош кивает.

Пройдя через открытые на Изнанке ворота и дойдя до нужного номера, куда ведет конец нити, Саша замирает. Что-то было не в порядке. Она не чувствовала опасности, скорее, наоборот, ощущала словно бы чужую потребность в том, чтобы быть здесь. Войти внутри. После некоторого колебания Саша все же кивает на вопросительный взгляд Миклоша и открывает входную дверь номера, легко поддающуюся на Изнанке. И после этого тут же выходит в реальность, чувствуя, как по телу пробегает дрожь от бьющих по разуму образов, открывшихся за, очевидно, поддерживающим какую-то тонкую магическую защиту порогом, делавшим до того недоступным наблюдение за происходящим внутри комнаты.

Совсем маленькая комната. Самая обычная — старая мебель, обшарпанные стены, так себе выглядящая кровать. Кровать на которой в луже крови, в пропитанной красным одежде на спине лежит человек, которого Саша меньше всего ожидала здесь увидеть.

Азамат. Его живот, грудь и правое плечо разорваны в клочья, как и шея, а крови, кажется, на постель натекло столько, что хватило бы на трех человек.

Но где-то там, где-то глубоко в Отражении Саша чувствует странное, очень странное ощущение. Которому описание озвучивает Миклош чуть надтреснутым голосом:

— Саша, он еще жив.

— Ну и задали вы мне задачку — такой паззл собирать, — Карина, сидя вместе с ними в ресторане быстрого питания и уминая картошку фри, несмотря на свое заявление, не казалась слишком уставшей.

Именно она появилась в номере спустя всего несколько секунд после того, как Саша с Микой наконец сумели взять себя в руки и известить Серафима о находке. Волшебница только оглядела Азамата, что-то сказала на неизвестном Саше языке и выпроводила их обоих вон, дожидаться окончания процесса где-то, где можно будет поесть.

— Что вы сами-то ничего не заказываете? — Карина принесла с выдачи пару бургеров, три порции картошки фри и нагетсы, — идите и берите еду, меня совершенно не устраивает тот факт, что я буду есть, а вы мне в рот смотреть. Или успели прогулять все выданные Новгородским деньги на поездку?

— Нет, — Миклош покачал головой.

— Ну вперед тогда, а то лица такие, словно если не умер кто-то, так умирает прямо сейчас. Марш за едой. Держите, — Карина протягивает кошелек с картой знакомого Саше банка, — и тратьте. А остальное от Новгородского оставьте на кутежи.

— Не надо... — начинает было Саша, но осекается под взглядом волшебницы.

— Мое, и я решаю, что надо, и что не надо. Берите, а то на вас смотреть без слез тяжело. И ничего возвращать не надо, у меня этого добра навалом.

Саша только переглядывается с Миклошем. Но спорить с решительно настроенной Кариной не решается. Тем более есть и правда хочется. Они так-то тут вдвоем просидели почти полчаса, заказав себе только по стакану кофе в тревожном ожидании того, чем все закончится.

— Ладно, рассказывайте давайте как вы этого красавца пожеванного нашли, — после еды Карина потягивала пиво, Саша — кофе, а Миклош — колу.

Волшебница, кажется, одним движением век подняла вокруг странную, неизвестную Саше защиту. Тонкую, едва различимую в Отражении золотую паутину, да и то, казалось, различимую только для нее потому, что так хотела сама Карина. Судя по всему эти чары должны были отвлечь от них внимание всех — и людей, и Затронутых. Совершенно всех.

Рассказ укладывается в четыре длинных предложения. На каждое Карина кивает. Потом отпивает пиво и откидывается на спинку стула.

— Использование интуиции — молодцы, вот только зачем вы, зная, что вас подставить хотят, в номер полезли сами-то?

Саша чуть пожимает плечами.

— Мне казалось что это было... Правильным.

— Правильным... Что ж, такой вариант вполне допустим. Но впредь будьте осторожнее, интуиция мага подводит редко, но может завести туда, откуда выбираться сложновато будет. И да, отвечая на тот вопрос, который вы никак не можете задать — парень жив. Не то чтобы укусы оборотня пошли ему на пользу, особенно совершенные в гневе — такие раны даже наша магия с трудом сдерживает, но, определенно, он будет жив. И вполне красив.

Саша поморщилась. Карина на это только открыто усмехнулась.

— Ладно вам. Оставим обсуждение внешности твоего, Александра, бывшего соученика на потом. Хотя в этом у нас взгляды могут и не сойтись. Вопрос в другом — кто и зачем

пытался убить его? А это была именно попытка убийства, яростного, под знаком чувств, но убийства. В этом я хоть что-то, да смыслю.оборотень-волк вышел из себя и напал на волшебника. Есть идеи — кто и почему?

Саша кивает.

— Я не знаю, что именно сказал сам Азамат, но, кажется, он напал на Никиту Дмитриевича, специалиста по изменению внешности, работая в паре с кем-то. Правда, напал с кинжалом в руках, скорее всего, и этот кинжал исчез куда-то. Он наблюдал за итогом проваленной попытки покушения, потом пошел в отель, где его сообщник, убивший Хельгу в Сукко, разозлился за неудачу и напал на него.

Карина несколько секунд барабанила пальцами по столу. А потом покачала головой.

— Нет, господа. Это вероятное развитие событий, но на деле — не отражающее реальность.

Саша переглянулась с Миклошем.

— Ваш юный товарищ не то чтобы в хорошем состоянии для того чтобы хоть что-то выудить из его разума. Истощение, шок, повреждение энергетической структуры, кровопотеря и вот это все. Но я точно могу сказать — он не был тем, кто напал на Никиту. Совершенно точно нет.

— Но он там был.

— Да. Скорее всего это действительно так. Он стоял и следил за происходящим в доме — вполне вероятно. То, что на него напал оборотень, вполне возможно с этим происшествием как-то связанный — тоже вероятно. Но по всем существующим фактам и отпечаткам, пусть и стертые, ваш раненый ровесник вовсе не сообщник убийцы, действующего в городе.

Саша переглядывается с Миклошем.

— Азамат не... Нападал ни на кого?

— Ну за всех не поручусь, — легко пожимает плечами Карина, — но на выжившего после покушения лицеправа — точно нет.

Саша задумалась.

— Если он стоял и смотрел... Но ничего не сделал. Зачем? Есть же протоколы и все такое... К тому же — на него напали. Или совпадение, или он все-таки что-то видел...

— Или кого-то, — задумчиво протянул Миклош.

Саша вопросительно подняла бровь.

— У тебя не было такого, что ты останавливаешься посмотреть, когда видишь, что кто-то знакомый тебе делает что-то, что привлекает твое внимание, даже если это что-то неправильное, и ты не знаешь, останавливать его или нет?

— Бывало. Иногда. Ты думаешь, что Азамат узнал нападавшего, и поэтому напали на него самого? Почему тогда не убили кинжалом?

Миклош переглянулся с Кариной. Впрочем, кажется, волшебница была увлечена разглядыванием какого-то накачанного красавчика, проходящего по аллее без майки. Или разглядыванием его спутницы. Или их обоих...

Так что отвечать Миклошу пришлось самому.

— Если речь идет об эмоциях, то не было продуманное нападение. У оборотней... У всех Обращенных вообще так может быть. Если чудовище одерживает верх, прошедший через Преломление не то что об оружии в руках забудет, он и свое имя-то помнить едва ли будет. Это выше разума. Если оборотень пришел за этим Азаматом изначально не желая

убивать, или шел туда с кем-то вместе, или просто имел другие планы, а потом вышел из себя, то мог обернуться и кинуться просто с чем было — с зубами и когтями, потеряв рассудок. И это, кстати, доказывает и то, что мы нашли парня еще живым.

Саша только поднимает бровь.

— В состоянии аффекта вроде как убивают как раз, разве нет?

— Обращенные — не всегда. Это ведь не Охота. Да и часто после таких срывов, если зверь взял верх над человеком, то оборотень может просто сбежать прочь, не задумываясь ни о чем. К себе в берлогу или куда-то в безопасное место. К тому же, если я правильно понял, этого юношу спас Стазис в амулете на шее, верно?

Карина отрывается от своих мыслей — и кивает.

— Да. Разумеется, в привычном виде даже маг с такими ранами долго не проживет, а этот лежал там как минимум с полуночи.

Миклош кивает. Саша напрягает память, пытаюсь разобраться с происходящим:

— Стазис внешне делает человека похожим на мертвого из-за замедления всех процессов, но ведь мы с легкостью поняли, что Азамат жив. Неужели тот, кто на него напал, не хотел убивать?

— Может, и не хотел, — пожимает плечами Миклош, — но скорее — просто не понял, что произошло. Решил, что нанес достаточно глубокие раны, и ведомый эмоциями, убежал прочь, рассчитывая, что парень сам отдаст богу душу. Тем более что на смерть мага могут самые разные амулеты реагировать, кто-то может это ощутить, так что, возможно, не добивать на месте и вовсе было сознательным решением. А может и попросту спугнул кто, оборотни ведь не маги — через Отражение как к себе домой ходить. Тем более в обращенном виде. Оборотни почти никак не управляются с магией и способны проникать на Изнанку очень не глубоко, и за пределами Переворота только после больших усилий, вовсе не мгновенно, как мы. Обращенные ограничены. Кинжал кому-то в сердце воткнуть — пожалуйста. Но не замести следы произошедшего, не Стазис уловить они не могут, и тем более вероятностный щит или следилку увидеть они. Таковы их ограничения. Так что как бы то ни было — если оборотень и правда наш убийца, то платок твой со следом, Саша, забрать должен был не он, а маг или колдун. И на мага я ставлю больше, от колдунов даже при очищении Отражения все равно след есть, даже если артефакт применяли. Обращенные — они и есть обращенные, что с них взять.

Саша чуть сильнее сжала руку.

Оборотень в паре с магом. И одного из них Азамат узнал, так? А еще она видела на катере...

Анна так и не появлялась в сети...

Муза говорила, что она знала убийцу.

Саша поднимает глаза на Карину.

— Вы...

— Ты, — поправляет ее волшебница, чуть поднимая бровь.

— Ты знакома с историей о Свободе?

— Да.

— Светлану Александрову нашли?

Волшебница пожимает плечами.

— Я не знаю. Проверь отчеты, возможно Орден об этом что-то знает. Но вообще — едва ли. Она ведь оборотень, так?

Саша кивает.

— За оборотнями приглядывает Стая. Они, в отличие от кланов и ковенов, довольно скрытые по своей природе, и чужаков к себе не пускают. Но у Ордена с ними есть договорённости об обмене информацией. Правда, насколько я помню, они даже книги-то почти не признают, так что если захотите пообщаться, то придется ехать к вожаку лично. Адреса у Ксандра или Михаила спросите, эта информация под допуском, но тайна-то невеликая. Ладно, господа. Работайте. В отеле ловить особо нечего, как, думаю, и пока в городе. Тут будет скоро немало суеты, и вам бы не стоит привлекать к себе лишнее внимание. Ну да решать вам. А у меня на сегодня еще дела есть.

И с этими словами Карина растворилась в воздухе.

Саша вздохнула про себя. Здесь нет второстепенных героев — так говорила Муза. Неужели она не права и Аня правда убила? Или ее мать? Ведь все складывается в единую картинку, вот только это изображение Саше совершенно не нравилось.

Возможно, если узнать больше, новая информация развеет нынешние подозрения. Или укрепит. Но так или иначе — надо было двигаться дальше.

Лучше гор могут быть только горы. Глава 1

— Прошлая поездка в такой махине не то чтобы закончилась хорошо. Интересно закончилось, но слишком уж больших усилий там все всем стоило, — Миклош с некоторым скепсисом оглядывает маршрутку, пока стоящую с закрытыми дверями около третьей посадочной площадки краснодарского автовокзала.

Саша только пожимает плечами, проверяя билеты. Ехать предстояло всю ночь, и сейчас ее это не радовало. Может и правда из-за воспоминаний, все же разгромленный автозапровочный магазин и маг с перерезанным горлом — не самые лучшие видения из прошлого. Может из-за общей нервозности, не ее, так Миклоша, которому первое знакомство с нынешним миром точно не понравилось, хотя он в итоге и обрел тело, перестав быть бесплотным духом. Может — просто перед поездкой в незнакомый регион.

Ехать нужно было до Нальчика, оттуда вроде как на еще одном автобусе — и в Терскол. Или в Тырнауз, вроде как город по дороге, уже в ущелье, а потом с пересадками там в Терскол. Или на такси в Терскол за очень круглую сумму...

Немного было странно вернуться из Анапы и без шкатулки, и без внятного понимания происходящего. Точнее, гипотезы-то были... Вот только ни одна из них не подтвердилась толком. Анна не выходила на связь. Разговор с арестованными по делу «грабителей», на которых удалось выйти через одного служившего там вампира, знакомого Михаила Ефимовича, ничего не дал — они ни о какой шкатулке и слыхом не слыхивали, и вообще, кажется, не были виновны по крайней мере в половине вменяемых эпизодов. Сколько Саша не рассматривала их в Отражении — никаких связей с работавшим артефактом. Ни Черный Кинжал, ни шкатулка Гипноса никак себя не проявляли. Даже ритуал поиска, проведенный больше от отчаянья, ничего не дал.

Все, что им удалось узнать — Светлана Александрова, мать Анны, судя по всему действительно была тем оборотнем, что напал на Азамата. Увы, и только. Сам бывший неприятель ничего не мог толком сказать о том, кого видел в доме «лицеправа». Маскировка работала. Азамат говорил лишь, что образ казался ему знакомым, но какой именно образ — понять так и не удалось. А из-за полученных ран лезть в голову ему напрямую было опасно, по крайней мере именно так все объяснил наставник. Пока опасно. Выживший Никита Дмитриевич, на которого кто совершил покушение с Черным Кинжалом в руках, нападавшего тоже не видел.

Зато Саша сумела найти в отеле, где до того обнаружили раненного Азамата, след оборотня. И это был знакомый образ, знакомый, пусть и не близко, оборотень. Увы, след ничего не дал. Оборотень дошел до моря и вода скрыла весь дальнейший путь. Саша была уверена, что это Светлана, но ни ее, ни Анну найти пока не удавалось, по крайней мере простыми поисковыми чарами. Впрочем, оно и понятно — чары простые и известные, пара даже простых амулетов от них защитят.

Использовать что-то сложнее... Можно было, конечно. Но существовало опасение, что это привлечет много внимания. Много ненужного внимания. Да и часть таких ритуалов, особенно применяемых против магов без соответствующих обвинений были попросту запрещены. Конечно, списать постфактум можно было бы что угодно, но все же здесь, при большом объеме применяемой магии, объясняться придется и с Москвой. А это — козырь, очевидный козырь, и вовсе не в их руке.

План «использовать просто грубую силу, сжечь все амулеты и достать оборотня из-под земли» решено было оставить на потом.

Так что пока им предстояло добраться к подножью Эльбруса и найти там Алену. Алену Миркатову, единокровную сестру Светланы. Тоже оборотня.

— Ты думаешь, что этот Виктор нам не соврал? — Миклош прищурился, явно ища возможности избежать поездки в авто, — не то чтобы мне он не нравился. Но он глава стаи, альфа, вожак. Если просто хотел защитить своих и спровадить нас, то мог что угодно рассказать.

К оборотням они поехали позавчера. Как оказалось, глава местной, краснодарской стаи, держал небольшую гостиницу недалеко от пшадских водопадов. Улыбчивый блондин с холодно серыми глазами не стал ничего требовать взамен на информацию об Светлане Александровой. Просто потому, что сказать о ней ничего не мог, уверяя, что та, хоть и провела несколько лет после обращения в его стае, все же покинула ее больше четверти века назад, отправившись искать лучшей доли куда-то в отдаленные лесные края. Но все же упомянул, что у Светланы была, да и осталась, сестра, и хотя у них разные фамилии и официально они даже и не были родственниками, но все же родная кровь могла сыграть.

Конечно, это было ничтожно мало информации. Но несколько лучше, чем ничего.

Саша перехватывает рюкзак поудобнее и чуть качает головой.

— В этом деле я ни в чем не уверена. Я вообще в последнее время мало в чем уверена, честно говоря. Но я в словах оборотня фальши не чувствовала. Да, мы ему совершенно точно не понравились, но, как мне показалось, он сказал правду, понимая, что за ложь придется отвечать. И да, может эта Алена и не знает ничего, конечно. Но, точнее, хоть что-то она должна знать. Что у ее сестры за привычки, что она за человек, хотя бы.

— И нам это никак не поможет.

— Поможет, если мы решим найти Светлану без магии. Да и с магией... Хотя бы пойдем, где искать и на что обращать внимания. К тому же... Возможно, эта Алена поможет нам найти Светлану.

— Ага, отдаст на блюдечке с голубой каемочкой. Скорее сдаст сестре с потрохами. Ты ведь помнишь, что у оборотницы — Черный Кинжал? Наши щиты могут спасти... А могут и не спасти, знаешь ли. И я не хочу проверять.

— Мика, — Саша притрагивается к плечу явно нервничающего парня, — ты что-то чувствуешь по поводу этой поездки?

Сама Саша никаких дурных предчувствий не ощущала. Скорее наоборот. Словно бы медленно, но неустанно начинала разматываться какая-то смутно ощутимая ее разумом нить событий. Не то чтобы поездка Сашу радовала, но и тревоги не несла. Словно это был этап чего-то... Неизбежного, наверное. Очередной акт в странной пьесе, в которой она сама уже потерялась и в персонажах, и в сюжете, и даже в том, кто нанялся тут в режиссеры.

Миклош только покачал головой.

— Нет. А даже если бы и чувствовал что-то — все равно бы поехал.

— Зачем? — Саша попыталась вновь прислушаться к ощущениям.

Видение вероятностей ей мало давалось. Сила тут не помогала совершенно. Может, если она ничего не чувствовала, то что-то могло грозить Миклошу?

Но ничего, что вызывало бы тревогу, не промелькнуло в разуме.

Миклош усмехается.

— Ты дала мне шанс жить дальше, вот почему. И потому что я очень хочу отправить

ублюдка, убившего моими же руками мою жену и мою дочь туда, куда ему давно пора. Просто меня не радует перспектива всю ночь ехать вместе с множеством людей в этом железном гробу на колесах непонятно куда и непонятно зачем ради призрачного шанса получить ответы. Но я не отказываюсь, как видишь.

— Но ты можешь. Мика, ты можешь остаться, быть тут, искать в базах, посмотреть книги — там-то Интернет не думаю что будет хорош. Ты можешь быть...

— В безопасности, ага, — Миклош вновь усмехается, теперь уже с горечью. — Нет. Чтс бы не предпринимал и я сам, и ты, и Серафим, и остальные... Пока тот, кто сделал из меня наглядный материал для книги «Величайшие магические преступники начала девятнадцатого века» на свободе и строит свои козни — я нигде не в безопасности. Ты переживаешь о том, что попала в его сети и стала частью его планов. Но не ты одна. Так что если нужно ради дела трястись в этом... автомобиле, то я готов. Но это не значит, что я в восторге от происходящего. Мы вновь лезем куда-то в петлю, опять, как в Пензу ехали на поиски этого ублюдка.

Саша пожимает плечами.

— Может быть. Но, стоит признать, на сей наставник извещен о наших планах и все такое. Если что — просто сбежим, да и все. Я смогу провести тебя настолько далеко, насколько надо будет по Отражению. Двух камней хватит.

— Это обнадеживает.

Металлический голос провозгласил, что пассажиры рейса «Краснодар — Нальчик» приглашаются на посадку.

Саша подходит к открывшимся дверям микроавтобуса, протягивает контроллеру билет, краем уха слыша, как Миклош коротко молится перед тем, как осторожно залезть внутрь микроавтобуса.

Саша отрубается почти сразу. Точнее, после того, как, пользуясь собственным превосходством и силами менгира, попросту усыпляет Миклоша одним плетением. На парня до того напряженно смотрящего в темноту за окном было просто тяжело смотреть, особенно на его крепко сжатые руки. Пожалуй, для жителя прошлого такое вот путешествие было и правду весьма тяжелым само по себе. Но он все же согласился.

Разумеется, поездка на поезде была более комфортным вариантом. Но так — быстрее, а им, по-хорошему, стоило спешить. Пока эту Алену не нашел кто-то еще.

Оставалось надеяться, что они никуда не врежутся по дороге. Не то чтобы Саша этого по-настоящему боялась... Но все же. Впрочем, тревога уходит почти сразу, как они выезжают за город, и она присоединяется к Миклошу в царстве Морфея, и без всяких зловредных шкатулок. Что бы там, в краю гор их вдвоем не ждало, они по крайней мере должны приехать туда выспавшимися. И это обнадеживало.

Глава 2

— Автовокзал еще закрыт, — Саша тяжело вздыхает, осматривая наглухо запертую дверь, — а я надеялась там посидеть немного. Или хотя бы кофе купить где-нибудь, но, кажется, так рано нас нигде не ждут до семи минимум.

— Тебя удивляет, что в пять часов утра тут все закрыто? — Миклош зевнул, потягиваясь.

— Да. Потому что у нас даже Южный, насколько я помню, пригородный который, работает ночью. И, по крайней мере, точно второй и главный автовокзалы. А тут этот вообще единственный так-то на весь город, ну или точно основной, и закрыт сейчас. А мы с тобой не в глухой провинции, а в столице республики, если меня мои знания географии не подводят.

— О времена, о нравы, — Миклош добродушно усмехается.

— Да ну, — Саша отмахивается, — что, скажешь, раньше с закатом все закрывалось и жизнь замирала?

Миклош чуть пожимает плечами.

— Смотря где, Саш. Но вообще-то в большинстве мест — да. Работали только соответствующие заведения, где легкого морального облика дамы и кавалеры приятно проводили время.

— Ну магазины закрыты — я понимаю. А остальное?

— Закрыто. Хотя я не был завсегдатаем злачных кварталов, может быть там и можно было найти что-то, что должно было развлекать соответствующую публику.

— Это вокзал же, Мика.

— Вася, — поправляет ее напарник.

— Все-таки Вася?

Миклош вновь пожимает плечами.

— Я не вижу следа на нас или еще чьего-то внимания. Да и проездом мы тут, в общем-то. Но все же стоит быть осмотрительными.

— Ладно, Вася. Пошли, вроде как тут в паре километров можно найти все-таки какое-то круглосуточное заведение. Я усну, если не выпью кофе. Такая рань, а этот дурацкий автобус не раньше семи будет, и то если мы в Тырнауз хотим. А такси стоит три тысячи, так-то. Да и лучше не светиться, таксист нас вернее запомнит, чем водитель рейсового автобуса.

— Пожалуй. Ну или тебе жалко командировочных.

— Жалко. Полторы тысячи на человека кажется большой цифрой, но что-то мне подсказывает, что в Приэльбрусье гостиница будет стоить прилично. Не в шалаше же жить? Так что пока экономим. Пары часов роли не сыграет. Ты все еще думаешь, что стоит заехать в город, а не в Терскол сразу?

Они обсуждали это несколько раз, подъезжая к Налъчу, и Мика был за то чтобы сначала побывать в местном райцентре.

— Да, Саша. Стоит представиться тамошнему руководству. Мы... Ты, точнее, сильный маг, и правила хорошего тона все-таки предполагают, что ты известишь о своем прибытии, если дело не требует иного. А оно не требует, хотя бы потому, что кто-то из местных наверняка знает или Алену, или кого-то из стаи. Можно конечно просто ходить везде и следы оборотня искать, но зная их породу, наверняка она живет где-то вне поселения. Или

ты думала ходить по поселку и стучать во все двери и зачитывать то ужасное описание личности, что в нашей базе есть?

— Да нет. Но поиск личности...

— Поиск может не дать результатов, если есть соответствующие артефакты — во-первых. А во-вторых... Саша, подобные ритуалы, по крайней мере в мое время, использовать не против подозреваемых или не для спасения жизней было просто некультурно. А мы с тобой вроде как хотим мирного диалога.

— Хотим.

— Вот именно. К тому же, если Светлана была у сестры, опять же, кто-то может что-то знать, и надо об этом расспросить всех Затронутых, кто готов говорить. И начинать проще и логичнее с наших с тобой коллег по ремеслу. С Ордна.

— В котором Паук может раскинуть свои сети.

— Может, — Миклош легко кивает, — но тогда мы вообще можем прийти к войне со всем миром просто потому, что любой может оказаться потенциальным союзником нашего врага. А это уже не имеет смысла. Подозрительность хороша в меру. Ладно, идем искать круглоуточный магазин или еще куда. Кажется, с кофе в его нынешнем виде мне придется смириться в своей жизни.

Торговый центр, до которого идти пришлось довольно долго, оказался закрыт. Как и еще несколько кафе неподалеку. Только ближе к половине седьмого Саша наконец нашла место, где можно было купить по сэндвичу и кружке капучино. Заспанный бариста в придорожной забегаловке предоставил требуемое без вопросов. И даже терминал для оплаты картой было, хотя и ужасно допотопный и тормозной.

— Пошли пить за стол?

Около найденного по сути, ларька, больше похожего на чебуречную или пирожковую, чем на крошечное кафе, благо, было несколько квадратных высоких столиков.

— Идем. Есть на весу — так себе идея.

Кофе был поганым, впрочем, Саша от него ничего и не ждала. Сэндвич вышел еще ничего, хотя своих денег точно не стоил.

— Надеюсь, это не отправит нас в могилу, — буркнул явно не оценивший местную кухню Миклош.

— Я знаю, как легко и быстро излечить пищевое отравление.

— Отлично. Вот только сколько раз ты это знание применяла на практике?

— Ни разу.

— Меня это не вдохновляет.

— В теории все просто, — Саша приготовилась было объяснить что-то, о чем она, неожиданно, знала, а Миклош — нет... И осеклась.

Магия. Смутно знакомая, осязаемая магия, на секунду коснувшаяся ее. Магия, протянувшаяся от стоящей сейчас перед светофором с красным светом выдавшей виды копейки. Магия, которая в просторечии у них на курсе называлась сканером. Такой способ понять, кто есть кто. Кажется, его даже пытались скрыть — но не преуспели.

Саша вчитывается в отклик, отголосок протянувшейся к ней магии. Старается осмыслить полученную информацию, и только хочет что-то сделать в ответ, как загорается зеленый и копейка с весьма неожиданной прытью срывается с места, быстро удаляясь.

— Саша? Ты что-то ощутила? — от Миклоша не укрылось ее внимание.

— Да. Наверное. А ты?

— Тоже, — Миклош кивает, — просто магию, шуп интереса. Его кто-то скрыл, но я почувствовал привкус отпечатка ауры Ограниченного.

Саша кивает.

— Если я все правильно поняла, этот Михаил, что в Пензе жил на дачах, только что проехал мимо нас.

— Час от часу не легче. Ладно, — Миклош залпом допил кофе, — быть в этом городе — точно не преступление. Тем более, что нас тут скоро уже не будет. Но все же лучше держать ухо востро. Идем к вокзалу?

— Да, — Саша сверяется с часами, — кажется, мы должны успеть на первый же рейс.

— Вот и отлично.

— Ага, потому что второй только в час.

— Тебя это удивляет?

Саша кивает.

— Разумеется. Это же Эльбрус, туристы, вот это все, а тут автовокзал некруглосуточный, автобус два раза в день... Словно мы не на десять часов от Краснодара уехали, а на двадцать лет. Или больше. Ладно, как бы то ни было, нам пора.

На автобус они успевают. Тот вообще, кажется, никуда не торопиться, и отпарвляется только после того, как все места в салоне оказываются занятыми. Примерно сорок минут пути по довольно, надо признать, красивым местам — и вот они с Миклошем уже стояли на местном вокзале города с весьма экзотичным для Саши названием Тырнауз. Точнее стояли на том, что можно было с натяжкой назвать вокзалом. Крошечное закрытое здание и маленькая парковка, едва вмешавшая в себя пару газелей. Весь Тырнауз, кажется, вытянулся вдоль дороги, ведущий по Баксанскому Ущелью куда-то дальше к Эльбрусу.

— Что случилось здесь?

— А? — Саша отвлеклась от копания в картах на телефоне в попытках проложить маршрут до адреса местной резиденции Ордена. — О чем ты говоришь?

Миклош протянул руку обводя все вокруг.

— Здесь. В этом месте. В этом поселении. Ты разве не чувствуешь?

Саша подняла бровь, рассматривая город.

Место казалось... Непривлекательным было самым мягким. Обшарпанные пятиэтажки, закрытые магазины, оставшиеся тут по большей части с начала нулевых. И гигантские развалины какого-то действительно большого завода в некотором отдалении. Или не завода? Сейчас от зданий остались одни остовы, но что бы это не было, оно казалось действительно впечатляющим по размеру. И совершенно уничтоженным. Как и некоторые другие здания, то тут, то там нависавшими темными провалами окон. Саше казалось, что она отъехала от Краснодара не на одиннадцать часов пути на машине, а лет на тридцать назад, куда-то в лихие девяностые, которые сама она не застала, но немало видела и слышала об этом времени из фильмов, СМИ и чужих рассказов.

Здесь было как-то... серо. Несмотря на прекрасные горы рядом.

Миклош напряженно осматривался. Саша склонила голову, пытаясь понять, что именно насторожило парня. И быстро понимает, почему ей это место так не нравилось. Все Отражение вокруг словно бы было пронизано запустением, разрушением и болью.

Саша сглатывает.

— Я не знаю. Правда не знаю. Вроде как ничего такого...

Она в Краснодаре была в тех домах, что использовались больше полувека назад

окупантами. Там все еще были следы прошлого в Отражении. Но тут было что-то иное. Совсем иное. Словно здесь и правда произошло что-то... Не кровавое. Не яростное. Что-то иное, жестокое, холодное, почти неощутимое. Словно бы отсюда разом высосали всю даже не радость, а попросту — жизнь. Хотя Саша чувствовала, что в городе живут. Что это не покинутое место, не оставленный на произвол судьбы памятник человеческому могуществу и глупости, в котором больше никого нет. Здесь у каждого радости и горести, здесь рождаются и умирают.

Но все же. Все же.

— Сель, — неожиданно говорит рядом холодный женский голос, — а еще жадность, глупость и разруха.

Саша поворачивается, обнаруживая буквально в паре шагов немолодую на вид русскую женщину с черными волосами и каким-то словно потухшим взглядом. Смутно знакомую женщину. Саша склоняет голову, пытаясь понять, кто перед ней. Видя надтреснутую, словно бы искаженную ауру силы, явно скрываемую этой волшебницей.

Ее взгляд женщина замечает.

— Мир тесен. Из-за тебя, девочка, мне пришлось покинуть город, в котором удалось устроиться, и вернуться сюда, к корням. Пусть эти корни и прогнили насквозь. Потому что ты оказалась слишком глазастой в том магазине.

Саша сглатывает.

— Говорят, что смирение есть добродетель, — женщина чуть улыбается частично сгнившими зубами, — я поверю. Пока поверю.

Саша пытается найти слова, но женщина только резко разворачивается и уходит прочь.

— Ты ее знаешь? — напряженно спрашивает Миклош.

— И нет и да. Один раз заметила на мелком преступлении и там многие вещи скверно обернулись.

— Но ее не Ограничили.

— Ее не поймали. Ладно, пойдем, я наконец поняла, куда нам.

Миклош некоторое время молчит, следуя за Сашей.

— Странное место. Нехорошее.

— Мне тут тоже не нравится. Но мы хотели известить местный Орден.

— Я помню. Просто говорю вслух. Я бывал на полях битв. И здесь что-то другое. Словно бы... Равнодушие? Тоска? Горечь? Увядание... Или все сразу. Почему кстати здания разрушены? Я никогда раньше ничего не видел подобного. Только ту бетонную коробку около кладбища в центре твоего города, которую не достроили.

Саша пожимает плечами еще раз окидывая взглядом руины на горе.

— Наверное тут завод какой-то был. Их было много при советах, а после их падения и перестройки экономики они стали ненужным. Да и видел ты такое — на бывшей фабрике пианино, что у вокзала. Наверняка. Я родилась уже после всего этого, и после того как эти фабрики построили, и была ребенком тогда, когда они разрушались. Наверное лучше спросить у того, что все это видел своими глазами.

— Но мне твое мнение важно. Я не все и не всегда понимаю в нынешнем мире.

Саша чуть усмехается.

— Я плохой экономист. Могу сказать только, что в СССР была идея планирования производства и госзакупок. Когда государства не стало, решили, что нужен частный бизнес. И все рухнуло, как карточный домик. Границы открылись, появилась конкуренция, старые

каналы поставок перестали работать. Скажем, твой завод продавал красители для кожи другим двум заводам, где делали, не знаю, туфли, например. В страну приехали из-за границы туфли дешевле и популярнее, и эти туфлеизготовительные заводы закрылись. И теперь краска никому не нужна. И так везде. А многие города тогда и существовали вокруг такого вот завода. Он закрылся, работы нет. Тогда или уезжают, или ищут другие, не всегда законные, заработки. Много где потом все-таки предпринимательство появилось, с бандитами более-менее разобрались, появились рабочие места, условия и прочее. Тот же Краснодар, скажем, вполне приятный город, а разорившиеся заводы или снесены, или под офисы сдаются, и жизнь продолжается. А кое-где осталось, как есть, как здесь вот. А про сель я ничего не знаю, можно будет спросить у местных, что произошло.

Навигатор привел их к частному дому. Закрытому частному дому. Пустому закрытому частному дому.

— Ничего не понимаю. Адрес-то верный, — Саша рассматривала Отражение вокруг.

Дом и правда был закрыт и заброшен. Правда Изнанка указывала на тайник в земле под воротами. Что-то вроде большой стрелки вниз, видимой только магам.

В тайнике, на деле оказавшимся небольшим ящичком, лежала стопка визиток с одним только телефоном.

— Что за ерунда?

— Понятия не имею, — Саша набирает номер телефона, ожидая услышать что-то вроде «абонент не существует». Но на деле трубку берут через пять гудков.

— Доброго утра, — голос женщины с явственным акцентом кажется через не самую лучшую связь несколько раздраженным, — то вы и что вам нужно?

— Александра. Нашла вашу визитку около Резиденции...

Тяжелый вздох. И еще один проговоренный скороговоркой адрес.

— Приезжайте через час, не раньше. И поговорим.

— О чем? — Саша чуть теряется от всего содержания диалога.

— О том, что вам нужно в Резиденции, — отрезает так и не представившаяся женщина. И кладет трубку.

— Кажется, нам тут не рады.

— Пожалуй.

Через час они очень медленным шагом, купив по дороге пару стаканов кофе, добираются на другой конец города. К самой обычной пятиэтажке без всякого домофона. Нужная квартира на третьем этаже. Оплетенную магией дверь никто и не пытается скрывать, так что, очевидно, что они пришли по адресу. После непродолжительно стука, ведь звонка тут почему-то нет, им открывает невысокая полноватая женщина восточной наружности.

— Заходите. Разувайтесь и проходите на кухню.

Здесь все кажется... Обычным, пожалуй. Совсем, совсем обычным. Стол с клеенкой, чай в чашках от советского сервиза, вазочка с дешевым печеньем.

Женщина ставит на стол еще одну вазочку, теперь с конфетами, и садится напротив, пододвигая к себе чашку.

— Я — Гульназ, и если у вас есть дела к Ордену, то вам — ко мне. Никого больше тут нет.

— Никого? А Резиденция...

— Закрыта уже десять лет как. Денег нет, и держать там некого. Вы видели город — в

нем никто не живет из тех, за кем мог бы присматривать Орден.

— Никто?

— Я не в счет. Кто-то должен остаться, как видите.

Саша поднимает было глаза, но вопроса не задает. Женщина лишь усмехается.

— Молодость и любопытство. Вы сами все видели на Изнанке. Вы здесь недолго, и пока на вас это не давит. Пока. Но мало желающих селиться здесь. Очень мало.

— А что это?

— Эмоции. Обманутые надежды, несбывшиеся чаянья. Это и прошлое, и разруха, и сель, которая убила куда больше, чем говорят, а озлобила, кажется, вообще всех. И близость шахт с несколькими аномалиями, и много чего еще. Ладно, не думаю, что вы здесь с инспекционной проверкой. Так что рассказывайте — зачем пожаловали?

Саша после короткого колебания все-таки решает ничего не скрывать.

— Мы ищем одного человека. Оборотень, зовут Алена. Может, вы знаете, где здесь стая или где она может жить?

Гульназ только сочувственно улыбается.

— Здесь на километры вокруг горы, мелкие поселки и горы. Дальше в ущелье несколько веков жили люди совершенно автономно, ниже даже не знали, что здесь все заселено. Это глухие места, и жить здесь может кто и где угодно.

— А как же туристы? Эльбрус?

Женщина отмахивается.

— Можете съездить туда и сами все посмотреть. Туристы есть, да. Это правда. Но это не курорт. Просто деревеньки, где многие зарабатывают на возжелавших экзотики москвичах, и только. Что касается оборотней... Вы знаете, где именно вам нужно искать вашу цель?

Саша переглядывается с Миклошем.

— Поляна Чегет. Или Терскол.

Гульназ кивает.

— Терскол... Я там редко бываю. В окрестностях много мест, где можно жить на природе, и никто не побеспокоит. В Тырнаузе я единственная из магов Ордена. Есть еще Надежда, она просто маг, вернулась сюда из Краснодара, к внукам, живет тихой жизнью, да и волшебница из нее не ахти. И все. Больше никаких Затронутых, не выдерживают они у нас и года. После сели еще несколько лет местные держались за насиженные места, но потом и они отправились лучшей доли искать.

Женщина склонила голову, осматривая Сашу и Миклоша.

— Дальше к Эльбрусу туристов больше. А нас слишком мало, чтобы следить за всеми. Каждый год с Эльбруса не возвращается как минимум четыре человека, а то и десяток. Сели. Лавины. Трещины в породе.

Повисла тишина.

— И это только те, о которых становится известно.

Саша переглядывается с напарником.

— Там живет много Обращенных?

— Много — понятие относительное. Но живут, — женщина сплетает руки перед грудью.

Вновь тишина. Никто не хочет ее нарушать, словно так и только так можно продолжить беседу. Молча.

Хозяйка дома явно о чем-то раздумывает, и она первой нарушает молчание.

— Вы не похожи на кого-то из тех, кто приезжает сюда обычно. Не москвичи с презрением на лицах и в душах, и не местные, для которых родство иногда важнее здравого смысла. Не туристы. Потому задам вопрос еще раз — зачем вы здесь?

— Найти Алену, — только пожимает плечами Саша.

— Зачем она вам? — чуть склоняет голову Гульяз, — будь у вас к ней интерес Ордена, вы бы первым делом показали мне все бумаги и завалили фактами. Но, простите, и на поиски потерянного родственника ваша история не очень походит.

Саша оглядывается на, кажется, совершенно погруженного в себя Миклоша. И отвечает сама:

— Мы предполагаем, что она что-то может знать о Затронутой, возможно виновной в нескольких убийствах на юге, и хотим проверить это.

— Ага. Значит все-таки дело Ордена. Но неофициальное.

— У нас есть разрешения на расследование, — кажется, Миклош только вышел из задумчивости, — подписанное Михаилом Новгородским.

Гульяз улыбается.

— Значит, неофициально. Вы оба знаете, что наш район подчиняется Кавказскому управлению Ордена с широкой автономией. И разрешения его представителей у вас нет.

Теперь улыбается уже Миклош.

— И вы прекрасно знаете, что автономия не исключительна, и слово главы Южного округа превосходит по силе ваши местные разрешения.

Гульяз только усмехается.

— Вы никогда не были на Кавказе, верно, юноша? Особенно в наших местах. Здесь всем правят бал знакомства и связи. Даже если ваш глава окажется здесь, то сначала ему придется иметь дело с Ибрагимом Тасалбыевым, главой Кавказского управления. Потом с его заместителями — Игизом, Арсеном и Закиром. Потом с их заместителями. Потом с их. И когда его воля дойдет до меня, ваша оборотница будет далеко-далеко отсюда. Неважно, что говорит высокое начальство, пока оно далеко. Даже москвичи вооружаются своими исключительными правами и ведут дела сами. Хотя, признаю, еще ни разу здесь их расследование не было успешным. Даже у них нет власти указывать мне, потому что мне указывает Юсуф, ему — Анзор, ему — Абид, и так и дальше. До Ибрагима далеко в городе.

— То есть вы нам не поможете, верно? — Саша решает пойти напролом, чувствуя нарастающее раздражение.

Разговор раздражал, хотя и чай, и квартира этой женщины ей нравились. Был тут какой-то уют, что ли. Вязаные платки, чистота, украшения с какими-то местными видами... Но все это кружево слов без внятного ответа было просто туманом, а плавать в тумане желания никакого не было.

— Не стоило нам вообще останавливаться здесь, — Саша отставляет чашку и поднимается.

Гульяз улыбается. Одними губами.

— Вы нетерпеливы. Слишком нетерпеливы, а здесь не любят тех, у кого нет терпения. И таких легко обвести вокруг пальца. Я живу тут, в этих местах, с момента строительства комбината. И я знаю, что терпение — благодетель.

— Тогда к чему эти разговоры? Вы поможете или нет?

— Саша, — чуть примирительно говорит Миклош, — вопрос в цене.

Гульяз кивает.

— Да. Разумеется, вопрос в цене. Я не знаю Алены-оборотницы и не живу в Терсколе. Но знаю того, кто живет там и знает всех двоедушников на мили вокруг. Но как я уже сказала для меня ваши бумажки — лишь бумажки, не ценнее тех, что в туалете найти можно. Больше все равно никто не будет работать здесь, а значит и меня никуда не уберут, несмотря ни на что.

Она разводит руками.

— Что вы от нас хотите?

— Услуга за услугу. Я порошу Хаву помочь вам с поисками вашей Алены. Можете не сомневаться, если ваша оборотница хоть когда-то жила в наших краях, то Хава об этом узнает. В обмен вы принесете мне одну вещь.

Миклош поднимает бровь.

— Ничего незаконного. Речь идет о моем обручальном кольце.

Теперь черед Саше удивляться.

— Вашем обручальном кольце?

— Да. Оно осталось в шахте после закрытия выработки. Эта вещь дорога мне как память, но, увы, забрать сама я ее не могу.

— Почему?

Гульяз вновь улыбается. Теперь как-то грустно.

— Думаю, когда вы окажетесь там, то поймете почему. Впрочем, у вас двоих силы достаточно, чтобы находиться в шахтах достаточно долго. В отличие от меня.

— Достаточно силы?

Саша вглядывается в Отражение. Непохоже, что эта женщина разыгрывала их или пыталась отправить в ловушку. Но что-то было не так.

Хозяйка дома усмехается, налив себе еще чая.

— Почти сразу после остановки производства нашлись те из колдунов, кто хотел использовать оставленные шахты для своих целей. Договориться с людьми-владельцами труда не составило, и они что-то провели там. Приезжали москвичи, поймали зачинщиков. Вроде как. Я не знаю деталей — информация не моего уровня секретности. Не уверена, что об этом есть что-то в архивах. Теперь там, где проводили это все — аномалии Отражения. Множество негативных эмоций, больше, чем здесь. Мне там находится весьма затруднительно, особенно в свете того, что я и так тут живу и постоянно трачу силы на щиты. А вы выдержите без проблем. Там на самом деле не слишком далеко. Вот фото кольца, можете поиск сделать. Принесете его, и я замолвлю слово перед Хавой, и тогда без проблем найдете свою Алену. Итак?

Саша переглядывается с Миклошем.

— Зачем это вам?

— Потому что я хочу вернуть вещь погибшего мужа, а вы хотите найти потерянного оборотня. Взаимовыгодное сотрудничество.

— Вы могли бы...

— Попросить что-нибудь другое? Да, разумеется. Только зачем? К тому же если я захочу что-то большее, чем небольшая услуга, то есть риск того, что ваше начальство все-таки решит надавить на мое. И да, меня не отправят отсюда, но худой мир лучше доброй ссоры. Один поход в шахту, кольцо — и вы получите Алену на блюдечке.

Саша закусывает губу. Казалось, никакого подвоха, злоупотребление служебным

положением, и только...

— Мы подумаем.

— Да. Разумеется, — Гульяз улыбается, — у меня достаточно терпения. Если захотите перекусить, выбирайте кафе в трех кварталах, с синей вывеской, мимо не пройдете. Возьми там хычины, вам должно понравиться.

Хычины и правда были вкусными. Саша съела три и поглядывала на четвертый, запивая все это ароматным чаем. Миклош задумчиво смотрел в окно.

— Ты говорил с наставником?

Мика покачал головой.

— Пока не о чем. Мы сами еще не решили, что делать будем.

— А что тут решать? Поехали в Терскол, проведем поиск да достанем эту Алену из-под земли. Ты сам был против похода в ловушку, и как-то все это предложение с кольцом на ловушку и похоже.

Миклош кивает.

— Так-то оно так... Но, Саша, ты видела карту. Здесь правда глухие леса на лиги вокруг. Если мы используем поиск, и оборотница эта учует... Думаешь, мы сможем в лесах с ней справиться? Или, что важнее — догнать?

— Пройдем по Глубине. Она же не маг, не сбежит. Так и накроем.

— Ты хочешь просто использовать силу. И это может сработать. Действительно может. А может и не сработать. На ведь в итоге все равно, поймает ли мы это Алену или нет. Вопрос в том, что нам от нее нужна информация и помощь в поиске Светланы, а беготня по лесам и возможная драка не способствует дипломатическому решению ситуации. Допустим, на силе твоей мы ее поймает, обезвредим и при этом никто не пострадает. И дальше что? Вырвать силой из ее разума знания? Разорвать защиту и вытряхнуть то, что она скрывает, уничтожив личность? Да, Саша, ты это все сможешь. Но хочешь ли?

— Так можно просто пригрозить. Рассказать про расследование и последствия.

— И ты уверена, что этого будет достаточно? Саша, как далеко мы можем зайти на пути к цели используя только грубую силу?

Несколько минут молчание определенно было неудобным.

— Ты думаешь, это Гульяз нас не сдаст сама первым делом кому-нибудь? Думаешь, вся эта история с кольцом не ловушка? — Саша хмуро оглядывает напарника.

— Не знаю точно. Сдаст, не сдаст... Разумеется, никто не даст гарантий. Но, думаю, она понимает, что при любой опасности мы будем защищаться любыми способами совершенно законно, и мы сильнее ее — это первое. И второе — без соответствующих согласований эта местная волшебница и правда может отказаться нам помогать. Ее ничто не обязывает делать это с формальной точки зрения. Бумаги, Саша. Чертовы бумаги. Тут за годы ничего не поменялась. У всех свои протоколы, и без соответствующих разрешений никто и пальцем не пошевелит без своей выгоды. Конечно, Новгородский может надавить на местных, но это будет не мгновенно и чревато сложностями и шумом. Думаю, эта Гульяз видит возможности сейчас с нами поторговаться, повымогать «взятку», пусть и услугой. Я не чувствовал в ней лжи. Просто деловой подход. Конечно, она просто могла бы поговорить с этим или этой Хавой, но видит выгоду и ей пользуется. И я думаю, она прекрасно понимает, что если с нами что-то случится, то те, кто нас послал, до нее доберутся. И это будет не формальные, а реальные обвинения, и смерть после лишения силы. Если она тут с сороковых живет, то едва ли ее тело ритуал полного ограничения в магии переживет. Так что, как ни крути, ей невыгодно нас на плаху вести. Жаль только, что в наших доступных через эти компьютеры данных нет ничего ни о каком ритуале колдунов в шахтах, и никак не подготовишься к тому,

что там найти можно. Я проглядел немного, пока мы еду ждали.

— Ничего нет... — Саша тяжело вздохнула, — не лучшая новость. Подбросим монетку?

Сашина интуиция молчала. Оба пути казались правильными, на самом деле. Она не сомневалась, что может встать из-за стола прямо сейчас, сесть на такси, доехать до Тырнауза и положить на Отражение, доставая эту оборотницу из-под земли. Сила бурлила в крови, и сомнений в том, что это удастся, не было.

Но Мика был прав. Такое начало знакомства едва ли бы привело к чему-то продуктивному. Они ведь не арестовывать преступника шли, а искать потенциального союзника и узнавать сведения о подозреваемой, еще и не просто о том, где Светлана прячется, а, по-хорошему, о том, как она связана с Пауком. И, опять же, Саша чувствовала, что могла бы просто узнать все, что знала Алена, кем бы она не была. Взять и отобрать, забрать, присвоить. Или обмануть, очаровать, сломать природную защиту, привлечь зверя, затмить разум силой...

Но чем тогда она сама тогда будет лучше Паука?

— Можно и без монетки, — качает головой Мика. — Я не силен в анализе вероятностей, но сам ритуал провести могу, если силой поделишься. Давай только подальше от города, не хочу лишний раз внимание привлекать.

— Можем пешком пойти вот на ту гору, — Саша указала себе за плечо, — спешить некуда. Время у нас есть.

— Есть, — Миклош кивает, — есть идеи, куда пойдём? Или просто на север?

Саша кивает. Она как узнала, что надо будет поехать в Приэльбрусье, постаралась ознакомиться хотя бы с небольшой частью информации и о Тырнаузе, и о Терсколе в интернете.

— Тут вроде как озеро красивое есть. За пару часов дойдем, наверное. А если и нет, все равно достаточно далеко будет.

— Хорошо. Ритуал не энергоёмкий, так что в любом случае расстояния будет достаточно чтобы нас не учуял никто. Даже если здесь кроме Гульяз и той второй волшебницы больше никто не живет все равно не стоит о себе заявлять. Да и Отражение здесь может испортить все.

На удивление пешком идти не приходится. Стоит определиться с точным маршрутом к озеру и свернуть на нужную дорогу, как на выходе из города их идущих по обочине догоняет непрезентабельно выглядящая Нива, за рулем которых сидит немолодой местный житель явно не славянской наружности.

— Подвести, туристы? — говорит он с акцентом, приспустив стекло.

Саша с Миклошем переглядываются. Наверное, выражение их лиц слишком испуганное, потому мужчина только рукой машет.

— Садитесь, не бойтесь. Это ж не Москва вам какая-нибудь, здесь если по пути — то почему не подбросить. А потом расскажете, какие люди у нас хорошие, — водитель чуть улыбается, — вам куда? К озеру?

Саша несмело кивает.

— Садитесь, мне как раз в том же направлении, высажу вас с восточной стороны, там красивее всех, а дальше пешком, уж не обессудьте, я не проеду. Залезайте.

Угрозы Саша не чувствует, а потому кивает.

В машине, которая, вполне возможно, существовала еще до ее, Александры Неродовой, рождения, накурено и пахнет почему-то специями.

— Лица у вас перепуганные, молодежь, сразу видно, что туристы. Даже без рюкзаков больших за спиной. У нас народ хороший, все знают, что в чужую машину без страха сесть можно. А в городах ведь не так, совсем не так. Вы вот откуда?

Нива вырулила на грунтовку, и трясоти стало ощутимо больше.

— Из Краснодара, — врать Саше не хочется. Хотя и ситуация все же не рядовая.

Миклош молчит, но Саша чувствует от него осязаемое напряжение. Кажется, напарник во все глаза следит за водителем и за всем вокруг в Отражении. Хотя когда Саша встречается с парнем взглядом, тот только коротко качает головой.

— Из Краснодара. Это где-то у моря?

— Нет. До моря час ехать. Но рядом есть водохранилище, хотя там мало кто купается. И не так красиво, как здесь.

— Ну, как здесь вы нигде не найдете. Наши горы самые красивые не только в России, не только в бывшем Союзе, но и во всем мире. Нигде таких не найти. А старый Айдар много где побывал, — мужчина потянулся за сигаретой, придерживая руль одной рукой, — много где поездил, в какие только шахты не лазил. Работа такая была. Потом осел в Москве, семью завел, но горы позвали обратно. Приехал сюда, на комбинат, пока он работал еще, и влюбился в эти места. Вы кстати как приехали — просто за фото, репортажи свои блогерские снимать или еще что?

Саша чуть пожала плечами.

— Никогда не была здесь. Мы вообще хотели на Эльбрус посмотреть, но остановились в Тырнаузе на денек-другой, по окрестностям походить.

— Просто любопытствующие. Добро, добро. Я тут в мае этих, журналистов компьютерных, в шахты водил. Снимали что-то про комбинат, про историю этих мест. Экскурсию, так сказать, проводил. Вы не думайте, я не навязываю свои услуги. Но если захотите, то могу номер дать, позвоните как решитесь. Я тут неподалеку домик на старость лет купил, все-таки горы это мое, не города. Горы и только горы. Так что если надумаете — покажу все, расскажу. Я не из молодежи, что там в темноте козлами горными скачет, но без ложной скромности скажу — я под землей здесь все знаю, пока техникой безопасности на комбинате занимался — все облазил, каждый уголок. Может пойдем и побыстро, но зато лучше вам штольни никто не покажет. А там глядишь, кто от вас что услышит, от ваших друзей — может и вернутся-то сюда люди, воспрянет производство, будет Тырнауз, как и раньше, богат и прекрасен. Ладно, молодежь, — мужчина останавливается, — вот телефон, визиток новомодных нет, не сердчайте. Но как есть. В общем тут дорога от озера идет, вам если на смотровую площадку надо ради красивого вида — направо и вверх, если к пляжу выйти — то налево и вниз. Только если купаться решите, то воду не глотайте. Удачного отдыха и, надеюсь, до новой встречи.

Саша улыбнулась, выбираясь из автомобиля. Миклош выглядел задумчивым, но протянутый Айдором лист с номером все-таки взял.

Озеро действительно было красивым. С пригорка открывался поистине прекрасный вид. Горы, далекие и близкие, яркая зелень и нереальные, манящие, приятные и словно нездешние краски играли на озерной глади. Саша оглядывалась вокруг, медленно вдыхая чистый воздух и наслаждаясь тишиной.

— Словно Отражение в реальности, — пробормотал Миклош.

— Что?

— Озеро. И не только.

— Похоже, — Саша задумалась о необычном цвете воды, словно бы чуть-чуть более глубоко, чем положено было быть нормальному цвету, — что-то есть. А не только — это про что? Ты про водителя? Думаешь, с ним что-то не так?

Миклош только качает головой.

— Он человек, насколько я смог понять. Просто какой-то очень уж яркий в Отражении.

— Яркий? Это как?

— Я тебе не объясню. Это не про ауру или что-нибудь такое, это я так мир вижу. Просто есть яркие. Дети чаще всего. Но и взрослые бывают — как ты или Леса. Ну на деле наставник тоже, просто редко. Это просто ощущение. Но они маги, а этот просто человек.

— Думаешь, он опасен?

— Мне так не показалось, — Миклош все еще кажется задумчивым, — нет, не думаю. Просто странный.

— Я ничего не заметила. Но мы удачно его встретили.

Миклош чуть улыбнулся.

— Это нормально, что ты не заметила.

— Сила — это еще не все... — с досадой бормочет Саша.

— Да нет. Не в силе дело. Мы просто все мир по разном видим. Ну, скажем, если мы оба будем сидеть в ресторане, и войдет человек, мы посмотрим на разные вещи и составим два разных о нем представления. Вот и все. Отражение в этом плане похоже — есть общие критерии, которые для всех одинаковые. Как все в обычном мире видят — мужчина или женщина, или пальто красное или белое. Но многое из остального — только ассоциации. Вот ты что чувствовала? Ну кроме неловкости от чужого транспорта.

Саша задумалась, склонив голову.

Озеро внизу притягивало взгляд.

— Он показался мне... Светлым и усталым. Знаешь, как с плаката времен СССР.

— Не знаю ничего про плакаты. Но поверю. Это и есть ассоциация. Ты чувствовала неловкость и раздумывала о том, что его предложение не может быть простым совпадением, потому больше и не поняла. Это нормально.

— Но ты думал об ином.

— Насчет самой поездке в чужой машине я был не в восторге, а насчет встречи... Саша, мы — маги. На нас с тобой еще и вероятностные амулеты. Разумеется, когда мы чего-то хотим, особенно ты с твоей силой, то Грань откликается. Не всегда, не везде — но откликается. Честно говоря, я не уверен, что нам теперь нужен ритуал. Кажется, путь уже указан.

— Может все-таки стоит...

— Ладно, давай. Подожди только несколько минут, пока я не нарисую фигуру. Она простая и сама разрушающаяся, но концентрироваться все равно с ней проще.

Саша ставит отведение внимания, как только понимает, что Миклош, не слишком беспокоясь хоть о чем-нибудь, принимается просто ножом вычерчивать какие-то знаки прямо на земле под их ногами, разве что траву чуть-чуть проредив.

— И ты так просто...

— А что тут сложного? Мы лишь посмотреть хотим на пару вариантов. Это ж не с шаром работа, не отслеживание никакое, про взаимодействие я вообще молчу. То, что я рисую, просто фокусировка, так-то вероятностная работа трансовая и на внутренний мир, не на внешний. Так вообще-то все эти способы вроде карт, чайнок, кофе и прочего — просто

фокусировка. Концентрация на чем-то, чтобы мысли не мешали. Мне проще использовать фигуру. Но, если ты не возражаешь, мы с тобой настроимся друг на друга, и силу я твою использую. Не знаю почему, но у меня самого какая-то непереносимость любых прорицательских ритуалов, даже слабых, откат после них такой, словно под полк пьяных гусар верховых попал. Индивидуальные особенности, что б их. Запомнить могу не только фигуры, но и любые описания, даже если видел хоть раз. Концентрация — не проблема. Но прорицание не дается, хоть ты тресни.

Саша кивает. Мика тем временем почти заканчивает пару вписанных друг в друга многоугольников.

— Что мне делать?

Миклош чуть улыбается.

— Расслабься. Сесть напротив меня. И доверься. Мы будем идти в ритуал оба и по идее оба должны ощутить отклик Отражения. Ответ. Просто держи в голове вопрос, можешь образами, можешь словами. Только сразу предупреждаю — конкретный вопрос. Именно этот. Искушение есть спрашивать и спрашивать про все на свете, но поверь, сейчас лучше цели придерживаться, тем более, что в таких делах чем конкретнее вопрос, тем четче и достовернее ответ.

— Да знаю я. Училась как-никак.

Мика кивает.

— Я понимаю. Но в мое время любили такие ритуалы чуть ли не по каждому чиху проводить, то бывает и бога приплетали. А потом просто шагу не могли ступить без консультации с постоянно меняющимися вероятностями, так бывало и вообще теряли себя среди призрачных образов. С моего потока девушка была, увлеклась так, что ее даже Новгородский едва смог до конца в себя привести, и то она после очень изменилась. Опасное это, Саша, искушение. Будущее переменчиво, и желая видеть его отражения мы можем стать пленниками обмана и иллюзий.

Миклош говорил серьезно, и надежды Саша на возможность получить ответы на некоторые вопросы начала таять.

— Я вижу твое разочарование, — мягко улыбается Мика, — и я его понимаю. Думаешь, если можно было бы, мы не использовали бы прикосновение к вероятностям в более серьезных делах? Не искали бы так убийц, Пауков всяких, не предотвращали бы зло? Будущее переменчиво, его присутствие в настоящем мимолетно, и даже сейчас я не могу гарантировать что мы получим точно достоверный результат. Просто коль оба варианта наших дальнейших действий на этой земле по-своему привлекательны, то пусть будет что-то чуть надежнее монетки.

Саша чуть улыбается.

— Хорошо. Я понимаю.

— Обещаешь, что не будешь увлекаться прорицанием вероятностей?

Мика так серьезен... На несколько мгновений Саша чувствует, как в душе поднимается злость. На деле — кто он такой, что бы ее ограничивать? Но в голосе парня скользит... беспокойство? И не только в голосе, но и в Отражении.

— Хорошо. Общью.

Мика кивает.

— То что стало с той девушкой... В общем, это правда не лучший удел. Ладно. Сейчас просто протяни ко мне руку и не сопротивляйся моему воздействию. Это похоже на ведение

по плетению, но чуть иное. И помни: прорицание не приносит вред, его опасность лишь в нашем разуме. Просто держи образы вопросов в голове.

Саша кивает, протягивая руку.

Второй раз доверять все так же сложно. Но силе Миклоша проще уступить, позволить течь вокруг, касаться разума...

На секунду мир вокруг словно исчезает. Вместо до того удерживаемых в разуме образов далекого Терскола и простой силы для поиска оборотницы с одной стороны и Гульназ с ее предложением с другой стороны Саша видит лишь темноту, чувствует телом скованность, слышит капли воды и, кажется, ощущает что-то отдаленно знакомое, но измененное до неузнаваемости. На одно мгновение. А потом в один миг все исчезает, и она моргает слезящимися глазами, понимая, что все это время смотрела сидящему напротив Миклошу куда-то в центр лба.

— Ты что-то видела? — голос парня был немного хрипловат.

Биение магии вокруг медленно стихала.

— Пещера, кажется. И капли воды. А ты?

— И я видел нечто похожее.

Саша смотрит на нереальный, неестественный цвет озера невдалеке. Мика увидел в нем что-то похожее на то, что есть в Отражении... Она сейчас ощутила что-то знакомое, но что именно? И было ли это важным?

— Значит, надо будет позвонить этому Айдару, — подводит итог Саша. — Может обратно подвезет, как будущих клиентов.

— Было бы неплохо, — усмехается Миклош, — было бы неплохо.

Саше кажется, что на секунду парень уходит в себя, словно пытаясь что-то вспомнить, но потом только качает головой.

— Мне казалось, я ощутил что-то непонятное в ритуале, — Мика ощутил ее внимание, — но никак не пойму, что.

— Я тоже что-то ощутила, и тоже не знаю что именно, — Саша не удивилась тому, что Мика увидел похожие образы. Значит, это было важно. Но понять о чем была речь все равно не удавалось.

Миклош только пожал плечами.

— Что ж тем интереснее. Тем интереснее. Путь определен, посмотрим, куда он приведет.

Саша невольно улыбается, вновь оглядываясь по сторонам на озеро. Плевать на эти непонятности в ритуале, хотя бы ради прекрасного вида стоило прийти сюда.

Утро началось со стука. Не в дверь номера, а совсем рядом, по дверному косяку. Саша осмысливала этот факт, вскакивая с кровати и выкидывая в незваного гостя оглушение, заученное до автоматизма.

— Что ж, довольно оригинальное пожелание доброго утра, — у двери обнаруживается Карина, скептически разглядывающая наполовину запутавшуюся в простыне Сашу, — но сойдет. Вы оба долго спите, а у меня мало времени. Идем.

Саша моргнула.

Какого черта Карина здесь делала? Они говорили вчера с Серафимом по видеоконференции о походе в шахты. Мага, кажется, эта идея не обрадовала, но все же он согласился со всеми доводами, призывая к осторожности, и только. Ни о чем приезде речь не шла.

Саша выпуталась из простыни, аккуратно, но прицельно ощупывая Отражение вокруг. Под личиной Карины мог быть кто угодно. Просто так доверять не следовало. Если это...

— Осторожность неплоха сама по себе, — усмехается волшебница. — Иногда она похожа на недоверие, а недоверие без причины может быть оскорбительным. Но с учетом ситуации я оскорбляться не буду. Хотя на будущее — не напрягайся так, рассматривая кого-либо. В лоб ничего не найдешь, а только дашь знать о том, что делаешь. Прислушивайся к своим реакциям, к своим ощущениям от общения и иных взаимодействий. Доверяй тому, что чувствуешь, а не тому, что видишь.

Саша отводит взгляд. Это не ответ, на самом деле.

Какого черта Карина здесь?

Подозрительно...

— А еще стоит отличать свои домыслы от проблесков интуиции. На деле я здесь ненадолго, но мне проще говорить в реальном мире, а не с вашими устройствами, да и было по пути. Напротив вашей развалюхи я видела что-то, откуда пахло кофе. Идем туда, твой напарник ждет внизу.

Это не развеяло подозрений.

— Идем. Или я расскажу Серафиму, по чьей вине ему пришлось три отчета переписать, которые куда-то исчезли с заполненных листов.

Саша прищурилась, унимая бешено колотящееся от столь неожиданного пробуждения и визита сердце. Это мало кто знал...

— Расслабься наконец, — отмахивается Карина, — к твоему сведению, людей, способных воспользоваться моим обликом, в мире можно по пальцам одной руки пересчитать, и каждый из них уже сделал с тобой все бы, что хотел. Через минуту жду на выходе из этого гостевого дома. Без опозданий.

Минута — это вполне достаточно. Да и спала Саша в этом месте одетой. Мало ли что. Мало ли кто.

К тому же Тырнауз действовал на нервы. Она словно постоянно чувствовала это гнетущее ощущение разбитых надежд и стремлений, словно призрак могучего великана, некогда способного двигать горы, а теперь разбитого, сломленного и недвижимого. Проходило это только при взгляде не горы. И то ненадолго. Сны ей снились муторные, и пробуждение было под стать. Сегодня не было утренней неги, но в этом городе все равно не

хотелось расслаблено лежать в постеле. Пора было действовать. Окружающий серостью мир не давал расслабиться, и теперь легко было ощутить жажду сделать что-то. Хотя что-нибудь. Сделать — и убраться отсюда, желательно навсегда.

На выходе из гостиницы и правда обнаружился Миклош. Взъерошенный и тоже несколько напряженный. Но, увидев Сашу, напарник успокоился.

— Доброе утро, — Саша попробовала улыбнуться.

Миклош тоже. Вышло криво. Не то из-за раннего часа, не той из-за всей ситуации. На напарника город давил не меньше, чем на нее саму.

— Ну уж, детишки, потом будете жаловаться на недосмотренные сны в этой паскудной дыре, — усмехается стоящая неподалеку Карина, стряхивая пепел с сигареты, — идем.

Она кивком головы указывает на кафе неподалеку. Несмотря на то что рассвет над горами едва появился, это место уже работает. Хотя Саша не удивилась бы, узнай, что открыли тут все ради одной только Карины. Тем более что за дальним столиком уже стоят три чашки кофе и целая тарелка с хычинами.

Карина, садясь за стол, без единого движения или жеста возводит вокруг купол защиты. Невидимой, неосязаемой, но стоит Саше попробовать прикоснуться к едва, на самой границе разума изменившемуся Отражению, как по вискам пробегает боль.

— Вот куда лезешь? — Карина поднимает бровь. — И, самое главное, — зачем?

Саша отводит глаза.

— Любопытство.

— Губит котов, мотыльков и неразумных детей, — отрезает Карина.

Хотя боль в голове тут же исчезает.

— Не лезь без необходимости, особенно если не знаешь, о чем речь идет.

Саша несколько пристыженно кивает.

— А ты, переселенец, не ешь меня взглядом. То, что вас не предупредили, не значит, что я тут с камнем за пазухой.

— Прошу прощения.

Карина только кивает.

— Ешьте, пейте и слушайте.

Волшебница за пару укусов съела целый хычин, почти не жуя, и продолжила:

— Готовят тут, кстати, неплохо. Итак, давайте не тянуть кота ни за что, как у вас говорят. Я здесь из-за нескольких вещей. Первое и основное, — она выкладывает на стол два одинаковых браслета из чего-то, похожего на тонкую медь.

Саша прищуривается. В Отражении украшения кажутся инертными. Но лишь кажутся — на грани сознания она ощущает скрытую в них силу. Миклош же смотрит на браслеты с вопросом.

— Носить и не снимать. Вероятности — это прекрасно, но с этим вы хотя бы можете быть уверенными, что ваш разум останется вашим, что бы ни происходило. И почувствовать любое давление извне. Знаю, что вам много и долго рассказывали о том, что ментальная магия сама по себе ощущается тем, на кого ее применяют, и все остальное. Все — правда, но лишние щиты лишними не бывают.

Саша переглядывается с Миклошем.

— Берите. Я надеюсь, у вас хватит разума не сменять это на горстку медняков. Большинство чародеев не сможет обнаружить такие амулеты, но те, кто смогут, никак не смогут снять их, так что вы будете уязвимы только если сами решите отказаться от этой

защиты.

После короткого колебания Саша протягивает руку к браслету. Несмотря на тревогу, порожденную странным появлением волшебницы, никакого подвоха она не ощущает. Но все же осторожно адресует вопрос Серафиму.

В ответ приходит только смешок.

Я предупреждал Кару, что так и будет. Бери, не бойся. Она все объяснит.

— Я не знаю, хорошо ли ваше недоверие или нет, — усмехается волшебница, — но в целом для меня нет разницы. Берите. Благодарности не требую.

Саша прикасается к браслету. Чуть теплый — и только. Она несмело берет его в руки, одевает на левое запястье... И в тот же момент руку прошивает чудовищная боль. Саша не успевает дернуться, как муть перед глазами рассеивается, и вместо браслета на запястье теперь оказывается повторяющая его обводы татуировка. Черная и сейчас чуть покрасневшая по краям.

— Такое сложно на что-то сменять, — чуть шокированного говорит Саша.

Карина усмехается.

— Это не оковы, так что при желании можете обратиться к браслету и удалить его. Но делать этого не советую. Не потому что будет больно. На деле — неприятно, но терпимо. Просто тогда останетесь без всякой защиты.

— Без защиты от чего? — в голосе Миклоша проскальзывала разом и настороженность, и недавняя боль. Его браслет также стал лишь узором на коже.

— Не от чего, а от кого. Собственно, переходим ко второй части того, зачем я здесь. Держите, — Карина извлекла словно бы из воздуха небольшую черно-белую фотокарточку и кладет ее перед Сашей и Миклошем.

На фото изображена немолодая женщина с морщинами по всему лицу, с тонкими редкими волосами и угрюмым взглядом. Худая, она кажется словно бы изнеможенной сверх меры, походя в чем-то разом на узника концлагеря и на Бабу-ягу из ночных кошмаров впечатлительных читателей русских сказок.

— Ее зовут Стефания. И вы оба заочно знакомы с этой прекрасной особой.

Саша переводит глаза на безмятежно попивающую кофе Карину.

— Правда, говорили вы с ней вовсе не в ее настоящем теле.

Саша сглатывает.

— Паук... Это она?

— Паук. А мне нравится, на самом деле, очень подходит ей. Куда больше, чем настоящее имя. Да, это она. Я некоторое время выясняла, кто из моих прекрасных сестричек замешан в происходящем сейчас безобразии, и наконец выясняла. Хочу поделиться с вами сама, а то Серафим заберет себе лавры. Да и не стоит такие дела доверять даже вашей ученической связи. Всякое бывает. И портрет лучше оставьте у себя. Стеф его страсть как не любит, отдельная история была с тем, как он вообще появился. Не поможет отбиться от ее загребущих лап, так хоть позлите, показывая это, — Карина откровенно улыбалась. — Заставить ее запечатлеть себя в истинном теле мало кому удавалось. И тем не менее. Что бы сестренка не задумала, в финале она окажется в истинном теле, не сомневайтесь. Как и в том, что она при этом не будет маскироваться.

— Почему?

Карина вновь улыбается.

— На меня и моих сестер не действуют подобные чары. Точнее, действуют, но при этом

В Отражении всегда видно настоящий облик, так что применять их нет смысла, разве что против людей. И те чувствуют подвох и все равно бегут прочь или, по крайней мере, держатся настороженно. Думаю, это основная причина, почему сестренка пользуется чужими телами. Ну и вторая причина любви к марионеткам — ее собственная физическая оболочка уже века четыре подтачивается одним мерзким проклятием. Не снимаемым, даже для нее. Один благородный рыцарь постарался на смертном одре.

Саша вглядывается в сморщенное лицо с резкими чертами. Отталкивающее и в то же время... Знакомое?

— Узнаешь?

Саша только пожимает плечами.

Карина усмехается.

— Уверена, ты ее видела. Наверняка. Стеф тщеславна, и она, думаю, не отказала себе в слабость взглянуть на тебя собственными глазами. На вас обоих, думаю.

— И вы... — начинает было Миклош.

— Ты, — отмахивается Карина, — если ты про меня конечно, а не про нас с этой красоткой на пару.

— Ты... Зачем ты говоришь это нам? Если она...

— Моя сестра? — Карина делает неопределенное движение головой, — во-первых потому, что сестренка она мне не кровная, а по давным-давно павшему кругу, и если мы встретимся лицом к лицу, то выживет только одна. И я поставлю на себя все-таки. А во-вторых — потому, что думаю я, и не только я, что Стеф хочет не просто носить чужие тела, а совершить, красавец Миклош, переезд окончательный по твоему примеру. И коль я распинаюсь перед вами, то угадайте, кого она выбрала.

Саша сглатывает и поднимает вопросительный взгляд на волшебницу.

Карина только кивает.

— На деле я уверена, что это лишь часть плана. Но в том, что моя тщеславная сестричка хочет убить двух зайцев, разом и разобраться с проклятием, и получить новое, полное силы тело, я уверена. По крайней мере, я очень удивлюсь, если она не решит это сделать. Очень. А удивлялась я в последний раз тогда, когда ваша страна не то что не существовала, а даже о Киеве никто не слышал. А это было давно. Очень давно.

Саша поражено смотрит на волшебницу. Она понимала конечно, что той, что учила Серафима, должно быть много лет, но чтобы настолько...

— Расслабьтесь, детишки. Я вроде своему ученику сумела втолковать, что серьезность с годами только мешает, думаю и вас он этому научит рано или поздно. Так что не переживайте о разнице в прожитом, просто слушайте, что я говорю. В общем, я к тому, что Стефанию я знаю давно. Очень давно, и кое-что могу предсказать. Думаю, ее цель не только в том чтобы поживиться новым телом. Но, уверена, она захочет сделать его своим. По-настоящему своим. Так нельзя с теми, что она одалживает без ведома хозяев. И предупреждая вопрос — при обычном Наложении, конечно, можно избавиться от собственного тела и жить в захваченном, переселиться в марионетку. Но вы помните амулеты, что выдавал вам Новгородский перед Пензой. Не слишком сложная штука. Одно применение — и Наложение распадается, а захватчик отправляется вон из чужого тела. Если при этом его собственное мертво, то тогда сознание такого менталиста просто растворяется в Отражении. Умирает. Стеф многие годы борется с проклятием, и, видимо, она решилась на радикальные меры. Ну и мне насолить в процессе, дотянувшись до ученика моего ученика.

Она всегда была терпелива. Паук... Действительно, самый настоящий паук. Ее планы всегда были сложными, так что я не знаю точно, как именно она разыграет свою партию. Но вы, господа, просто помните, что вы сами хозяева своей судьбы. Амулеты защитят ваш разум, а то сестренка любит нашептывать всякое, с чем многие щиты и не справиться могут. Пока Стеф не появляется на сцене. Выжидает. И будет ждать, пока ее хвост не прижмут. Ты, мотылек, сильна, — Карина одаривает Сашу довольно мягким взглядом, чуть подмигивая, — . просто констатация факта. Два менгира дали тебе энергии больше, чем даже Стеф способна использовать со всем своим опытом. Но все же лучше не доводить до драки на ее условиях. Позови меня, или наставника, или кого-то еще, хоть своих гениев-знакомых, иначе сила может и не помочь. Стеф выйдет на сцену в самом конце, для начала надо будет разобраться с ее марионетками. Вы этим занимаетесь — и занимайтесь дальше. Она не будет нападать внезапно, совершенно точно. Просто смотрите в оба. Ладно, мне нравится тут кухня и не нравится кофе, но как бы то ни было — пора идти. Есть пара идей, как достать сестренку без большой крови, и как облегчить вам жизнь.

Карина легким движением буквально растворила в воздухе несколько оставшихся на тарелке хычинов. Саше показалось, что тут речь шла вовсе не об уничтожении пищи.

Волшебница подмигнула.

— Возьму с собой и потом доем. Бывайте. Следите друг за другом и обращайтесь к Серафиму, он плохого не посоветует. Если, конечно, речь идет не о спиртном, в его выборе Ксандр совершенно бездарен, и мои педагогические таланты оказались бессильны. Ну и с музыкальным вкусом у него беда, но, как я смотрю, это черта всей нынешней молодежи. Все, работайте, господа, у вас есть свои задачи, вы идете на мой взгляд в правильном направлении — и идите в нем. Если решите посомневаться во всем этом, то напомним, что я редко проигрываю. Очень редко.

С этими словами Карина растворилась в воздухе, шагая в Отражение без малейшего напряжения. Как к себе домой.

Впрочем, если все было правдой... То, наверное, за все годы ее жизни Изнанка и правда должна была стать если не домом, то чем-то у очень привычным.

Саша провела пальцами по татуировке на запястье. На самой грани ощущений Отражения от этого, кажется, простого рисунка и правда расходились почти невидимые, но очень прочные нити магии. Саша и правда чувствовала защиту. Где-то на границе сознания словно бы держалась тончайшая пленка, по которой сейчас ползла окружающая безнадежность. Ползла — и не могла коснуться разума, разгоняя отвратительные ощущения, дарованные сном в этом пораженном безнадежностью месте. Или ощущения, соткавшиеся из ее собственных переживаний? Не разобрать.

Несмотря на все услышанное, на весь чудовищный план, в котором она была главным призом, мыслила Саша на удивление ясно. Было ли это магией Карины, побочным эффектом волшебницей защиты или чем-то еще иным, но сейчас понимание того, что кто-то древний и могущественный хочет занять ее тело, не приносило страха или отчаянья. Просто что-то стало чуть понятнее.

Миклош задумчиво смотрит на фотографию. Потом поднимает глаза на Сашу.

— Что думаешь?

Враг обрел плоть, имя и лицо. Знаешь, мне это нравится, — признается больше сама себе Саша. — А что касательно планов... Разберемся. Лучше, чем неведение. И, думаю, с браслетами мы точно можем отравиться в тоннели. Что бы там нас не ждало — силы хватит

для сражения, и теперь и в собственной защите сомневаться не приходится.

Миклош кивает. И начинает набирать номер Айдара.

— Пора подтвердить свое согласие на экскурсию. И сделать ритуал поиска этого кольца.

Саша кивает.

— Справимся.

— Непременно.

— У этих шахт богатая история, — пробормотала Саша себе под нос, поднимаясь к давным-давно заброшенному проходу, из которого, казалось, к ней тянулась непроглядная тьма.

Она за пару часов, прошедших с момента наскоро проведенного ритуала поиска до встречи с проводником успела кое-что прочитать, ругаясь на скверно работающую связь, про место, куда они собирались лезть втроем с действительно несколько странным Айдаром, так удачно вчера подвозившим их к озеру.

Поиск зацепил кольцо. Увы, нормального пути к нему не было, кратчайшую дорогу можно было характеризовать как «внутри горы на сотни метров», и Саша просто старалась удерживать для себя примерное направление. Более того, сегодняшняя экскурсия едва ли бы принесла плоды. Только если бы им ну очень бы повезло. Скорее это была возможность самим все увидеть и запомнить, и позже наведаться сюда без человека-проводящего.

И все равно, хотя речь и шла о, по сути, обзорной экскурсии, было несколько не по себе. Под землей Саша до того не была никогда, если не считать одной старой школьной экскурсии в Лаго-Наки. И то там той пещеры было...

Они с Миклошем были магами и в теории могли просто сбежать через Отражение к нужному месту даже из-под земли. Более того, Саша специально сделала пару ориентиров, один из которых оставила в гостинице, а второй намеривалась бросить у выхода из горы. Так, на всякий случай. Сила — силой, Мика вон, кажется, был убежден, что если надо, то она гору обрушит и новый путь на поверхность на одной силе создаст. Саша его восторгов не разделяла, хотя и конкретных поводов для переживаний у нее не было. Наставник вон тоже в восторге от их идеи не был, но все же добро дал, наказав быть внимательнее. Даже Карина, кажется, не считала их намечающийся поход под землю ошибкой. По крайней мере, волшебница ничего об этом не говорила.

Да и Сашина собственная интуиция молчала. Но все же сама необычность мероприятия несколько нервировала. Одно дело — далекие планы Паука, то есть Стефании. Даже при том что планы касались ее самой непосредственно... Сейчас это лишь планы. Где-то там.

А шахта — вот, рядом. Вход, к которому они подошли с Айдаром, не был отмечен ни на каких картах. В паре блогов, в которых Саше удалось найти фотографии и комбината, и штолен, тоже не было ничего похожего. Кажется — она не могла сказать наверняка. Только то, что пусть сюда от городка занял больше часа, и все это время они петляли по каким-то совершенно незнакомым дорогам в совершенно непонятной последовательности. Айдар не пояснял, куда именно они направляются, сказал только, что знает самый лучший и целый проход под землю, о котором никакой другой гид туристам не расскажет.

В голове крутилось, что именно так и начинаются все фильмы ужасов. Мика вроде как «Спуск» не смотрел, но все равно был несколько напряжен. Саша теперь понимала о какой «яркости» он говорил. Айдар действительно отличался от обычных людей в Отражении, но чем именно — ей так понять и не удалось. Может, просто романтик из касты ныне вымерших мечтателей, на чьи мысли Грань откликалась с рвением и любовью, а может быть и правда имел незавершенный потенциал. Такое иногда бывало, то только с магами. Обращенные всегда получали способности в момент Преломления, умирая и возвращаясь к нежизни нелюдьми. С волшебниками все было иначе. Совершенно иначе. Магом,

волшебником, чародеем, чароплетом, оммедзикак не назови — все едино, можно было только родиться. Способности магические были врожденной особенностью, пусть и без Становления оставшейся лишь потенциальной возможностью творить магии. Этим волшебники отличались от колдунов, ведь под последними подразумевали именно Обращенных, получивших урезанные способности магов и ставших зависимыми от своих сил и своего могущества. Именно колдуны раньше были теми, кого обвиняли в сговоре с дьяволом. Именно о них говорили, выясняя, кто приносил в жертву младенцев и не только, кто наводил порчу и творил все, что привычно подразумевать под «черной» магией.

Настоящие маги тоже все эти весьма мрачные вещи тоже могли. И многие другие. Несмотря на множество исследований, насколько Саше было известно, так и не удалось понять, почему у одних людей формируется полноценное магическое ядро, способное при должном толчке-Становлении и упражнениях черпать силу Грани и менять мир по воле и желанию владельца, а у других нет. Наследственность не играла никакой роли — у мага мог родиться ребенок-маг, а мог и не родиться. Какое-то время предполагалось, что шансы потомка-волшебника выше у пары чародеев, но все многочисленные исследования говорили о том, что если один из родителей или хотя бы родственников ребенка — маг, то его потенциал просто будет точно замечен. Но только в если он, этот потенциал, вообще будет. В других же случаях, без знакомого чародея, был немаленький шанс так никогда и не узнать о собственной сущности мага. Особенно в больших городах, где сотни тысяч людей просто проходят мимо каждый день. Но и маленький город или поселок мог не иметь никого из жителей-волшебников, так что и тут потенциал и там мог оказаться просто потенциалом. Саша слышала о таком, и не раз. Люди, слишком старые для того чтобы без последствий для разума изменить свое мировоззрения, или психически неуравновешенные, слишком нестабильные, которым можно было помочь в детстве, но Становить их во взрослом возрасте было поступком равным идее дать младенцу в руки пульт от атомной ракеты. Люди, прожившие жизнь и так и не попавшие в предназначенный им по рождению мир...

Саша могла стать одной из них. Вот тот же Бестужев ведь знал, кто она. Знал и никому не сказал. Серафим же, встретив потенциального мага, сразу предложил выбор. Хотя Саша знала, что такой обязанности не было, мог просто передать на контроль, как это сделала она сама с Хагом, встреченным на той игре, после приезда из Пензы наконец найдя его адрес и настоящее имя. Передала на контроль, и как его судьба сложится — решит Орден и случай.

В разных странах по-разному пытались проводить программы по поиску потенциальных магов. Обходили школы, институты, выделяли посты в больницах... Но на деле никто не мог охватить всех. Даже в Краснодаре... Это ведь не искать в толпе, скажем, рыжеволосых в летний зной, когда все без шапок ходят. Потенциал мог быть ощутим сразу, но чаще всего требовалось углубленное сканирование, которым ни один здравый волшебник не стал бы заниматься постоянно, рискуя заработать истощение и множество ментальных и эмоциональных проблем.

К тому же — были не выявленные потенциальные маги, а были люди с незавершенным потенциалом. Почти-маги, иногда даже ничего не зная о Грани выбиравшие карьеру экстрасенсов, синоптиков или трейдеров. Или просто жившие своей жизнью, отличаясь лишь чуть более качественно работающей интуицией. Люди, у которых было почти сформированное ядро. Почти. Раньше нередко даже проводили Становление в таком случае, в надежде, что соприкосновение с Гранью даст толчок и ядро доформируется. Иногда так и происходило, и появлялся слабый маг, но чаще за таким ритуалом следовала смерть, и

поэтому подобную практику прекратили.

Мог ли этот Айдар быть из таких людей, почти выигравших в лотерею Грани, но все-таки не ставших магами? Саша никогда не сталкивалась, никогда не видела ни у кого недосформированного ядра. Это, насколько она знала, считалось довольно большой редкостью. Хотя, быть может, эти странные ощущения были просто отражением какой-то необычной части характера мужчины, не присущей большинству людей? Впрочем, это могло быть и совершенно неважно.

За раздумьями Саша не заметила, как они наконец добрались по подмокшей от ночного дождя грунтовке к черному провалу входа в шахту.

— Богатая — не то слово, — Айдар, услышавший ее реплику, докуривает сигарету и на ходу тушит окурок ногой, — здесь столько всего добывали... На всю страну комбинат знаменит был. В девяностые выстоял, хотя и хирел, только к новому тысячелетию все окончательно заглохло. И потом чего только не было... И туристы тут пропадали, и боевиков пытались замуровать, только те все равно через свои проходы вылезли, и даже сектанты какие-то обосноваться пытались, правда хватило их на пару дней, потом пошли место поуютнее искать. Но не бойтесь, я свое дело знаю и вы со мной в полной безопасности. Фонарики взяли?

Саша кивает.

— Ну и отлично. Идем тогда, путь неблизкий, если все основные интересные вещи увидеть хотите, а вернуться лучше засветло.

Саша вздохнула про себя, и, оглянувшись напоследок на прекрасный пейзаж вокруг, направилась за проводником-экскурсоводом к входу в шахту. Миклош пошел следом. Саша до того никогда не была в настоящих шахтах. Миклош, казалось, тоже, судя по исходящему от него разом удивлению и восторгу. Впрочем, восторгаться тут было чем. Много раз виденные в кино и в компьютерных играх подземелья отличались от реальных примерно настолько же, насколько чихуахуа отличается от волка.

Увиденное не передавало ни холода, ни тесноты тоннеля, по которому уже много лет никто не ходил, а до того едва ли могли разминуться трое рабочих, ни странного, почти неуловимого ощущения разом торжества людского разума, изменившего твердую породу на метры вокруг, и бесконечного величия природы, чьи недра огромны и непостижимы, и все, что может в них человек — лишь прорыть крохотный путь для себе подобных, никак не покушаясь на все богатства не принадлежащего ему мира.

Саша довольно быстро потеряла счет поворотам и тоннелям, по которым их вел Айдар. В основном это были какие-то технические проходы, куда более узкие, чем те, по которым нужно было доставлять добытую породу, но, в отличие от последних, почти не подвергнувшиеся затоплению.

Что интересно — судя по Сашиним ощущениям, они медленно, не всегда прямым путем, но все же приближались к тому самому кольцу, потерянному Гульяз. Интересно. Хотя в целом логика, разумеется, тут была — если колдуны и правда проводили какие-то обряды или эксперименты в шахтах, то явно делали это во-первых не в узких тоннелях, а где-то пониже и попросторнее, и таких мест наверняка было немного, а во-вторых — как-то же до этих мест попросторнее они добрались. Если часть основных тоннелей обвалилась или оказалась затопленной, то, вполне возможно, шли те, кто решил использовать зачем-то шахты, именно здесь. Едва ли путей под землю было много.

— Вы еще перед входом сказали, что в этих шахтах было много всего, — Айдар

уверенно сворачивает вниз на небольшой развилке. Сейчас только его лампа да их собственные фонарики разгоняют тьму впереди и тьму позади, и это не придает уюта.

Конечно, они могли бы видеть и без света. По крайней мере, без яркого света. В полной темноте, увы, все равно пришлось бы полагаться на «чувство пространства», довольно сложноописуемое ощущение, тренируемое всеми магами и способное подарить неплохое представление об окружающем пространстве даже без единого проблеска свечи. В таком случае перед внутренним взором словно бы возникала картинка, целостное описание мира. Требовала такая техника немалой концентрации для того чтобы отличать реально поступающую информацию от фантазий и искажений, создаваемых эмоциями и воспоминаниями, и Саше давалось тяжело. Но все же варианты были, конечно.

Но все равно неуютно.

А еще Саше кажется, что в воздухе витает что-то совсем-совсем отдаленно знакомое. Но не о пещере же в Лаго-Наках она вспоминает? Хотя может и о них...

— Здесь много всякого было, — проводник сворачивает из их «технического» тоннеля на более широкий, явно использовавшийся для вывоза руды, — и плохого, и хорошего. Могу разное рассказать. И ужасы всякие, посмотрелся, поверьте. Кто вам расскажет, что работал в шахтах, где никогда завалов не было — не верьте. Никогда не верьте. Разное конечно бывает, бывает и так, что человек два десятка лет под землей отработает, и на его век не выпадет даже малюсенького обрушения не то что на смене — на всем производстве. И такие места бывают, словно под счастливой звездой. Но чтобы за все время — не верьте. И тут тоже такое было. Не в этой ветке, глубже и ниже, меня как раз после того случая пригласили на полную ставку. Я ведь предупреждал... Ну да ладно, зачем про ужасы говорить? Под землей и смешного немало, и поучительного. Вот, например, случай с Антоном Никитичевым. Ух парень был, чертенок еще тот. Попал по распределению, недовольничал все, приехал из Москвы весь такой важный... Не знаю уж, чем он там народ не устроил, что сюда сослали. Так вот — приехал сюда Никитичев как на каторгу, и каторгой ему работа и стала. Знаете, думаю и сейчас так же в любом коллективе — чем больше гвоздь выделяется, тем сильнее по нему бьют. И тут так же. А особенно у Ники, как его наши мужики прозвали, не ладилось с начальником. Тарас был такой здоровый мужик, вот прям как два меня. Местный, как и многие здесь. И ему много что в Нике поперек горла было — и говор его, и вещи, и родственники, и рассказы о метро да о Кремле. Ладно хоть оба русские было, а то не знаю, чем все кончилось. Тарас Никитичева гнобил и так, и сяк, и Ника месть задумал. Достал он, я уже не знаю где, краску такую, которыми елочные шарики раньше расписывали. Может, видели вы где такую, что светится в темноте. Видать кто из родственников на производстве работал, или выменяла на что. Обмазал Антон этой краской одежду рабочую, которую отдельный комплект нашел себе, и однажды извернулся так, что подловил в туннелях Тараса в туннелях, когда тот в одиночестве обход делал. Антон тут все как свои пять пальцев знал, и без света ходил. В светящейся робе. В общем, когда нашли бригадира, шганы замочившего, тот от страха едва слово мог вымолвить. Уволился в тот же день, и, говорят, под землю больше никогда не спускался. А Антон отработал срок распределения, да по связям своим вернулся в Москву, только все это время никто и не пытался ничего ему поперек сказать. Вот такая вот история приключилась среди взрослых мужчин, прям как в книгах заграничных. Только не поверит никто, что шахтеры таким заниматься будут. И такое сейчас и не интересуется туристов, все спрашивают про боевиков, призраков да сектантов, или еще чего пострашнее. Кино своего посмотрят, новостей послушают, и потом ищут всего

такого вокруг. А вы посмотрите сюда. Смотрите.

Айдар поднял фонарь так, чтобы он освещал боковой проход. Почти полностью заваленный, он явно не пользовался популярностью среди шахтеров даже когда выработка тут еще проводилась. Подойдя ближе, Саша поняла, что показывал им проводник.

За узким входом, в который едва мог протиснуться человек, был тупик — в шахте. Но в тупике, который, судя по всему, просто не стали разрывать дальше, были видны глубокие трещины в человеческий рост. И через одну из них можно было увидеть естественную пещеру, покрытую сталактитами и сталагмитами самых разных форм и размеров, которые причудливыми гроздьями свисали с потолка и торчали из пола, словно диковинные зубы диковинного, но совсем не страшного, зверя.

— Вот она — красота земли. А все — боевики, секты, — Айдар усмехнулся, — но могу и про это рассказать. Всех блогеров интересует. В пещеру эту прекрасную скоро попадем, тут иной путь есть. Когда наткнулись при расширении производства на нее, сначала решили разведать, провели технический тоннель, но в итоге так и не стали дальше копать, решили — перспектив нет. И правильно, а то только бы попортили все. Ладно, идем, нам надо будет небольшой крюк сделать — и будем в пещере. Идем.

Айдар развернулся, протиснулся обратно сквозь полузасыпанный лаз и вывел их на основной туннель.

— Сейчас свернем направо и по техническому пойдём, — пояснил проводник, указывая кивком головы нужный маршрут.

На деле идти оказалось не так и далеко. И при этом, — Саша это чувствовала, — кольцо все приближалось и приближалось.

— Вы — вперед, — Айдар указал на особенно узкий участок прохода, — здесь все для пары худых исследователей делали, сэкономили, так что протискивайтесь, а я подтолкну, если что. Всякое бывает, а толкать проще, чем тянуть.

Саша усмехнулась. Хотя на деле звучало это вполне логично.

Шершавый камень царапал руки и ноги, и осталось только радоваться тому, что ткань штанов выдержала, не допустив конфуза.

— Кстати, об историях, — раздался из-за их спин голос Айдара, — именно в этой пещере и пыталась поселиться секта.

— Я могу их понять, — шедший первым Миклош поводил вокруг фонариком, рассматривая действительно большую и действительно красивую пещеру. Кажется, она уходила на многие метры вперед, то расширяясь, то сужаясь, при том удивительно контрастируя с до того почти идеально ровными сводами технических и основных шахтных тоннелей. — Здесь так и тянет остаться, изучить эту красоту.

Ответом ей служит лишь тишина.

Саша переглядывается с Миклошем. И светит фонариком в сторону только что преодоленного лаза, на другой стороне которого никого больше нет. Вообще никого. При том что удаляющихся шагов никто из них не слышал.

— Я сошла с ума?

— Тогда уж мы оба. Я вижу то же самое, что и ты, — тихо, но напряженно говорит Миклош, стоящий совсем рядом.

Саша чуть по-детски вцепляется ему в плечо, словно боясь, что и он исчезнет.

Никакой магии. Вообще ничего. Но сейчас она ощущала, что на многие метры вокруг нет никого. Вообще никого.

Саша сглатывает, чувствуя, как сердце начинает биться у горла. Они одни под землей. На километры вокруг никого. Проводник исчез.

— Мы — маги, — Миклош кажется довольно спокойным в нынешней ситуации. Парень ловит ее напряженный взгляд и поясняет: — я ждал чего-то подобного. Хотя кто с нами был и чего хотел — не знаю. Правда не знаю. Просто так похоже было на парк аттракционов. Тот, где мы с тобой катались на колесе обозрения.

Муза? Саша прикрывает глаза. И почти сразу чувствует легкий смех.

Я не одна живу в мире. И не только гении и маги в нем есть. Есть много кто еще. И есть и те, кто страдает, так и не оказавшись ни на той, ни на другой стороне. Не стоит продлевать эти страдания.

Саша моргает, наконец понимая, что она чувствовала все это время рядом с Айдаром. Чуть-чуть похоже, на деле. Лишь чуть-чуть. Именно то же странное, едва уловимое, почти незаметное тогда, но осязаемое сейчас чувство было в моменты, когда Саша говорила с Женей. Тем самым нелюдимым Женей, который на деле был одной из ипостасей скиа, тени, переродившегося в посмертии мага.

Хотя сейчас, в отличие от того времени, Саша очень хорошо чувствует связь с наставником. Несколько искаженно, но чувствует. Просто ощущает что не одна, что, если понадобится, то им помогут. Страх это умиряет, по крайней мере.

— Теперь, если ты больше не хочешь обрушивать нам на головы поток, то стоит решить, что делать дальше.

Саша с запозданием понимает, что сила вокруг нее сама собой уже какое-то время натянута, как струна, готовая ударить во все стороны с огромной энергией.

— Извини.

— Пустое, — Мика отмахивается, — мне тоже не по себе. Но мы, во-первых, маги и можем выйти отсюда хоть ейчас, а во-вторых если хотим, то можем обратиться за помощью. Просто нужно решить, что мы делаем — уходим под свет дня или ищем кольцо прямо сейчас. Судя по всему, из этой пещеры есть еще сеть естественных тоннелей, и именно в них и шли колдуны.

— Думаешь?

— Не думаю, что нам наврал проводник, кем бы он не был. И к тому же там впереди и правда скопление негативных эмоциональных слепков, а это очень привычно для сильных черных ритуалов. Меня другое интересует — знала ли о нашем проводнике Гульяз, посылая сюда?

— Думаешь, он как-то со всем этим связан? С ее кольцом и колдунами?

Миклош фыркает.

— Саша, этот Айдар у нас на глазах растворился. Не в Отражение ушел, я проверял. Или мы с тобой тут нашли какого-то древнего уникама, которого даже ты не разглядела, то ли он как-то с историей с ритуалом был связан. Не зря же он нас сюда привел.

— Призраков не бывает.

Миклош вновь фыркает.

— Кто тебе это сказал? Ладно, потом расскажу, кого сам видел. Но мы с тобой маги, а это будет сильнее любого призрака.

— Муза сказала, что может быть, есть кто-то застрявший между бытием мага и скиа.

— Ну я не специалист по теням. Хотя это странно — в Айдаре не было магического ядра полноценного. Точно не было. С другой стороны, будь он гением, то я бы смог понять.

Хотя бы после общения с твоей знакомой у моря.

— Наверное, что-то должно было быть... А ядро, как мне показалось, недоразвитое.

— Да, у меня тоже возникло такое же ощущение, — Миклош кивает. — Никогда не слышал, чтобы такие становились тенями. Ладно, я о скиа вообще мало что знаю. Ну так что — продолжаем пытаться разобраться с этой загадкой или идем наружу?

Саша несколько секунд делает глубокие вдохи и выдохи. Решение очевидно, хотя страх все-таки есть, сколь бы не были большими ее силы.

— Идем. Кольцо недалеко, я его чувствую. Только давай не разделяться, не хочу закончить как герой плохого фильма ужасов.

— Я хороших не видел. Впрочем, я не так много их видел. Только этот, про парня с автоматической цепной пилой.

Саша усмехается.

— Ну, нам, кажется, резня не светит. И к лучшему, что не видел, на самом деле. Мне довелось посмотреть побольше историй в том числе и о пещерах. Ладно, идем. Я все же хочу вернуться на открытое место и побыстрее. И — давай ты будешь идти на расстоянии вытянутой руки? — просьбу она выпаливает быстрее, чем соображает, что делает. И спешно поясняет: — только так у меня есть уверенность, что я смогу быстро протащить нас по Отражению в случае чего.

— Хорошо, — немного сдавленно говорит Миклош, словно что-то ощутив в окружающем мире.

— Все в порядке?

— Не отвлекайся, я справлюсь со всем сам, — отрывисто бросает напарник.

Саша хочет было расспросить его о том, что происходит, но осекается, чувствуя явное раздражение парня.

— Ладно, идем искать в этой красоте сокрытые во тьме тоннелей сокровища и тайны. Но иди хотя бы тайны, — она старается говорить ровно и спокойно.

Чтобы ни происходило с Миклошем — лезть к нему не стоило. Это и правда его дело. Стоит разобраться с тем, что чувствует она сама.

Они идут. Долго, на самом деле. По крайней мере по собственным ощущениям. Саша чувствует, как с каждым шагом увеличивается и увеличивается давление на щиты. Словно она погружается куда-то в ледяную воду. Шаг. Шаг. Темнота повсюду, разгоняемая лишь светом фонарика, теперь становится почти привычной. Шаг. Еще шаг. Странно, но здесь, под метрами земли, ей кажется, что в мире вообще больше нет никого и ничего.

Никого и ничего...

Саша почти не удивляется, когда видит впереди в тоннеле смутно знакомую фигуру. Кажется, Миклош все еще позади, но Саше сейчас не до него. Да и толку — сама со всем справится.

Потому что около особенно большого сталагмита стоит ее мать. Ненстоящая, разумеется. Образ. Только образ.

Браслет врезается в руку, когда Саша на секунду замирает. Сейчас они в какой-то длинной и довольно широкой пещере, и справа, и слева она замечает силуэты. Людей. Знакомых людей. Они просто стоят и смотрят. Мать. Отец. Дед с бабушкой и еще одна бабушка. Тетка. Кто-то старше, но явно похожий на нее лицом. Виталик. Даже любимый Бим и тот тут.

Саша сжимает руку Миклоша, просто продолжая идти вперед. Прочь.

Все равно она ничего не изменит, бросившись к кому-то из них. В пещере раздаются только эхо шагов — ее и Миклоша. Остальные недвижимы.

Она просто идет вперед.

Саша почти не удивляется тому, что в один миг их молчаливое шествие среди сталагмитов, пещер и мертвецов заканчивается в довольно большом гроте. На дальней стороне которого есть что-то вроде каменного алтаря, на котором лежит кольцо. То самое кольцо.

А рядом стоит Айдар.

— Вы пришли.

— А что, не должны были? — Миклош говорит как-то зло.

Саше почему-то все равно. Это место ей почему-то даже нравится. Здесь спокойно. Совсем спокойно. Словно все бури и жизненные невзгоды там, на поверхности. А здесь, у корней земли, есть только покой.

— Почему же? — Айдар наклоняет голову, — я на это рассчитывал.

— Ради чего?

Проводник пожимает плечами.

— Я не знаю. Я лишь привожу сюда людей — и даю им выбор.

— Какой выбор? Ты, колдунское отродье! — Миклош действительно злится, и Саша осознает это с запозданием и с немалым удивлением.

— Я? Нет, — Айдар отвечает с явной грустью, — если бы я мог что-то изменить, я никогда бы не согласился. Но ради Гульяз я готов был пойти на все. И вот что вышло.

— Гульяз? Волшебницы?

— Волшебницы? Пожалуй, — Айдар широко улыбается, — она правда волшебница. Никто не раскрашивал мою жизнь так, как она. Но мы не могли быть вместе. Я даже не помню, почему... И она предложила мне попробовать изменить это. Я пришел сюда. Привел сектантов. И теперь я — здесь. Навсегда. Возможно им что-то и удалось, но я не могу уйти. И не могу не приводить сюда людей. Просто не могу. Даже если не хочу. Я не хочу, чтобы вы держали на меня зло. Просто так получается. Я не могу это контролировать.

— И зачем? — еще с большим напором вновь спрашивает Миклош.

Айдар пожимает плечами.

— Так надо. Я чувствую, что так надо.

— Саша, — Миклош оборачивается к ней, — может, ты хоть что-нибудь скажешь?

— Едва ли, — Айдар качает головой, — твоя подруга, как и другие до нее, больше не принадлежит твоему миру. Только моему.

— Что? Что ты несешь? Саша!

Саша только лениво поворачивает голову, чувствуя, как в разуме плещется усталость и сонливость. Здесь было так спокойно. Здесь, в темноте и тишине.

— Не кричи, — мягко говорит она, — я тебя слышу. Просто здесь спокойно. Не нужно ссориться. Все будет хорошо.

Саша говорит это, всем сердцем чувствуя свою правоту. Хорошо. Спокойно.

На секунду лицо Миклоша искажается недоверием. Потом он берет себя в руки.

— Саша. Я не знаю, что ты видишь. Правда, не знаю. И я не знаю, почему защита не сработала, но нам нельзя просто оставаться здесь.

— Почему же? Сработала. Я вижу что кто-то оградил вас от всего извне. Но все — вопрос выбора, — негромко говорит Айдар, — я приводил сюда разных людей. И каждый

видел обломки прошлого, такие же, как вижу я, смотря на комбинат, ставший грудой мусора, на дома, что уничтожила сель, на Гульяз, с которой больше не могу быть. И я не видел ни одного, кто захотел бы уйти отсюда.

— Я хочу уйти, — коротко отрезает Миклош, — у меня есть ради чего вернуться.

Айдар улыбается.

— Ты ведь знаешь, что все равно не сумеешь уйти сам. Я никогда не умел творить чудеса. До того, как оказался на этом алтаре и клинок не пронзил мне грудь, и после. До того, как настоящее и будущее исчезли, и осталось только прошлое, и после. Но здесь мое место. Мой дом, и я решаю, кому выходить и кому входить сюда.

— И ради чего тебе это?

Айдар лишь усмехается.

— Прошлое питается настоящим и будущим.

Несколько секунд ничего не происходит. Потом Миклош лишь шагает вперед, становясь между Сашей и Айдаром и разворачивает девушку лицом к себе, держа за плечи. Буквально вцепляясь в нее. Саша никак не реагирует, по-прежнему наслаждаясь покоем и темнотой этого места. Близостью воспоминаний, здесь обретающих плоть.

— Саша. Сестра. Я тебя недолго знаю, но знаю всю жизнь здесь, в нынешнем мире. Я не хочу тебя терять. Что бы ты ни видела — это прошлое. Его не вернуть. Никак не вернуть. Я не знаю, что еще сказать... Но, пожалуйста, помоги мне. Я не смогу справиться сам.

Саша моргает, с трудом понимая, что говорит Миклош. Слова достигают разума, медленно осмысливаются и словно бы пробуждают ее от какого-то оцепенения.

— Саша. Пожалуйста.

В голосе Миклоша была просьба. Настоящая, искренняя просьба.

Тут ее семья. Тут они все, даже те, о ком она не знала. Она сможет поговорить с ним, узнать ближе, общаться столько, сколько захочет... А еще тут спокойно. Без Пауков, без планов, без кинжалов и шкатулок, без страха и ошибок. И нет больше ни бомбы, которой надо не дать взорваться, ни погибшей от голода деревни, ни древней старухи, плетущей свои интриги.

Только Миклош. Который не хочет оставаться здесь. И который не выйдет на поверхность без нее.

Кто бы что бы ни придумал для нас — право нашего выбора это не отменяет.

Саша смотрит на Мику. Смотрит — и чувствует, как медленно покидает разум вцепившееся в душу мертвенное спокойствие. Чувствует, как однажды она уже делала такой выбор... И что с тех пор изменилось многое, очень многое. Но в некотором роде не изменилось ничего.

Саша встряхивается, прогоняя искушение. Возвращаясь разумом в настоящее. К Миклошу, отчаянно желающему выбраться отсюда. К Айдару, уставшему от всего и вся проводнику прошлого. И к себе самой.

Слова находятся сами, и когда она начинает говорить, наваждение окончательно отступает прочь.

— Айдар. Кем бы ты ни был, не маг и не тень, твое утомительное существование подошло к концу.

Саша знала, что делать. Чувствовала. Ощущала.

Кольцо было тем, что привязывало это создание, при жизни не бывшее магом и при смерти не ставшее тенью, но оставшееся тут странным призрачным памятником самому себе,

к реальности. Саша видела эту связь. И сил у нее было достаточно чтобы ее разорвать.

Прошлое должно оставаться в прошлом.

— Прости, — Саша только чуть улыбается на прощание. Улыбается не Айдару, не теням вокруг, а той себе, что на миг пришла откуда-то из глубин разума.

И в тот же миг короткий импульс силы, вырывающийся из ее ладоней, буквально расплавляет, стирает из реальности то существо, что некогда было Айдаром-горняком, жившим в иное время и в ином месте. Айдаром, не ставшим магом, не погибшим, но так и не переродившимся в кого-то больше, чем он сам. Уничтожает призрак прошлого, навсегда стирая его из настоящего и будущего.

Кажется, в последнюю секунду своего странного существования их недолгий проводник улыбается.

Спустя секунду все кончено. Саша подходит и забирает с алтаря черное оплавленное кольцо. Обручальное. Просто кольцо, самое обычное, больше не служащее якорем ни для чего.

— Спасибо, — тихо говорит Миклош. — И прости.

— За что?

— Я не должен был злиться. Не здесь. Мне стоило объясниться. В прошлом, и я был в плену у колдунов. И это плохие воспоминания, и это место напомнило мне о прошлом слишком сильно. Но, как видишь, крайне глупо было говорить, что я со всем справлюсь сам. Я бы не смог сделать этого.

Саша только кивает.

Призраки отступили, хотя тьма вокруг все еще ощутима.

— Как и я. Так что это мне тебя благодарить. И идем отсюда. Куда-нибудь к свету. Хочу видеть небо над головой.

Миклош кивает. И протягивает руку.

— Веди.

— Не боишься, что нас размажет по Отражению?

Парень лишь качает головой.

— Тебе я доверяю.

Саша Шагает, ведя за собой Мику, кажется, совершенно не пытающегося ни в малейшей степени контролировать движение.

У вешки, около места, где они совсем недавно входили под землю, Саша выходит в реальность и счастливо вдыхает свежий воздух.

— Этого стоило ожидать, — Миклош показывает на проход, заваленный камнями до самого верха уже не один год.

Спасибо, что освободила так и не ставшего нашим братом.

Тихий шепот Музы кажется не то наградой, не то просто итогом всего путешествия.

Саша смотрит на небо. Говорят, звезды — человеческие души. По крайней мере, в это верили ее предки. Но на деле неважно, где эти души — на небе или под землей. Или вокруг. Они всегда все равно — внутри. Всегда внутри.

Уже в гостинице, в общей комнате за собственным ноутбуком, в котором Саша пересматривала социальные сети и всевозможные рисунки с котиками в надежде вернуться к хотя бы небольшому душевному спокойствию, она все-таки решается поговорить с Миклошем. Наверное, и не стоило... Но, с другой стороны, если бы Миклош был против общения как такового, то он наверняка бы ушел к себе, а не читал какую-то небольшую книжку, кажется, за авторством Достоевского. Впрочем, ведь в его время то, что сейчас считалось классикой, еще ведь и не написали.

— Мика, можно личный вопрос?

— Да. Разумеется, — Миклош кивает, словно желая подтвердить разрешение еще раз.

Сейчас парень кажется Саше погруженным в размышления. Вполне обычным. Словно ничего и не произошло сегодня. Вообще ничего. Словно было самым обычным делом сидеть в общей комнате отеля, где на тумбочке лежало оплавленное кольцо, которое еще недавно связывало с реальностью того, по чьей милости они оба едва не остались под горой навечно.

— Ты так говоришь, словно обязан мне отвечать.

Миклош хмыкает и забрасывает за ухо прядь отросших волос.

— Не обязан. Но после того как ты трижды спасла мне жизнь, уйти от ответа будет определенно не очень некрасиво, о чем бы не шла речь.

Саша качает головой.

— Мика. Я не хочу тебя принуждать к чему-то. Извини, если создается такое впечатление.

— Не принуждаешь. Спрашивай давай, а то такое ощущение, что я сейчас услышу что-то вроде — «Ты — Паук?» или что-то еще более масштабное.

— Нет. Не в этом дело. Просто... Ты был так спокоен. Там, внизу. Ну, почти все время. Мне так показалось, по крайней мере.

Миклош криво усмехается и откладывает книгу.

— Нет, Саша. Я не был спокоен. Я был зол и был дураком. Самостоятельным дураком в желании показать свою самодостаточность и мнимую непробиваемость. Желая казаться, а не быть.

Саша несколько секунд смотрит на парня, ожидая продолжения. Мика же, придя к какому-то выводу, кивает сам себе и развивает мысль:

— Я решил, что если делать вид, что все в порядке, так будет проще. Пройти все каждому по отдельности, молча, разбираясь с ощущениями само самостоятельно. И это было плохим решением. Для меня это испытание было совсем иным, чем для тебя, и я определенно выбрал не лучший способ действий. Я знаю, что ты хотела расспросить меня, успокоить. Понять, почему я злюсь. Я не хотел об этом говорить, а стоило бы, на самом деле. Ведь в итоге ничего хорошего из этого не вышло

— Иным? — в Саше проснулось любопытство.

Ее задело нежелания Мики говорить там, внизу, его злость... Но он имел на нее право, в конце концов. Вышло что вышло. Сейчас на самом деле она просто хотело обсудить это. Простое человеческое желание поговорить с кем-нибудь. Если Мика и мог справиться со всем сам, он ведь-то не поддавался искушению, то Саша не могла. Она так и не поняла, почему чары, или что это было, Айдара, так по-разному на них подействовали, и теперь хотела

разобраться. Словно если разобраться, то в будущем она опять не попадет в какую-нибудь подобную дурацкую ловушку из-за собственной сентиментальности. А теперь выходило что для Миклоша все было иначе...

— Да, иным. Я так понимаю, ты видела своих родственников. Семью, верно?

Саша только кивает.

— Я чувствовал это. Отдаленно. И должен был что-то сделать, а не молчать.

Саша качает головой.

— Я взрослый человек и должна справляться с такими вещами.

— Ерунда, — отмахивается Миклош, — я тоже взрослый, а без тебя бы оттуда не вышел.

Но если ты спрашиваешь, почему на меня все это не подействовало так же, как на тебя, то, думаю, тут дело в моем прошлом. Для меня там, внизу, не было семьи. Для меня, к добру или к худу, важнее оказались воспоминание, связанное с колдунами, чья магия была ощутима в пещерах. Личный опыт, и опыт не самый приятный. Видишь ли, когда я только начинал обучение, мы как-то отрабатывали несколько простейших защит и атак в заброшенном имении Бенгальских. И попались охотникам за силой. Колдунам из шабаша. Я успел сбежать буквально с алтаря, вылез из-под купола. Наставник снял позиционирование и вмешался, и их всех положили, кроме одного. Старая тварь сбежала, главный в той шайке. Жертв было среди наших немного, на самом деле погиб только один начинающий маг, и то там просто неудачное стечение обстоятельств было. Так что считай что ничего почти и не случилось из того, что могло бы. Просто это было действительно... — Миклош чуть дергает головой, явно отгоняя какое-то воспоминание, — в общем, дерьмово было. Когда накинули блокиратор я едва не обмочился от страха, оказавшись в чужой власти. Тогда охотников за силой было много, о них среди начинающих магов страшные истории рассказывали. А тут — настоящие колдуны. Настоящий алтарь. Настоящий ритуал... Конечно, такое надолго запоминается. Надо признать, после этого случая почти всех охотников за силой перебил Орден. Жестко и быстро. Этого Аркадия Наймирского, который был главой напавших на нас тогда так и не нашли, а жаль. Я надеялся. Я давно это пережил, но прошлое есть прошлое. И, как ты понимаешь, желания остаться там, где чувствовались каждую секунду эманации силы колдунов у меня не возникло, даже при всем искушении. Иронично, что от влипания с головой в паутину наваждений меня уберегли вовсе не стойкость или вера с надеждой какая-нибудь, а просто неприятные воспоминания.

— Спасибо, что поделился, — что сказать менее банального Саша просто не знала. Она чувствовала, что Миклошу было нелегко говорить об этом. Но все же он рассказал.

— Да не за что. Это не великий секрет, Саша. Я не хотел говорить там, не хотел обсуждать, но вообще стоило. Ты-то хотела как лучше, я это знаю. А в итоге мы вместо того чтобы быть рядом друг с другом все-таки разделились, но несколько в ином смысле, чем обычно вкладывают. Я не знаю, не будь там этой ауры силы колдунов, не попал бы я сам под наваждение... Но точно скажу что не справился бы с этим существом сам, кем бы оно не было. Хотя это и не тень, а что-то другое. Но я бы боролся. Надеюсь на это, по крайней мере. Мне кажется, я в любом случае не согласился бы на его, скажем так, предложение.

Саша встречается взглядом с Миклошем.

Вопрос задавать и не нужно. Напарник только чуть улыбается ей и поясняет:

— Видишь ли, Саша, не знаю, это благо или проклятие, но для меня самого та жизнь, что была до эксперимента, сейчас словно бы стерлась из памяти. Как, знаешь, история, что в

спектакле рассказывается. Посмотрел, домой пришел, и через месяц другой если и помнишь что, то только в общих деталях. Может, дело в том, как Михаил помогал адаптироваться в новом теле и немало со мной работал, может связь с наставником так все изменила, может еще что повлияло — не знаю. Но это так, и меня все устраивает. К тому же сам я думаю, что все из-за тебя.

— Меня? — Миклош не казался расстроенный таким поворотом событий, но Саша все-таки не была уверена, считать ее участие во всем этом улучшающим или ухудшающим все дело.

— Да. Нет, ты не подумай, это не плохо, — Мика явно почувствовал ее сомнения. Хотя, Саша довольно хорошо понимала, что они скорее всего были просто на лице написаны. Парень продолжил: — как я уже говорил, я какое-то время видел мир твоими глазами. Для тебя прошло несколько часов, для меня же — куда больше. Потом эта странная связь разумов, которая так до конца не исчезла. Понимание что ты не один на каком-то ином уровне. Не то же самое, что с наставником, иное. Не знаю как объяснить. Просто это то, чего со мной никогда раньше не было. Я никогда раньше ничего подобного не ощущал. Я вырос один, у меня не было сестры или брата, а племянница была совсем крохой. Я любил свою семью, но все же — это иное. У меня не то чтобы было много близких друзей из других магов, равных по возрасту. Один знакомец, и тот предателем оказался. Сейчас все иначе, и ты одним своим присутствием показываешь, что все изменилось. Что прошлая жизнь осталась в прошлом. Я не сразу понял все это. Даже когда понял что мир изменился, когда заполучил тело все равно не хотел верить в то, что произошло. Дело до отторжения едва не дошло, благо Новгородский мне вправил мозги вовремя. И он же донес до меня ровно две существующие альтернативы. Я мог продолжить упиваться жалостью к себе и умереть в самом прямом смысле, ведь чем чаще я буду вспоминать того, прошлого себя, тем меньше буду считать нынешнее тело своим, тем больше будет Грань выгаликивать меня прочь из той физической оболочки, которая досталось мне с твоей помощью. Или я мог использовать данный судьбой шанс, каким бы он ни был. Жить дальше в новом мире, приспособившись, полагаться на тех, кто теперь был рядом. И все. Никаких альтернатив. Умереть или принять изменения. Я не сказать, что смирился как только это услышал. Но все же принял правоту Новгородского, пусть и не сразу, — Миклош чуть усмехается, — звучит просто, но на деле я и сейчас не могу сказать, что все забыл навсегда. Но я жив, и свою жизнь я не хочу просто так терять, тем более что за нее столько заплачено. И лучшее, что я теперь могу сделать для моей семьи — доказать свое доброе имя и указать всем, что они не зря любили меня. И отомстить тому, кто уничтожил моих девочек. А дальше... Просто жить. Раз уж все так сложилось. И, там внизу я просто помнил об этом. Каждый миг помнил.

Несколько секунд в номере стоит абсолютная тишина. Потом Саша все же решает хоть что-то сказать. У нее нет подходящих слов чтобы выразить все свои мысли, и приходится ограничиваться чем-то нейтральным.

— Это мудро. Я... Мне бы хотелось тоже помнить о том, что дальше нужно просто жить.

— Все равно я ничего не могу изменить. И я понимаю, что это звучит как что-то простое. Но на деле это не так. Совсем не просто. Это то чем я стараюсь руководствоваться. Ориентир. Но, признаю, там внизу меня вела и ненависть. И к колдунам, и к Пауку, отобравшему мое прошлое, и к миру, отнявшему у меня все. Ненависть и стремление отомстить. Желание показать, что я выше прошлого. И теперь точно можно сказать, что на

ненависть и злость не стоит опираться.

— Почему?

— Ненависть отделяет нас друг от друга. Ее, как и жажду мести, нельзя ни с кем разделить. А гордыню и подавно. Она выжигает душу и отделяет тебя от мира. А ведь в одиночку не сделать многое из того, что легко сделать вдвоем. Иногда в одиночку вообще ничего нельзя сделать... Сколько бы сил или воли не было. Сегодня я получил этот урок. Возможно, именно поэтому нас никто не отговаривал от похода вниз, несмотря на все опасности.

— Думаешь, кто-то знал? — Саша прищуривается.

Мика только пожимает плечами.

— Если ты про Серафима и Карину, то я не знаю что именно они видят вокруг, а что нет. Но точно знаю, кто в городе что-то знал о шахтах и о том, кто водит туда людей.

— Гульяз, — Саша это имя почти выплевывает.

— Да. Думаю, пора навеститься к ней в гости.

— Непременно.

На следующее утро они без всяких отлагательств отправились к единственной представительнице Ордена в этом неприятном городе. Саша полночи снились странные тени, и она искренне надеялась, что Гульяз окажется человеком слова и свяжет их с информатором сегодня же, чтобы можно было убраться отсюда как можно скорее.

Во второй раз женщина соглашается на встречу даже не смотря на ранний час.

— Знает кошка, чье мясо съела, — усмехается Саша перед входом в нужный подъезд.

— Определенно, — Миклош взглядом указывает на окон, из которого за ними наблюдает волшебница, — определенно.

На этот раз на столе и чай, и коньяк, и сыр с колбасой. Саша без всяких слов достает черное, оплавившееся снизу и сверху кольцо и кладет его прямо на светлую скатерть.

— Вы, посылая нас за этим, кое о чем умолчали. Кое о ком, точнее. Почему?

Гульяз вздыхает.

— У меня нет желания иметь дело с Советом за нарушение секретности. Это раз. Второе — тогда бы вы согласились? К тому же к тому, кто хочет найти именно его, Айдар не приходит... Не приходил, — поправляется она, смотря на кольцо, — он... мучился?

— Нет. Не думаю. Что произошло на самом деле?

— Я не знаю, — с тоской произнесла Гульяз, — правда, я не знаю. Я только знаю, что он там был когда колдуны проводили ритуал. И что что-то произошло. И он умер... И не умер разом. Что все пошло не по плану.

— И в чем был план? — Миклош в упор смотрит на женщину.

Гульяз отводит глаза и обнимает кружку руками, словно пытаюсь согреться.

— Вы ведь все равно все узнаете. Айдар — мой муж. Был моим мужем. Много лет назад. Он был человеком. Точнее, не совсем человеком. Я не сразу поняла, кто он такой. Недоформированный. Редкая аномалия, неполное развитие ядра. Он мог стать не просто моим мужем на человеческую жизнь, а идти со мной столько, сколько захочет. Если бы все получилось... Таких, как Айдар давно не Становят. Не пытаются даже — слишком большие риски. Я изучила все, что знала об этом. Шансы были. Особенно если подпитать хоть чем-нибудь до Становления. Хоть чем-нибудь. И когда появились колдуны со всеми их идеями о поиске великого камня силы, который вообще-то ближе к Эльбрусу, я не стала им мешать искать его здесь. Подбросила немного нужной информации, соединила вероятности — и вот

они уже решили взять Айдара к себе в ритуал за кое-какую мою помощь. Этого должно было хватить. Этого даже и хватило. Я почувствовала — ведь на нем было мое кольцо. Айдар стал магом. Полноценным, слабым, но полноценным. Я так радовалась, сама начала спускаться в шахты, ведь теперь достаточно было провести Становление... А его просто убили. В одно мгновение. Я видела тело в морге — кто-то воткнул кинжал в сердце за секунду. И Айдара не стало. Я похоронила его, не стала только забирать кольцо с ритуального камня. Не смогла. А потом он вернулся. Я не знаю как и зачем. Мы не говорили ни разу. Я так и не сумела посмотреть ему в глаза. Время шло. Начали пропадать люди. Я знала, что надо рассказать — но так и не сумела. Айдар, мой Айдар... Мне жаль, что так все обернулось.

Саша несколько секунд барабанит пальцами по столу. Потом все же умиряет злость, говоря даже по собственным меркам жестко и холодно.

— Вы рассказываете все о колдуне и о камне, что они искали. Помимо наводки на Алену. А мы не рассказываем о вас.

Что-то было теперь в этой волшебнице, разом утратившей всю былую властность. Просто уставшая от всего немолодая женщина живущие в городе, пропитанном сожалением о прошлом в самом буквальном смысле.

— Да что там рассказывать... Колдуны как колдуны. Понятно, настоящих там всего пара, Аркадий этот пожилой и Антон был, его ученик вроде бы, рыжий такой и крайне неприятный тип. И их прихлебатели, люди. Такие всегда около колдунов выются, надеются силу получить, шанс на Обращение. А камень... Я только знаю, что он там, где людей немного. Хава расскажет вам, она вроде как что-то знает. Я ее попрошу. И возможно расскажет больше и о колдунах этих, я осторожно держалась, старалась не слишком отвечивать, чтобы не связали с этим делом. И не связали москвичи, не поняли ничего. Знаю только, что их это не то секта, не то маленький шабаш старый. По крайней мере Аркадий, пожилой, я с ним однажды общалась, был даже по меркам их племени немолод. Старше меня, наверное, раза в два. С такими надо быть осторожным, но у меня была пара аргументов. Он-то разыскиваемый преступник был. Так что мы договорились. А про остальных не знаю ничего.

Саша видит, как Миклош сжимает кулаки.

— Аркадий Наймирский?

— Вы знаете? Да, фамилию я запомнила, хотя он кажется и не любил ее. Его товарищ с оспинами был куда моложе, но еще более неприятный. Но увы, я мало что сказать могу. Только то, что неприятные они типы были, как и все колдуны. Я надеялась, что все получится, но, — Гульяз развела руками, — иногда мы все ошибаемся. Вам, наверное, сложно в это поверить, но я любила Айдара. Не хотела ему участи колдуна или еще кого-то из двоедушников. Не хотела, чтобы просто Обратили. И вот как все обернулось... Теперь вот и живу здесь. Поближе... К нему.

В комнате воцарилась тишина. У Саши не было идей о том, что можно сказать. У Миклоша, судя по всему, тоже.

Они в тишине допили чай, получили от Гульяз контакты загадочной Хавы, скомкано попрощались и ушли, не желая больше необходимого задерживаться в этом городе и в этой квартире, пропитанной насквозь виной и горечью.

— Слушай, мне тут мысль пришла, — Саша говорила негромко, посматривая в окно маршрутки. По идее им нужно было в Терскол, хотя Гульяз рекомендовала заглянуть в Четет на поляну, именно там на конюшне и работала Хава. Хотя можно было и подождать ее в Терсколе, где ведьма снимала дом.

Кажется, они не должны были проехать нужную остановку — маршрутка сама по себе шла до Терскола. Но все-таки сейчас Саша старалась следить за указателями вдоль дороги.

Она накинула на них с Миклошем отвод внимания, желая поговорить без косых взглядов, и сейча старалась разом собраться с мыслями и все же хоть как-то ориентироваться в том, куда они ехали. К тому же ей хотелось поговорить, пусть и ехали в Терскол они не одни. До того не было времени, от Гульяз они и поехали к ее «информатору» сразу, едва успев на редко ходящий маршрутный автобус. Но уехать с Тырнауза хотелось обоим, так что торопились на местное подобие автовокзала они в единодушном порыве.

— Мысль? — Миклош после разговора с Гульяз, кажется ушел в себя больше обычного, что-то обдумывая.

Ну или просто поездки на микроавтобусах на него так действовали.

— Да, я иногда думаю.

— Я не намеревался тебя обидеть, — миролюбиво пояснил парень, — только показываю свой интерес.

— У тебя интернет ловит?

— Что?

— Интернет. Связь на телефоне есть?

Миклош вместо ответа достает телефон и протягивает Саше.

— Глянь. Я все еще не силен в этом.

Саша мельком бросает взгляд на экран. Ожидаемо.

— Нет. Досадно.

— А что?

— Да была идея. Хотела проверить кое-что в файлах старого дела. Глупая идея, наверное, но... В общем, я скорее всего убила этого Антона, ученика Аркадия, который тут ритуал проводил. Рыжий колдун с оспинами. Помощник главы, или шабаша как там его, которые Айдара изменили. Почему вместе с людьми они тут были, кстати? Это же запрещено. И Гульяз так спокойно об этом говорила еще...

— А, — Миклош отмахивается, — это колдуны. Они силу любят и любят преданных последователей, которые им в рот заглядывают. И сами колдуны вечно заглядывают в рот тому, кто сильнее, иногда даже магам, если представляется случай. С этим борются, но нас мало, а Обращенных много. И благодаря людям вокруг колдунам есть из кого себе учеников набирать и свою численность поддерживать. Говоришь, Антон погиб от твоей руки... Расскажешь, как это случилось?

Саша прикидывает, пытаясь понять, какими именно словами и как можно то, что произошло у камня в Свободе. Ей хватает четырех предложений.

Миклош чуть склоняет голову, стараясь ничего не упустить в кратком повествовании.

— Я рад это слышать.

— Но... Думаешь все это как-то связано между собой?

— Не знаю. Все переплетается как-то так, что я уже ничего не понимаю. Хотя теперь точно могу сказать, почему в пещерах я видел именно случившееся со мной во время обучения, а не семью. Я не там узнал магию этой твари, этого Обращенного ублюдка, охотящегося за чужой силой. Но все же какие-то отголоски, видимо, остались в воспоминаниях, которые я даже и не ощутил. И именно они перевесили все остальное. Ублюдок. И что собственно тебе пришло в голову? Зачем интернет?

— Не интернет. База. Видишь ли, я не слишком много общалась с теми, кто жил в Свободе из Обращенных. Но там был немолодой на вид колдун Аркадий Николаевич.

Миклош бросает на нее цепкий взгляд.

— И ты думаешь, что это — именно он?

— Не знаю, — в голове начали шевелиться элементы головоломки, — я и во время следствия ни с кем не общалась, и материалы дела остального от меня скрыли. Но тем более если ты говоришь, что колдуны любят быть рядом с сильными... Если этот Аркадий искал камень силы, менгир, здесь, но не нашел, узнал о другом и начал выслуживаться перед владеющим его силой главой поселения...

— Или нашел.

— Что?

— Или нашел. Саша, камень бы не принял колдуна в свои хозяева, какая бы кровь ни текла в его жилах. Ни колдуна, ни вообще хоть кого-то из Обращенных. Хотя если это и правда старый охотник за силой, то он действительно мог набиться в это поселение, о котором ты говорила, или и правда из инстинкта поклонения кому-то более могущественному, или присматриваясь к тому, как можно выкачать силу из владельца менгира, или по обоим причинам сразу. Я никогда не слышал о том, чтобы кому-то удавалось забрать силу связанного с камнем, но все бывает впервые. Но если хочешь проверить — тот ли это колдун или нет, спроси наставника. Он должен помнить старое мое дело. Я не уверен, что он имеет право рассказывать мне, но тебе возможно и сможет.

Саша только кивает. И прикрывает глаза, касаясь связи.

Здравствуй, — мягко откликается Серафим, — *как прошел ваш поход под гору?*

Нервно. Но мы сделали все, что хотели.

В ответ приходит что-то... Ободрение?

Если хочешь — расскажи.

Может позже. Но за предложение спасибо. Есть тут одна идея... Ты знаешь, кто фигурировал в деле Свободы? Кого поймали из Обращенных?

Да. Разумеется, — кажется, Серафим был удивлен вопросом.

Ты можешь рассказать?

С этим сложнее. Тебе кто-то конкретный нужен?

Аркадий. Колдун, что напал на Мику.

Он рассказал? Я рад, на самом деле. И — да, он был там. Взяли живым.

А что с ним стало?

Теперь Саша ощущает отдаленный, но ощутимый гнев.

Его забрали москвичи для показаний и остального до того, как я или Миша успели до него дотянуться. Насколько я знаю, Аркадий все еще у них. Не то хотят осудить по остальным делам, не то ищут подельников из прошлого, не то что-то еще хотят еще узнать. У нас в таких случаях следствие может идти десятилетиями. А он — охотник за силой. Два века или около того преступлений. И по каждому нужно следствие, многие

бумаги и процедуры и поиск всех других фигурантов. Это долго. Очень долго. Позволь полюбопытствовать — как вы-то на него вышли?

Саша рассказывает. Скорее просто кидает в сторону связи образы.

Хм. Дай подумать, возможно всплывут какие-то идеи. Заодно узнаю, можно ли поговорить с этим выродком через москвичей.

Второй раз наставник сам связывается с ней уже перед тем, как Саша собиралась выйти из автобуса.

С ублюдком что-то нечисто. Москвичи темнят, так что будьте осторожны. Какой камень он искал я не знаю, в наших базах в вашем районе не должно быть менгиров, но это не значит, что их и правда нет.

Обнадеживающе.

Невеселый смешок.

Не думаю, что ублюдок попробует к вам сунуться. Но все равно будьте осторожны. Да, и еще, Саша...

Да?

Если, я подчеркиваю, если, у тебя будет хоть какая-то возможность не вступать в контакт с камнем, если он вообще здесь есть, то не делай этого.

Почему?

На сей раз ответа приходится ждать дольше. Они с Микой уже почти успевают протиснуться сквозь небольшой стихийный рынок на и дойти до находящийся за ним конюшни, отбившись от продавцов всего нужно и необходимого, начиная от меда и заканчивая шкурами и травами.

Саша злится все это время, понимая, что несмотря ни на что, наставник все еще считает, что она неспособна справиться с происходящим. Что ее сила опасна, как и она сама.

Саша, — в образах Серафима чувствуется мягкость, — не ершишь. Дело не в тебе и не во мне. Дело в том, что, во-первых, знания, приносимые в разум менгиром, могут быть слишком масштабны для того чтобы справиться с ними без потерь. Ты и так рисковала потеряться в чужих образах в Пензе. И я не факт что смогу помочь. Это первое. Второе — боюсь, это на руку Пауку. И третье, что самое важное — шила в мешке не утаишь. Москвичи, по крайней мере некоторые, сложили обе истории, и им не нравится то, сколько у тебя сил. И если их станет еще больше, то внимание не самых приятных личностей станет еще пристальнее. Решать тебе и я понимаю, что иногда ситуация складывается так, что есть только не самые лучшие варианты. Я просто хотел предупредить.

Несколько секунд Саша колеблется. Потом все-таки успокаивается, чувствуя, что поднимающийся гнев не имеет, в общем-то, под собой никаких оснований.

Силовой нервоз или как его там. А ведь если решат, что она не контролирует себя и имеет столько силы... И ведь и правда — не контролирует. Хотя бы потому что сейчас под неодобрительным взглядом Миклоша вокруг Саши вилась пыльная буря. Маленькая совсем, но видная невооруженным глазом.

Мда уж. Ходячая бомба.

Ну. Ты сможешь с собой совладать, Саша, сколько бы силы не имела. Но есть те, кто знают тебя куда хуже.

Саша укротила бурю, развеивая силу. Лучше бы так на этого Айдара набросилась, нервы и ее, и Мики были бы целее.

Пыль опала, засыпая обувь.

Мы все не совершенны. Я не сомневаюсь в тебе, что бы ты себе не придумала. Просто хочу предупредить.

Спасибо.

В ответ приходит необычный, но довольно-таки мягкий образ, похожий на похлопывание по плечу.

Саша чуть качает головой. Странно все это.

— Ты в порядке? — Мика кажется несколько напряженным.

— Да. Извини. Это было... В общем это было излишне с моей стороны. Спецэффекты и все такое.

— Я поставил отвлечение. А ведьма все равно узнает, что мы тут.

— Узнаю, — негромкий голос позади заставил развернуться.

Рядом стояла стройная девушка среднего роста с самыми что ни на есть славянскими чертами лица. С голубыми глазами и светло-русыми волосами до самого пояса, она казалась здесь, среди в подавляющем большинстве своем совершенно других на лицо горцев, каким-то инородным элементом. Да и имя...

— Хава?

Видимо в вопросе было сколько недоверия, что девушка только усмехнулась.

— Она самая. Внешность от мамы, имя от папы. Идемте, господа волшебники. Вы на лошадях ездить умеете?

Миклош кивает. Саша качает головой.

— Ладно, дело не шибко сложное, сейчас покажу как в седле держатся. А то мне на пару меринов нагрузку дать надо, а так и совместим приятное с полезным. Гульяз попросила снабдить вас информацией, — Хава усмехнулась, — так что будет, как она хочет. Таким как я с Орденом лучше дружить.

На конюшне пахнет примерно так, как Саша и ожидала. Только чуть сильнее. Хава кивает молодому парню.

— Я поведу Рыжего и Бака, на Гордеце. Остальные за тобой.

— Бывай. Все равно клиентов не предвидится.

Хава усмехается. Девушка легким шагом направляется к стоящим под седлами лошадям, привязанным к ограде конюшни, и начинает потягивать какие-то ремни под брюхом каждого из коней.

— Хорошо, что не ушла сама, как хотела. А то ждали бы меня тут, или хуже — под дверью дома бы стояли. На автобусе ехали, такси брать не стали? А, впрочем, и так понятно. Вы смотрите, местные если что всегда подвезти готовы. Здесь это как признак хорошего воспитания. У многих автомобиля нет, а автобуса не дождешься. Сколько раз просили администрацию новые машины поставить, а они все о выгоде пекутся, да и местные шоферы им немало денег заносят-то. Ладно, садитесь. Ты, — Хава кивнула Саше, — коль на лошади не была никогда, залезай на Бака. Он спокойный, но все-таки пусть походит. Смотри, подходишь справа.левой ногой — в стремя, правой через круп. Только не пинай, он этого не любит. Я потом подтяну стремяна, если длинные. Рюкзаки можете с собой взять, если что важное. Ну или на конюшне оставить, здесь не возьмет никто.

— Пусть мой с собой будет.

— Добро.

Саша подходит к коню. Или мерину? Серый в яблоках. И взгляд карих глаз такой спокойный, оценивающий.

— Расслабься, волшебница. Кони все чувствуют, и людей любят. Из тех, кто вреда им не причиняет. Увернее. На Баке детишки катаются с семи лет, он тебя не скинет. В стремя ногу — и через круп. Можешь за само седло подтянуться, но за гриву не тягай, это больно ему.

Саша коснулась разума зверя.

Подружился.

Конь фыркнул, ткнувшись губами в плечо. Сложно было понять, что это значит, но вроде как — согласие.

— А дать ему можно что?

— Только как вернемся. Сухари есть. Но после, а то привыкнет и перед любой прогулкой просить будет. Садись давай.

Мика сам уже без каких-либо проблем взобрался в седло. Вот она — память тела. Пусть и чужого тела.

— Как вас звать хоть? А то некрасиво как-то обращаться будет. Вы-то мое имя знаете, а я и представиться не дала.

— Александра.

— Василий.

— Вот и отлично, будем знакомы.

Саша наконец нащупала ногой стремя и с трудом, но подтянулась в седло, чувствуя себя крайне неуклюже. Спина лошади была выше, чем ей казалось изначально.

— Вторую ногу тоже в стремя. Всегда упираться в него. Седло обхвати бедрами, спину ровно, локти ближе, поводья держи свободно, не натягивай и не отпускай, лучше в такт с движением руки чуть подавать и опускать. Натянуть оба поводья — остановиться. Для того чтобы идти быстрее или вообще с места тронуться разом пятками двумя пинай в бока. Можешь не бояться, вреда ему не будет, только без излишнего фанатизма. Налево — тянуть левый повод, направо — правый. И лучше без прямых ментальных образов, спутаешь только животину, — Хава проворно влетает на своего коня, — ладно, идите за мной. Лошади следуют за вожаком, так что просто идем след в след.

Саша тронула пятками коня. Ничего. И еще раз. И еще.

Вот упертый.

Ну уж, перед этими двумя она падать в грязь лицом не будет.

На четвертый раз конь, наконец, начинает движение, и Саша от неожиданности едва поводья из рук не выпускает.

Упираться в стремяна. Обхватывать бедрами. Сидеть ровно. Держать повод не слишком сильно и не отпускать.

Это сложно. Особенно когда сидишь на спине двигающегося животного. Хотя ритм шагов размерен, и стоит освоиться, как первый страх проходит.

— Ничего, сойдет, — Хага наблюдает за ней, — на рыси лучше за равновесием следить и в стремянах под ритм привставать, если вдруг в галоп пойдем, то или стой, или наоборот ровно сиди и держись бедрами. Главное — равновесие. Тебя никто специально не скинет, не бойся. Лошадь хорошо всадника чувствует и вреда не причинит. На галопе они ровнее идут, ритмичнее. Но вообще по плану только шаг. Ладно, идем за мной.

Они и правда идут, причем довольно медленно. По крайней мере, куда медленнее, чем Саша предполагала. Шаг лошади быстрее человеческого, но и только. Ощущения странные от попыток разом следить за собственным равновесием и исполнением всех инструкций о том, как правильно сидеть в седле. А еще более странные ощущения от того что находишься

на живом существе. Со своим разумом, мыслями, эмоциями, и при том послушным тебе. Ну или почти послушным, конь далеко не всегда реагирует на ее команды так, как хотелось.

Они выезжают с конюшни, проезжают совсем немного по лесу между каких-то недостроенных не то отелей, не то домов, проходят по обочине дороги, где Саше приходится пару раз пригнуться чтобы не получить веткой по лицу, и даже спускаются и поднимаются на небольшую горку под инструкции Хавы: «Вниз — корпус назад, вверх — корпус вперед».

Словно нет ничего вокруг, и они на самой обычной конной прогулке. Без всякой магии, Грани и всего остального. Без планов старых магов и каких-то пещер с призраками прошлого. Хава кажется совершенно спокойной, несмотря на двух волшебников позади. Почти человеком, хотя Саша явно чувствует, что это «почти» лишь иллюзия. Чувствует странное, неприятное темное пятно, словно бы глубоко в душе своей новой знакомой, черное и не смывающееся. И ловит себя на мысли о том, что хотела бы узнать ее историю. Почему Хава стала такой, ведь родилась человеком? Почему работала тут, в прокате, а не нашла себе место получше? Почему собирала и продавала информацию? И зачем, наконец, посадила их на лошадей?

Ведьма была так спокойна... Хотя Саша четко понимала, что силы ее были невелики. Даже Мика мог бы парой боевых заклинаний полностью обезвредить девушку с легкостью. Самой же Саше, кажется, потребовалась бы пара образов, даже без слов или жестов. Просто желание.

— Вы неплохо держитесь, — Хава словно почувствовала ее мысли, — сейчас перейдем дорогу, чуть поднимемся, и можно будет побегать. Я обычно прогулочным бегать не даю, но ваши лошади свежие, бегать любят, вы вроде в седлах сидите хорошо, да и в больницу ехать не понадобится в случае чего. Ну что — доверитесь своим зверям, всадники?

Саша кивает после секундного раздумья. Когда еще такой шанс выпадет? К тому же она очень удивится, если это не какая-то проверка от новой знакомой.

Миклош бросает на нее короткий взгляд.

— Да. Но без сюрпризов.

Хава усмехается.

— Мне не нужны новые проблемы, господа чародеи. И так своих хватает. Коль готовы — то хорошо. Я своего подниму в галоп, ваши пойдут следом. Если решите остановиться — поводья на себя, — это было явно сказано для Саши, — когда перейдете с галопа обратно на рысь, учтите, будет трясти. Лошади хорошо чувствуют всадников, этим вы по нраву, так что не бойтесь, не уронят.

Они перешли трассу, где сейчас не было ни одного автомобиля, и успели за разговором пройти немного по тропинке, ведущей в небольшую долину за поселком. Слева высилась гора, справа вдалеке — еще одна, а в небольшом пространстве между ними притаилось немаленьких размеров поле с еще не пожухшей до конца травой и несколькими тропинками, истоптанными конскими копытами и исхоженными людскими ногами.

Все изменилось без какого-либо предупреждения. Саша поняла лишь, что Хава со своим конем начала резко удаляться, за ней — Мика, а потом и ее лошадь перешла на ритмичную, но неприятную в своей неравномерности трусцу, во время которой и оставалось только что найти ритм и пытаться привставать в стремях... А потом и вовсе упасть в седло и сжимая ногами бока зверя надеяться на то, что он и правду не скинет, ведь трусца сменилась настоящим бегом. Движения стали ровнее, спокойнее, держаться теперь не стоило таких усилий. Но теперь, очевидно, всякая иллюзия контроля исчезла. Саша больше не правила

лошадью. Лошадь была свободна и бежала вперед с огромной сейчас по ощущениям скоростью, бежала, а всаднице и оставалось только, что держаться на ее спине.

Галоп выбил из головы все мысли. Осталось лишь желание держаться в седле, страх и восторг. Чистый, ничем не замутненный восторг от всего происходящего. От какой-то безумной свободы несущегося вперед зверя. Что-то очень древнее, очень первобытное. Доверие лошади, казавшееся просто неизбежностью во всем происходящем, превратилось во что-то иное. Благодарность? Удивление? Все сразу?

Ветер свистел в ушах, а в крови кипело что-то совершенно безумное. Трава, кое-где столь высокая, что доставала до стремян, смачивала обувь еще почему-то не исчезнувшей росой. Они неслись куда-то втроем, прочь от поселка, прочь от людей и прочь от всех сует и тревог. Лошадям не было дело до людских забот, и сейчас Саша могла разделить с ними восторг бега и свободы. На долгие мгновения она просто летела вперед, не думая ни о чем вообще. Наслаждаясь своим существованием, оставляя позади мысли о прошлом и все пережитое. Просто бежала, чувствуя ритмичные движение мощного зверя.

Увы, недолгий, галоп перешел в рысь, и в этот момент Саша едва не свалилась, с огромным усилием удерживаясь в седле, даже не прямо, а просто удерживаясь. Благо, рысь почти сразу сменилась шагом.

Хава остановила свою лошадь на небольшой полянке, где, судя по притащенным откуда-то пенькам, было что-то вроде промежуточной остановки. Здесь через Сашин восторг и радость пробивались и иные чувства. Например, жесткий, почти непроницаемый характер Грани вокруг, что не давал обратиться ни к какой магии. Она нахмурилась, смотря на Хаву. Девушка же беззаботно слезла со своего коня, привязав его к установленной в траве небольшому заборчику, кажется, существовавшему специально для этих целей.

— Неплохо держитесь. И вы, и лошади. Напоим их на обратном пути— пойдем чуть иной дорогой. Слезайте, не смотрите на меня так. Аномалий в этих местах немало, и мы в такой. Гульяз попросила сообщить вам информацию. Но делиться с кем-то еще, кто решит получить все даром с помощью банального подслушивающего заклинания я не хочу. Слезайте, не бойтесь. В любом случае вас двое, а я одинокая хрупкая девушка.

— Ты — ведьма, а не девушка, — отрезает Миклош.

— Каждая девушка — немного ведьма, — отмахивается Хава, — к тому же, сложно не быть ведьмой, когда твой любящий отец убил тебя на алтаре в пять лет, знаешь ли.

Всадница присаживается на пенек, задумчиво смотря на далекие горы, и достает из своего небольшого рюкзака пару сухарей.

— Дайте их своим коням, если хотите. Только на раскрытой руке и аккуратно, они могут укусить не со зла.

Саша берет горбушку и не без некоторого сомнения подносит ее к морде лошади. Конь фыркает и подцепляет угощение, пройдя мягкими, теплыми и немного щетинистыми губами по коже.

— Не ври, никто не обращает детей, — Мика треплет своего скакуна по шее, — не нужно нелепых историй.

— Папаше моему это расскажи, что не обращают. Посмотрю на его лицо, если жив еще, — Хава достала еще один сухарь и захрустела им сама, — свою спутницу спроси вон, думаю с ее силами она и здесь ложь почувет. Так, Александра?

— Думаю что да.

— Вот именно. Но давайте все-таки не обо мне. Я-то могу рассказать, как дошла до

жизни такой и почему лошадям верю больше, чем остальным, но не думаю, что вам это нужно. Можете довольствоваться мыслью, как злобная ведьма мучает туристов, заставляя их сидеть на галопирующих конях и потешаясь над их страхом, потому что ни на что иное у нее не хватает сил и мозгов. Мне все равно. Гульяз просила ответить на ваши вопросы — и я отвечу. А потом мы сядем на лошадей и отправимся обратно, и после того как дойдем до конюшни, надеюсь, никогда больше не встретимся.

— И почему мы должны тебе доверять? — Миклош скрестил руки, чуть нависая над колдуньей.

— Когда лошадь идет галопом, все что и остается — доверять ей. К тому же я могу задать тот же вопрос вам. Что в этой глуши делает юная девушка с силой, от которой ноют зубы за десятки метров и парень, который в седле сидит с умением не меньше моего, а выглядит как современный городской житель? У всех свои тайны, и я в чужие лезть не намерена. Меньше знаешь — крепче спишь и все такое. Так что задавайте свои вопросы. И не нависай надо мной, Василий. Я понимаю, что ты способен меня в бараний рог скрутить без всякой магии, что сильнее и вообще мужчина, и от тебя я и на лошади не уйду, не нужно и дальше показывать себя хозяином положения, ты им и так являешься.

Хава беззаботно захрустела сухарем.

Саша рассматривала девушку. Было в ней что-то... Помимо черноты. Наверное, не будь она колдуньей, ведьмой, мертвецом, охочим до силы, они могли бы и подружиться. Ну или просто хотелось так думать.

— Где найти Алену-оборотницу?

— О, вы к Бешеной? Интересно. У вас офлайн-карты есть или покрытие хоть какое-то сети? А то рассказывать как именно к ней идти — довольно утомительно, и все равно потом заблудитесь. И угадайте кто, по мнению вашего руководства, во всем виноват будет? Впрочем, вопрос риторический. Ну или, — Хага прищуривается, — могу завтра отвезти туда. На лошадях. Но не за просто так.

Саша поднимает бровь. Миклош скептически фыркает.

— Сделки с двоедушниками ни к чему хорошему не приводят.

— Чего ты хочешь? — Саша все-таки решает узнать, несмотря на явное недовольство Мики.

Хава усмехается.

— Я всю жизнь с лошадьми. Но как вы думаю знаете, господа чародеи, наше мертвое племя не умеет исцелять. Только передавать свою нежизненную силу, и то не слишком эффективно. На конюшне есть Герцог. Он пожилой и сердце уже не то. В прошлом сезоне он плохо справлялся, и хозяин намерен отправить его на мясо. Поможете — отвезу к Бешеной и поговорю с ней, чтобы без проблем все прошло. Вы же не смерти ее хотите?

Саша качает головой.

— Были бы из Обращенных — я бы не стала способствовать, ясно же что от мертвецов мертвецам добра не ждать. С чародеями по-разному, у вас хотя бы начальство есть и иерархия. Я не доверяю магам, но вы хорошо держитесь и лошадям верите, и они вам, а на это не все способны. Так что я поговорю с Аленой. Она живет в похожей аномалии, как здесь, только куда больше, и вам там сила не слишком поможет, если Бешеная сбежать вздумает. По лесам-горам будете искать ее до весны.

— И что ты хочешь, что бы мы сделали? Отговорили владельца коня на бойню сдавать? Ты знаешь, что ментальная магия незаконна? — шурится Миклош.

— Знаю, знаю, — миролюбиво поднимает руки Хава, — да мне оно и не нужно, никого отговаривать смысла нет. Подсобите Герцогу. Ясно, что бессмертие не дано зверям, даже тем, что людей лучше, но все-таки. Хозяин жаден, как узнает, что Герцог приносит прибыль, так проблема решится сама собой. И если я все правильно помню, ваши законы насчет магии приравнивают животных к предметам, так что если кто и узнает, то все равно вам за это только пальцам погрозят.

— Приравнивают в зависимости от последствий, — рассеянно откликается Саша, вспоминая старые постановления, — но никто из нас ни целитель.

Колдунья фыркнула.

— Ты смеешься? У тебя сил столько, что никакой специализации и подготовки не надо. Просто захотеть достаточно. И все. Я ж не проклятие какое прошу снять, хотя и на то бы хватило. Ты вообще все что хочешь сделать сможешь, так-то. А я не прошу никому вредить. Герцог немолод, но он не заслужил на бойню просто потому, что нагрузку не держит. Я бы выкупила, но денег нет сейчас.

Миклош только головой качает.

— И откуда такая доброта к скотине?

— Кому скотина, а кому — друг, — отрезает Хава. И поворачивается к Саше: — ну что, согласна?

— Если ты расскажешь про камень силы и колдунов, что тут были.

Хава качает головой.

— Я не расскажу. Не потому что не хочу, а потому что не знаю ничего. Мне тогда девять лет было, да и жила не здесь. Но если вы хотите что-то узнать обо всем этом, то вам тем более к Бешеной. Она-то рядом с камнем как раз и живет. Не то его охраняет, не то уйти не может. Не знаю я. Алена не любит общаться, хотя когда я помладше была мы получше ладили, и она как-то сказала, что уехала бы отсюда, если бы могла. И что знает о месте большой силы, которая для нас, мертвецов, бессмысленна. Вот и все. Колдуны приезжали давно, точнее, была пара колдунов, старик и его ученик, и пара людей с ними, вроде как. Мне Бешеная рассказывала, что мол приходили, правда зачем и для чего не говорила, так что я не знаю ничего больше. Но вполне возможно, что вам она что-нибудь расскажет.

Саша чуть склоняет голову.

— Ладно. Покажешь своего коня, только я никогда такого ничего не делала и обещать ничего не буду.

— Да и не надо обещать, — Хава явно приободрилась, — с твоими силами это несложная задача, если захотеть. Ладно, садитесь, поедем обратно, пока меня на конюшне не хватились и вам счет не выставили.

Обратный путь прошел быстро, пусть подуставшие лошади всего пару раз перешли на рысь, даже не пытаясь вновь пробежаться в свое удовольствие. Даже воду пили они, казалось, в ускоренном темпе.

На самой конюшне колдунья указала Саше на отдельно пасущегося черного коня.

— Герцог. Мерин со сложным характером, а болезнь его сделала еще более сложным. Но не бойся, он тебя к себе подпустит. Он всех подпускает, кто на других уже ездил, доверяет. Можешь пару сухарей взять.

Саша подходит к лошади. Герцог только чуть наклоняет голову, словно человек, рассматривая ее, и неожиданно фыркает, прикасаясь лбом к плечу.

— Он у нас немного странный. Но ты ему нравишься, — Хава усмехается, расседывая

коней, на которых они приехали.

Герцог, кажется, что-то чувствовал. По крайней мере, Саша могла поручиться, что в глазах коня была тоска с проблесками слабой надежды. Она до того могла хорошо различать человеческие эмоции, животные же, по крайней мере собачьи и кошачьи, были проще и чуть более тусклыми. Герцог же, очевидно, не был человеком, но сейчас Саше казалось, что его чувства, как и чувства, настроения других лошадей она ощущала куда лучше, чем настроение городских животных.

А еще она чувствовала усталость. Не разума, но тела. словно бы странная, но осязаемая тонкая сеть стянула что-то внутри этого живого существа, что-то важное. И эта сеть вытягивала все соки, все важное, нужное, необходимое для самого его существования.

Саша коснулась сети. Ее нельзя было вырвать, нельзя было вообще убрать по-настоящему. Странная сеть была частью самого зверя. Вырвать ее никак не удалось бы. Но можно было отдать ему это что-то важное. Силу? Жизнь? Надежду? Сеть все равно заберет свое, рано или поздно. Но можно сделать так, чтобы это случилось очень, очень поздно.

Саша примерно понимала, как это сделать. Это действительно было совсем не сложно. Не заклинание и не ритуал, что-то иное и, кажется, куда более древнее. Она просто влила силу, осторожно, не желая повредить. Здесь и сейчас, прикасаясь к теплой шее коня, Саша словно бы ощущала, как медленно наполняется что-то внутри самой сущности зверя. Что раньше что-то пытался наполнить его, но то были лишь капли. Сейчас она не могла залить туда все, что имела сама, не могла переполнить чашу жизни. Да и сколько не лей — влага все равно закончится. Но Саша могла отдать... Достаточно. Просто — достаточно.

И услышать благодарный вздох в тот момент, когда больше уже нельзя сделать.

Кажется, конь все понимает, смотря на нее полным благодарности взглядом. Хотя, быть может, Саше просто хочется так думать.

— Как я говорила — тебе достаточно желания.

Саша сглатывает.

— Он все равно...

— Да. Я знаю. От старости нет лекарств. Но это много лучше чем то что могу сделать я. Находите себе ночлег и завтра с утра приходите сюда, лучше с тем, что можно съесть в дороге и точно с тем, что можно пить. Идти надо будет целый день.

— Как нам знать, что ты не сбежишь? — стоящий у ограды Миклош выглядит по-прежнему не слишком расположенным к колдунье.

Хава же улыбается довольно мягко.

— Клянусь силой, что держит меня по эту сторону жизни, чародей.

Тихий шелест, пробежавший по Отражению, и подернутая рябью тьма, окружавшая колдунью, подтвердили обещание.

— У меня есть работа. Рекомендую остановиться здесь, — Хава указывает на одно из зданий неподалеку от конюшни, — цены вам по карману, лишнего не дерут, вопросов не задают. Хычины, бараний пашлык и вино рекомендую попробовать, как сувенир подойдет чай с травами, мед тут не самый лучший, по крайней мере в туристических местах. Увидимся завтра.

Хава взяла под уздцы коня, на котором сама недавно ехала, и повела куда-то внутрь конюшни, явно показывая что разговор закончен.

— Не нравится мне то, что приходится сотрудничать с ней, — пробормотал Мика тогда, когда они уже достаточно приблизились, идя по рынку, к указанной гостинице для того

чтобы не быть услышанными, — все колдуны одинаковы.

— Может быть. Но в одном она права, — Саша рассматривала товары вокруг, стараясь понять, стоит ли действительно покупать что-то на память и чем занять остаток дня.

— И в чем же?

— Если сидишь на летящем в галопе скакуне, то стоит ему доверять.

Миклош только вздыхает.

— Кстати, откуда ты так хорошо умеешь ездить на лошадях?

Парень качает головой.

— Я дворянин, Саша. В моем имении были кони, и я сел на своего первого тогда, когда еще грамоту не знал. Скачки никогда не были моим увлечением, но я держался в седле хорошо и не оставлял верховую езду даже когда стал заниматься иным делами, чем положено аристократу. Я отслужил в конном полку и даже один раз участвовал в баталии, хотя повторять этот опыт не горю желанием. И, как оказалось, несмотря ни на что, некоторая память старого тела все еще сохранилась.

— Ты должен меня научить. В Краснодаре ипподром есть, надо узнать что и как.

— Научу, — откликается Миклош, — как вернемся.

Если вернемся... Саша вслух это говорить не стала.

— Ладно, идем в этот отель и давай после поедим. Баранину я никогда не пробовала, а когда еще получится.

— Получится, и не раз, — Миклош усмехнулся, — не сомневайся. Но действительно стоит пользоваться моментом. Кажется, до завтра мы свободны, так что можем быть обычными людьми и просто наслаждаться жизнью. И местными кушаньями.

— Вот и я так думаю.

Глава 8

— Воду взяли? — Хава ждала их обоих на конюшне с самого утра, как и было уговорено.

Ждала и держала под седламитрех коней. Саша чуть улыбнулась, прикасаясь к теплему боку Бака.

— Да, — лаконично отвечает Миклош.

— Если перекусить с собой есть — хорошо, все равно останавливаться придется. Нет — ничего страшного, Бешеная вас накормит.

— Ты говорила с ней?

— Разумеется, — Хава усмехается, — иначе бы мы с вами набрели на пустой дом, скорее всего. Алена не любит гостей, живетуединенно, охотиться и иногда выбирается в Терскол, кажется, едва ли чаще раза в год. Да и в любом случае приходит в гости без предупреждения попросту некультурно. По крайней мере я так не воспитана. Ну что, готовы к поездке? Учтите, что самое сложное будет не сидеть на лошади, а потом с нее слезть и понять, что у вас есть еще мышцы, о которых вы даже и не знали, и они болят.

— Меньше слов — больше дела, — отрезает Миклош.

— А ты суров, чародей, — Хава усмехается и запрыгивает на свою лошадь. — Бегать сегодня не будем, путь неблизкий и особой спешки нет. Это только в кино галопом часами скачут, мне прокатных лошадей загонять не с руки. Так что вперед. Только потом не жалуйтесь на боль во всем теле, особенно кто к езде непривычен, — колдунья подмигнула Саше, — хотя, с другой стороны, стройности точно прибавится.

Если учесть, что сложению самой Хавы можно было только позавидовать, такой рекомендации можно было верить.

Путешествие Саше понравилось. Без всяких бы, даже постоянная тревога, подстегивающая внимательно следить за происходящим вокруг, своими и Миклоша щитами отступила меньше чем через полчаса от начала пути. Стоило только удалиться от поселения, направившись куда-то дальше в горы узкими тропками, как львиная доля переживаний вообще исчезли из разума. Расследования, убийства, Паук с ее, или его, как правильное называть Саша так и не решила, планами, темнота и грусть от увиденного в шахтах, воспоминания и тревоги — все медленно растворилось в настоящем. В размеренном шаге коня, в мягком, ровном присутствии леса и гор вокруг без всяких ярких цветных пятен и эмоциональных следов. Одна природа, древняя и первозданная, которой нет дела до людских тревог и для которой все эти переживания словно рябь на воде, — смотришь через пару мгновений, а уже ничего и нет.

Нечто похожее Саша уже испытывала — в тот далекий, хотя и не слишком, на самом деле, день, когда впервые прикоснулась к менгиру. Не во время самого прикосновения, а позже, ночью в странном сне-видении, где тот менгир был центром силы, недвижимым и спокойным. Сейчас вокруг было то же ощущение. Что быни происходило — горы остаются горами, а леса — лесами.

А лошади и вовсе живут своей жизнью без тревог о будущем. Просто живут и счастливы здесь.

— Хава, можно узнать у тебя что-то довольно бестактное?

После короткой остановки на лесной поляне для небольшого отдыха, легкого перекуса и

наслаждения холодной водой, благо магия, наложенная на бутылки для сохранения температуры содержимого работала безотказно, они продолжили путь. И Саша решилась спросить то, о чем хотела на самом деле еще вчера. Довольно бестактно, но слова жгли язык. Ну не убьют ее же за вопрос в самом деле.

— Когда я слышу эту фразу, тоэто значит, что сам вопрос мне не понравится, волшебница, — шедшая впереди Хава чуть повернулась, рассматривая Сашу оценивающе, — но в целом — спрашивай. Я вольна и не отвечать.

— Да, я понимаю. Просто... Ты — колдунья.

— Проницательное наблюдение.

— И хорошо ладишь с лошадьми.

— И это тоже проницательное наблюдение.

Саша замялась, не сразу сообразив, что Хава откровенно посмеивается над ее неловкостью.

— А ты ведь молода, волшебница, верно? Не думаю, что сильно старше меня, а в мире Затронутых и того меньше. Ладно, так и быть, приоткрою тайну. Они, — Хава потрепала своего коня по шее, — чувствуют не только кто ты, но и какой ты. И второе для них куда важнее первого. Поначалу, разумеется, сложно, но они быстро привыкают. А я привыкаю к ним, — колдунья чуть улыбнулась, — лошади, да и звери вообще, намного более искренняя и благодарная публика, чем люди. Все люди, и Затронутые, и нет.

Несколько минут они едут в тишине. Потом Саша решается продолжить разговор.

— А ты где-то училась ездить? Ну на ипподроме там...

— Где зверей гробят? Нет, разумеется. В самом детстве жила в небольшом городе с матерью, там конюшня была недалеко, вот и пропадала там все время, а когда сюда перебралась — продолжала около лошадей вертеться.

— И там звери... Не были против?

— Я была знакома с лошадьми еще человеком. Ребенком пропадала на конюшне соседей, — с некоторой грустью отвечает Хава, — и знала, как найти к кому подход. Так что не сразу, но лошади приняли меня и такой, какой я являюсь сейчас. Хотя иногда бывают сложности, ничего не сказать. Новички как видят меня — и свечку, и задки, и ржут как ненормальные. Потом только привыкают. Хозяин в шутку меня ведьмой зовет, но что тут поделать.

— А ты никогда не хотела... Все изменить?

Хава усмехается, оборачиваясь. Смотрит долго, сначала с раздражением, потом с явной тоской.

— Ты ведь правда молодая очень. Наивная — с такой силой... Вам разве не рассказывали, что Преломление необратимо? Все Обращенные — ходячие мертвецы. А мертвецов воскресить нельзя. По дурацкой прихоти судьбы такие как я, в детстве измененные, растут, как обычные люди. Кроме инкубов, те что женщины, что мужчины так навсегда детьми и остаются. А остальные — как люди. Разве что детей не имеем, кроме как оборотницы, и те — одного ребенка обычно и привязаны к нему всю жизнь, сколько бы отпущено не было. Увы, родителей не выбирают. Мать была против конечно, хотя и не все понимала, но отец, распаленный перспективами, все сделала по-своему, как-только сам со своими силами разобрался. Видать думал, что с дочерью-колдуньей у него в своемкружке оккультистов больше шансов перед главаремвыслужиться будет. Больше я его и не видела — мать меня забрала да увезла через полстраны, не вникая ни во что, как только увидела

алтарь. Видать решила, что у отца крыша отпавилась в полет. Хотя оно и понятно — куда людям в нас верить. Они даже если чудо около носа увидят все равно не поверят.

Видно, что Хава была не прочь побеседовать. Саше колдунья казалась разом сильной, полной какого-то природного жара, и при том с сожалением отстраненной от всего человеческого. Одинокой.

— То, о чем ты говоришь. Наверное, это тяжело вынести.

Хава усмехается.

— Я не помню иной жизни. Когда была младше, разумеется, пыталась всеми командовать. Плела интриги, хотела, чтобы мне завидовали, мальчиков в классе стравливала. Пыталась. Хотела власти — против природы-то не попрешь. Стала старше — пыталась и привороты делать, впечатлить всех. Хотела чтобы меня, дочь поварихи, любили и на руках носили, — усмехается колдунья, — но только лошади с псами и обожали за ласку и лакомство. А люди... Сколько не виться веревке, все равно кончик будет. Захотела в университет поступить, ветеринаром стать. И там решила впечатлить парня, показать, что умею, простенький ритуал провела, настолько слабый, что он сам и распасться должен был. Так, чтобы просто понравиться. Говорили мол, люди причем, что так уже кто-то до меня делал, рассказывали о ведьминских ритуалах в леске рядом. Ну мне любопытно стало. Нашла старую сеть, подпитала — так, ради баловства. Поймали меня быстро местные. Очень быстро, на пару зашли среди бела дня — и все, бежать-то некуда. В итоге пришлось документы забрать и вернуться сюда, благо знакомства были, и жить тут спокойно. Повезло, на самом деле, что меня не осудили ни за что. Местный орденец, имени не помню, но вроде как большая шишка, важный такой, спокойный, говорил со мной уже после того, как задержали. Объяснил, кто я, книг пару дал, контакты такой же общины колдунов, и в обмен на обещание, что я больше ничего подобного делать не буду, отпустил. Сказал только, что если я хочу обуздать свою природу, то нужно делать то, что мне не нравится и на людей внимания не обращать. Искать силу и мощь там, где я их уже нашла. Наверное, и правда так.

Саша задумалась, склонив голову.

Миклош вон говорил, что она все может. Но, действительно, Обращенные — живые мертвецы. Можно ли вновь вернуть их к жизни? Понятно, что никто не пробовал. Но ее сила... Есть ли от нее толк?

Ты можешь сделать многое, Знахарь. Выбирай осторожно желания, которые хочешь исполнить.

Было ли это правда послание Музы — или игра ее собственного воображения?

— Спасибо, что рассказала.

Хава кривовато усмехается.

— Люди не верят в нас. Чародеи смотрят с презрением, а другим Обращенным только дай повод впиться в глотку. Так что рассказать хоть кому-то, кроме лошадей, возможность выпадает редко. Не к психологу же идти, в самом деле. Хотя я как-то наткнулась на сериал, где сбежавший из ада Сатана к терапевту ходил и рассказывал про себя, а психолог все про символы и про образы. Но, увы, такое только в кино и есть. А то как-то был клиент, на Косы с ним ходила, все рассказывал о себе, своей профессии, по интернету, говорит, беседует, и людям помогает. Видать клиентов искал. Я и посмеялась про себя, представив, что будет, если правду расскажу. Не все о других знать надо.

— Пожалуй, — Саша кивает.

— Я у тебя ничего взамен спрашивать не буду, а то, чувствую, друг твой скоро меня за

врага считать будет, решившего, что в доверие втираюсь.

Саша уловила короткое возмущение Миклоша. Не самим предположением, а тем, что колдунья с легкостью разгадала его намеренья.

— Я два года людей по разным маршрутам вожу, с тех пор, как из аграрного университета и вылетела, так что хоть немного, но в их чувствах понимаю. Да и раньше не сказать, что совсем для меня человек терра инкогнито был, просто с животными проще. Сил у меня немного, но все-таки вместе с опытом неплохо помогает. Клиенты разные бывают. И убеждать, что я друг, смысла не вижу — каждый все равно при своем мнении останется. Тем более что идти осталось нам не так и далеко. Я вас около коновязи подожду — если решите обратно верхом ехать. А если нет — скажите, и сами уже отсюда выбирайтесь. Только из аномалии выйти надо будет, а там уже идите куда хотите, вам, чародеям, пути Глубины открыты всегда.

— Да, а вам, колдунам, убить для этого кого-то надо, — откликается Миклош.

— Не обязательно убивать. Из того, что я знаю. Сама не пробовала, уж извините. Но то, что для вас обыденность, для нас — часы подготовки к ритуалам, десятки компонентов и заемная сила, без которой мало что получается. Вот такая вот власть над всеми вокруг.

Саша вздрогнула, чувствуя, как Отражение вокруг неожиданно уплотнилось, давя со всех сторон, словно промышленный пресс на малой мощности.

— Что это?

— Аномалия, — просто откликается Хава, — мы довольно близко к цели.

Миклош поморщился. Саша ощущала, как воздух стал густым. Все вокруг давило, словно она вдруг оказалась на морском дне. Ныли зубы. Даже до того смирная, и, казалось, уже уставшая лошадь начала беспокоиться.

— А на вас, я смотрю, это сильно действует, — Хава констатирует факт, — видать в бытие чародеем есть свои минусы. Ладно, мы на месте. Вон направо тропинка, там дом. А я вас здесь подожду, — она кивает на коновязь на краю появившейся из-за поворота дороги поляны, — мне чужие секреты не нужны.

Саша с трудом спешивается. Тело и правда болит в самых неожиданных местах.

Несколько секунд она ловит ртом воздух, согнувшись, потом поднимается.

— Саша, ты как? — Миклош кажется бледноватым, но хотя бы ровно стоит на ногах.

Саша тоже разгибается, но не без усилий.

— Жить буду. Наверное.

— Может, уйдем?

— Мы сюда долго добирались. Пошли, аномалии смертельными не бывают. Вроде как.

— Никто их не изучал.

— Ладно, давай думать о хорошем, — Саша не очень шустро, но все же направилась по указанной дорожке, в конце которой и правда был виден небольшой охотничий домик. — Надеюсь, хозяйка дома.

Хозяйка оказывается дома. Точнее, сидит на пороге в окружении двух здоровенных волков и с двустволкой на коленях. Обычная русская женщина с черными короткими волосами, худощавой фигурой и удивительно подходящим ей камуфляжем.

И с цепью, обвивающей шею.

Саша, когда понимает то, что видит в Отражении, сбивается с шага, смотря во все глаза. Мир вокруг давит, ее мутит, но то, что открывается взору, вызывает большее омерзение. Саша прислушивается к своим чувствам.

Мир давит. Давит. А где-то тут, недалеко, она чувствует боль. Не свою боль, боль камня-менгира, боль словно живого существа, проткнутого насквозь отравленной стрелой, из которой истекает яд, травя все вокруг «аномалией». И эта стрела каким-то отвратительным способом связывает живое существо, оборотня, эту женщину, с этим местом. С камнем, отойти от которого она может крайне редко и с огромной болью.

— Я договорилась встретиться с вами по просьбе Хавы. Говорите в чем дело, маги, и проваливайте, — голос женщины жесток.

— Мы хотим...

— Избавить вас от цепи. А взамен вы поможете нам найти свою сестру, — выпаливает Саша.

На секунду на поляне устанавливается оглушающая тишина. Потом оборотница неожиданно начинает хлопать в ладоши.

Выглядит это настолько нелепо, что Саша замирает, борясь с тошнотой. Женщина, закончив аплодисменты, поднимается на ноги.

— Вы заходите с козырей, нежеланные гости. Что ж. Коротко — и по делу. Силенок-то хватит?

Саша кивает. Отражение давит на разум, но все же она уверена — это возможно. Это нужно. Менгир отравлен, и ему больно так же, как было бы больно любому, в чьей крови бродит яд.

— Мне нужно будет прикоснуться к камню, к которому привязана цепь. Но я справлюсь.

— Что ж. Не каждый раз ко мне приходят маги с такими заявлениями. Нечасто вообще приходят маги. В прошлый раз ублюдок Андрей и вовсе накинул на меня эту дрянь, узнав, что я не собираюсь гнуть перед ним спину и идти в вассалы. И вы утверждаете, что можете ее снять.

— Могу. Андрей — Боготов?

— Да. Ублюдок, — оборотница словно бы прорычала последнее слово, — гордец и тварь.

— Он мертв.

— Да? А я еще здесь.

Саша качает головой.

— Цепь запитана на камень и поддерживается его силами.

— Тебе-то почему знать?

— Знаю. Могу пообещать, что помогу и не причиню вреда.

Алена смеривает ее взглядом.

— Обещай. И за себя и за спутника. Тогда проведу обоих.

Саша переглядывается с напряженным Миклошем.

— Если вы нас не тронете и расскажете, как найти Светлану.

— Обещаю. Если снимите цепь.

— Тогда и я обещаю, что ни я, ни мой спутник не причиним вам вреда намеренно.

Отражение взволновалось, принимая клятву. По голове пронеслась короткая боль.

Оборотница еще раз смерила их взглядом.

— Вы оба или хитрецы, или глупцы, и я не знаю, что хуже. Но к камню отведу, коль забрались сюда и разбрасываетесь обещаниями, — она вскинула ружье на плечо, — не отставать.

Камень был недалеко от дома оборотницы — если верить каким-нибудь абстрактным гугл-картам. Если бы конечно спутник вообще заснял бы этот дом. Но на деле, если мерить шагами, то для Саши прошла вечность до тех пор, пока они не добрались до находившегося в глубине леса валуна. Сейчас он зарос мхом и внешне никак не выделялся от других камней, которые порой можно найти в подобных местах.

Вот только Саше, которой и так казалось, что она вот-вот лишится чувств, здесь стало еще хуже. Хотя хуже, казалось, вообще некуда.

Но она ошибалась.

Едва дойдя до менгира она просто рухнула на колени, касаясь рукой холодной, почему-то неприятно-скользящей поверхности.

Камень силы. Камень, которому поклонялись поколения и поколения. Камень, что почти имел подобие человеческого разума. И камень, который чужая прихоть расколола, извратила и изменила, запятнав его суть.

Саша закрыла глаза, погружаясь в собственные ощущения. Магия этого менгира была отравлена. Кто и как это сделал она едва ли могла понять, но понимала только, что камень страдал. Именно его боль, его слабость отдавались в его собственном разуме. Где-то там, в глубине, под мхом, под почти исчезнувшими линиями силы, в сердце камня, если бы у него было сердце, торчала черная, отвратительная заноза, отравлявшая все вокруг. И не просто торчала — она была словно бы полый внутри, заставляя силу, заключенную в камне, толчками, как кровь, вырываться наружу, измененной и извращенной. Уничтожающей все вокруг, изменяющей Отражение на метры, растекающейся куда-то в бесконечные глубины Изнанки, за Грань, дальше и дальше...

Именно эта измененная сила, сила, ставшая сама не то артефактом, не то постоянно существующим заклинанием, не то природным явлением, не то творением человеческих рук в виде отравляющих мир ядовитых стоков при производстве важных и нужных лекарств, теперь держала за горло в самом прямом смысле Алену-оборотницу. Ошейник впивался в кожу, невидимый никому, кроме того, кто владел силой менгиров и того, на ком он был. Ошейник раба.

Саша силой менгиров владела. Она могла все. Или почти все.

Саша коснулась черноты. Стрелы, пронзившей сердце камня. Трубы-занозы, по которому текла отравленная сила. Измененного фрагмента, нарушающего гармонию. Ненужной сейчас детали. Коснулась — и рванула прочь в сторону, чувствуя, как по телу начала разливаться боль и жар, идущие откуда-то изнутри грудной клетки. Рванула, оттягивая, стараясь вырвать, убрать, напрягая все силы...

Перед глазами заплясали красные пятна. Саша сжала зубы, продолжая вытягивать измененный кусок прочь. Жар усиливался и усиливался, она старалась только не сорвать дыхание, пропуская с каждым ударом сердца через тело огромную, невероятную силу. Силу двух других камней, устремившихся на помощь собрату.

В один миг Саше казалась, что она не выдержит. Что напряжение слишком велико. Что воздуха нет, что остается только жар, только усилие, и...

И чернота поддалась. Вылетела прочь. Стрела исчезла, труба растворилась, а дыра на месте ненужной, измененной, чуждой части менгира начала стремительно заполняться

чистой силой, хранящейся в камне. Силой, хлынувшей в Сашин разум и тело быстрее, чем она сумела ее остановить или хотя бы к этому подготовится. Хлынувшей на место всего, что прошло сквозь нее только что, и этот поток был мучительным, сметающим все на своем пути, уничтожающим ее саму, разрывающий на куски. Был...

И закончился в один миг.

Саша с трудом осознала, что все так же стоит на коленях около камня. Что она тяжело дышит, что по спине течет пот, а из носа и, кажется, ушей — кровь. Но сила больше не проходит сквозь нее, не пребывает и не убывает просто потому, что ее рука больше не прикасается к холодному мху.

Потому что Миклош стоит рядом на коленях, удерживая ее за запястья, и лицо парня искажено разом столь сильным страхом и решимостью, что на секунду Саше становится стыдно за произошедшее.

Но стыд уходит. Как уходит отовсюду и давящая аномалия Отражения, как распадается, падая и растворяясь в этом падении невесомыми кусками черноты ошейник с шеи Алены.

— Как-то так, — слов нету, как и вообще хоть каких-то внятных мыслей. Но что-то сказать нужно, — спасибо, М... Вася. Кажется, я увлеклась.

— Не то слово, — Миклош бледен, и он с тревогой всматривается в Сашино лицо, — как ты?

— Нормально, — Саша с трудом, но поднимается, едва не падая. Точнее, падая, просто Мика успевает удержать ее за плечо, — я выполнила свою часть сделки.

Кажется, Алена выглядит откровенно шокированной. Но кивает.

— Теперь ваш черед.

— Да. Идем в дом, я все расскажу.

— Если это еда, — а ей определенно хотелось чего-то сладкого, — или чай... Пусть Хава будет с нами.

На лице Миклоша явно было сомнение. Но у Саши как раз сомнений не осталось. Ну или она просто хотела думать, что так будет правильнее. Думать вообще было тяжело. Сотни, тысячи образов и мыслей вертелись в голове, вызывая боль и усталость. Чесалось запястье и Саша, с удивлением посмотрев на руку, увидела, как узор браслета медленно пульсирует словно бы в такт ударам сердца.

Почему — она даже не стала задавать себе вопрос. Просто утерла, как могла, платком кровь, и медленно побрела за Аленой в дом, надеясь, что Миклош договорится с оборотницей, и ей не придется открывать рот слишком часто.

Охотничий домик был маленьким. Даже умывальник — у крыльца, с холодной водой и без зеркала, так что приводить себя в порядок пришлось наугад. Отражение вокруг хотя бы становится словно бы с каждым ударом сердца все менее и менее плотным, и Саша этому невероятно рада. Она не уверена, что смогла бы выдержать прежнее давление.

Она заканчивает оттирать кровь и просто стоит, опираясь на умывальник, когда ощущает слабое, искаженное расстоянием, но все же осязаемое прикосновение к сознанию. В нем нет образов, или ей их просто не понять, но сам контакт, кажется, хотя бы немного ослабляет боль в черепе.

Спасибо.

Саша не уверена, что наставник поймет ответ. Но надеется на это.

Она хотела бы стоять так вечность, медленно приходя в себя, но вечности у нее нет. Только слабость и необходимость закончить начатое.

Нетвердыми шагами Саша заходит в дом, где за столом уже сидят и Алена, и Хава, и по-прежнему напряжённый Миклош.

Прикосновение к разуму становится осмысленным. Не совет, не то подсказка: чай и сладкое.

И на столе в небольшой кухоньке, завешенной шкурами, есть и то, и другое. Да и в любом случае Саша не думала отказываться от предложенного угощения. К тому же чай и правда хорош, а пить его рядом с лежащими прямо на полу здоровенными и кажущимися сейчас вполне счастливыми взрослыми волками — отдельные эмоции. Жаль, что сейчас она не может до конца оценить красоту момента из-за огромной просто усталость.

— Мы свой уговор выполнили, — Миклош берет слово, — и ждем твоего рассказа, оборотень. И о том, откуда цепь тоже хотим узнать.

Алена улыбается. Одними губами. И вновь, как и когда-то давно, Саше кажется, что она видит волчьи клыки.

— А что рассказывать? Жила себе жизнь, да сестренка решила приключений поискать, подвизалась к ублюдочному Андрею в его проект неисправимого романтика. Рай на земле, чтобы и нам, и людям, и волшебникам разом жить и не тужить. Вначале все хорошо было, но больше одного Затронутого на три десятка людей никогда не было хорошей идеей. Началась грызня за власть, и ублюдок решил всех посадить на вассалитет, чтобы неповадно было, а кто не захочет и не согласен с его ролью отца в семействе, тому — клятва о неразглашении и дорога прочь. Сестренка-то моя ему в рот смотрела, уж не знаю почему, и согласилась. А я послала ублюдка прочь и отправилась куда подальше. В итоге как-то так сложилось, что сюда и попала. Места глухие, местных мало, никого не волнует что происходит в округе. Камень этот забавный, нормальный был еще, никому не нужный. Иронично, что у ублюдка в общине такой же был. Я и подумала — поселюсь рядом, и быть может кому узнать о валуне полезно будет, и мне с того прибыток. Хотя, забегая вперед — никто и не поинтересовался, пока колдуны не пришли. Ну да ладно. В общем все было прекрасно до тех пор, пока Светка мне не написала. Не знаю, где адрес нашла, но нашла. О том, что у нее дочь есть, волшебница. У нее — дочь, — Бешеная фыркнула, — и дочь-маг. Вы неспособны понять привязанность волчицы к волчатам, особенно если волчонок всего один и больше не будет. А у нее был не волчонок даже, а тигр. Или и вовсе — орел. Птица иного полета. Маги не ровня нам. Сестра была счастлива, хотя и понимала, что рано или поздно ей придется исчезнуть чтобы ее дочь могла найти свой путь в мире, не оглядываясь на мать-Обращенную. Светка раздумывала о том, не стоит ли оставить ребенка Ордену, чтобы дочь росла среди равных с малых лет.

Оборотница сделала несколько глотков чая. Никто не спрашивал и не перебивал. Саша молчала, стараясь смаковать вкус конфеты, Миклош слушал и явно думал о чем-то еще, а Хава и вовсе притихла, словно боясь помешать.

— Для любого из нас оставить свое дитя — тяжелое решение. Но сестра понимала, что в общине ее дочь наверняка станет разменной монетой во всех интригах, что само обучение родившейся волшебницы, само ее Становление будет предметом торга. И в тот момент Света хотела уйти. Муж ее поддержал... А ублюдок не отпустил. Запретил, как сюзерен вассалу. Тварь. В итоге мы со Светой долго все обсуждали, пытались найти выход, и с каждым разом получая ее письма я понимала, что сестра начинает оправдывать все происходящее. Что мол ребенку будет лучше с ней там, что Орден ее испортит и все остальное... Эта тварь промыла ей мозги. И я написала самому Андрею тогда, когда кончилось терпение. Надавила сама.

Ирония была в том, что беря с меня клятву, эта мразь сформулировала ее так, что я не могла рассказать никому об общине, о тех, кто там живет... Но не о ребенке, который тогда еще не родился. И я знала, как разыграть эту карту. Вот только ошибочка вышла. Ублюдок перехитрил меня. Прислал сюда пару своих разведчиков, те что-то сделали в Тырнаузе — и им указали на камень. Я не делала из этого камня большого секрета, донесла мысль о нем до Гульяз чтобы не иметь проблем с местным Орденом, и она расплатилась этой информацией за услугу колдунам. Вот только эти самые колдуны пришли не одни. Андрей был с ними. Уж не знаю, как он узнал о камне, но он узнал, и когда его прихвостни добыли точные координаты, явился собственной персоной. Якобы на «переговоры». Вот только переговоры закончились быстро. Мне вообще-то казалось, что ублюдок что-то другое хотел сделать, он на камень кровь лил, но результата не получил, только захрипел и выглядеть стал, как свежий труп. В итоге только одел на меня эту цепь, обвесил клятвами да свалил в закат, оставив тут гнить до скончания веков. В назидание прихлебателям, так сказать.

Саша наливает себе еще чая. Руки, надо признать, порядком трясутся. Но с конфетами и теплым напитком вместе с по-прежнему ощутимым контактом она по крайней мере не рискует свалиться в обморок прямо здесь и сейчас.

— Вот и вся история. Цепь давала мне выбираться к людям едва ли не реже раза в год, иначе в шею врезалась как проклятая. Так что сделали из меня сторожевого пса, — хмыкает Алена. И поворачивается к Хаве, — ты прости, девочка, что я редко с тобой разговор заводила. Ты — колдунья, а воспоминания — штука гадкая. Знаю, что зла ты мне не желала, да и никому не желаешь. Как ты из города вернулась — на сердце потеплело, подумала уж навсегда там в камне и останешься. Но уж больно эта гадость на шее жить мешала, да и место, из которого не выйти, гиблое.

— Аномалия должна исчезнуть, — негромко говорит Саша.

— Да. Я чувствую, — чуть улыбается Алена, — чувствую. Ладно, давайте дальше вопросы. Особенно если хотите сегодня же в обратный путь и вернуться до темноты.

— Светлана, — Миклош сцепляет пальцы в замок, — как нам ее найти?

Алена оглядывает Миклоша и Сашу тяжелым взглядом.

— Я вам отвечу — я дала обещание. Но сначала вопрос — зачем она вам?

— Это к делу не относится, — Миклош качает головой.

— Она по нашим данным убила троих Затронутых, — говорит Саша негромко, — работает на очень нехорошего мага и носит при себе смертельно опасный артефакт.

Алена тяжело вздыхает.

— А я ведь предупреждала, что община не до чего хорошего не доведет. И вот результат. Хорошо. Я расскажу вам, где искать сестру. Но при одном условии...

— Обещание, — перебивает Миклош.

— Хорошо. При одной просьбе. Собственно, у меня есть адрес, куда Света сказала отправлять письма. Но если это тупик, а это почти наверняка тупик, то есть еще вот это, — Алена поднимается и достает откуда-то с верхней из полок, висящих у печи, небольшой кожаный ремешок с вплетенной по центру бусиной, — не знаю уж, откуда его сестра достала, но это работающий амулет-ориентир. Сама мне прислала. Думаю как пользоваться вы поймете.

Миклош кивает.

— А просьба... Если Света все сделала, как вы сказали, то Закон говорит однозначно о том, что бывает в этом случае. Я понимаю. Но если будет какая-то возможность... Я не знаю

честно говоря, жива ли ее дочь еще. Но в любом случае — если сможете, не отправляйте Светку за Грань. Она много ошибок наделала, но все же. Да и если Аня жива, то поверьте, сестра на все пойдет чтобы ее защитить. Как умеет. Пусть дитя без матери не остается. Я знаю, что не имею права ничего с вас требовать. Это просто просьба.

Саша кивает.

— Мы постараемся избегать крайних мер. Но ничего не обещаем.

— Я понимаю.

Остаток чаепития проходит молча.

— Если вы хотите вернуться до темноты, то вам нужно будет ехать, — когда чай заканчивается, Алена поднимается из-за стола и достает откуда-то с полки по большому когтю в медной оправе, — держите, маги. Это когти медведя. В них нет магии, но пусть его сила будет с вами.

Саша кивает, со смешанными чувствами принимая подарок. Медведь в лесу... Дважды. Теперь вот — в третий раз.

Уже у двери Света окликает Хаву.

— Ты, колдунья, приходи, как время будет. Поболтаем. Я думаю, может переехать куда, где и лошади будут, и никто не достанет. А коня твоего выкупим, есть у меня, что продать.

Хава несмело кивает.

— Вот и хорошо. Буду ждать.

Обратный путь проходит в тишине. Саша то задремывает, сидя в седле, то просыпается. Кажется, спать она умеет не только в машине. Ну или усталость просто берет свое. Все это время она чувствует слабую пульсацию в браслете, хотя толком и не может, да и не хочет понимать того, что происходит с артефактом и что происходит с ней самой.

Возвращаются в отель они уже в темноте. Саша едва слезает с лошади, с трудом стоя на ногах, и медленно доползает до номера. На кровать она просто падает, не раздеваясь, и не то засыпает, не то теряет сознание.

Сниться ей поляна, костер и что-то негромко говорящий на незнакомом языке Человек в Черном. Его речь непонятна, хотя в ней есть и укоризна, и странная мягкость, обволакивающая разум. Здесь, рядом с огнем, влекомая спокойным голосом, Саша засыпает вновь.

Просыпается она ближе к полудню, порядком разбитая, но, по крайней мере, сносно соображающая. Усталость никуда не делась, но головная боль почти полностью утихла. Саша чувствует каким-то особым образом, что где-то глубоко внутри появился еще один поток силы, пусть прикасаться к нему физически больно.

Браслет на руке больше не пульсирует, и Саша, как может, пытается отправить благодарность Карине, без всякой уверенности в том, что волшебница ее услышит. И после касается связи, контакта, что по-прежнему приносит тепло.

Спасибо. Я знаю, что не нужно было. Но я не могла иначе.

Понимаю. Сейчас постарайся не использовать магию без нужды. Ты провела много силы, очень много, и из-за присоединения после еще одного потока едва не выгорела. Это очень опасно. В ближайшие месяцы тебе вообще не стоит активно пользоваться силой менгигов, слишком велик шанс уничтожить себя изнутри.

Я постараюсь.

Не лезь на рожон. И возвращайтесь в Краснодар.

Да. Сегодня отправимся.

Хорошо. Возвращайтесь.

На обратном пути Саша спит и в такси, и в автобусе. Во снах есть лишь костер и тепло. И слабая надежда на то, что она все сделала правильно.

Все расстояния когда-нибудь в круг замыкаются.

Глава 1

— Не нравится мне все это.

— Что именно? — Миклош обвел глазами привокзальную площадь, с которой сейчас, по большому дождю, смыло почти всех пешеходов, оставив лишь автомобили да общественный транспорт.

Саша дернула головой, словно пытаясь убрать надоедливый звук, поселившийся в черепе. Безуспешно — тревожащее, раздражающее ощущение никуда не делось. Стоило только проснуться, подъезжая к городу, как тревога прокралась в разум и не покидала его.

— Что-то происходит, Мика. Или скоро произойдет. И мне это не нравится. Думаю, мне стоит уехать из города. Прямо сейчас, — Саша закинула только рюкзак поудобнее, развернулась и направилась к зданию автовокзала. У нее не было каких-то идей лучше, чем сесть на самый близкий по времени отправления автобус отсюда. Именно на автобус, поезд казался определённо плохим решением.

— Мы только приехали. Ты уверена?

Саша усмехается. Кажется, Миклош задает этот вопрос слишком часто.

— Нет. Никак нет. Но это то, что я сделаю.

Станным, смутным ощущением она чувствует отголоски собственной тревоги в связи. И одобрение решения.

— Может, лучше связаться с наставником или с кем-то еще? У нас есть ориентир, мы можем...

— М... Вася. Слушай. Я не знаю, что именно происходит. Но что-то происходит. Если я ошибаюсь — то просто скатаюсь куда-нибудь еще южнее и вернусь.

— А если нет?

— А если нет, то тогда тем более стоит действовать прямо сейчас.

— И ты опять никому ничего говорить не хочешь.

— Не хочу, — Саша кивает, пытаясь разобраться в собственных ощущениях, — это может быть опасно.

— Опасно? В чем опасность того, что мы все расскажем людям, с которыми вместе разбираемся с этим делом? Они нас не тронут.

— Опасно не для нас, Мика.

— Что?

— Я не знаю, — Саша доходит до касс, кидает взгляд на табло, — один взрослый до Симферополя, пожалуйста.

— Два.

— Вася...

— Я с тобой, и это не обсуждается.

Саша оглядывает парня — и только качает головой.

— Это не твое...

— Саша.

Под твердым взглядом она несколько тушует. Уверенность Миклоша очевидна, как и то, что спорить он будет до последнего, и если что — просто поедет следом.

Что-то тянется к ней через Отражение. Что-то неприятное, что-то склизкое, словно бы

какое-то неприятное, проворное щупальце, с неутомимостью гончей пытающееся дотянуться, прикоснуться своей отвратительной плотью... Саша словно бы чуть смещается. Только в Отражении, не двигаясь в реальности, смотря пустыми глазами на то, как кассир пробивает билеты и отсчитывает сдачу, возвращая паспорта.

— Саша, — тихо говорит Мика на ухо, — кто-то ищет тебя.

— Да. Я заметила.

Саша забирает билеты и отправляется к посадочным площадкам. Автобус еще не подъехал, хотя время отправления скоро наступит. И желание уехать из города только усиливается.

К одному тянущемуся к ней щупальцу прибавляется второе. Саша вновь отодвигается, сейчас пытаюсь возвести между ней и колеблющимся на Изнанке отростками плоти словно бы невидимую стену. Уйти от внимания, стать незаметной для тех, кто почему-то решил найти ее.

Миклош выглядит напряжённым, рассматривая что-то поверх ее плеча.

— Думаешь, меня потерял Орден? — Саша пытается перевести все в шутку.

Миклош лишь качает головой.

— Это Ловчая сеть.

— Сеть? Это не выглядит как сеть.

Мика только поднимает бровь.

— А как выглядит? Ладно, не столь важно. Саша, это то самое заклинание, которое нужно было использовать для поисков Алены, если бы мы решили просто принудить ее к сотрудничеству. Теперь понимаешь, почему я говорил, что оно заметно?

— Да уж. Действительно заметно. Так, подожди, — Саша нахмуривается, — выходит, или кто-то очень не воспитан, желая таким образом меня обнаружить, или...

— Или тебе предъявлены обвинения.

— Черт. Ладно, этого следовало ожидать рано или поздно.

Пассажиры до Симферополя приглашаются на посадку к третьей платформе. Пассажиры до Симферополя приглашаются на посадку к третьей платформе.

— Идем. Расстояние должно помочь уйти от Сети, — Миклош словно не секунду о чем-то задумывается, — только голову не поднимай.

Саша решает не спрашивать, почему. Просто доходит до нужной платформы, становится в очередь — и вздрагивает, понимая, что спрашивать уже и не нужно.

Худого человека в рубашке и шортах она выделяет из толпы сразу. Не только потому, что он идет, чуть прикрыв глаза, но и потому, что именно от него расползаются во все стороны отвратительные щупальца заклинания поиска. Сейчас ее стена, ощущаемая на Изнанке как что-то словно бы искажающее мир, отделяет отростки магии, бестолково мечущиеся вокруг, от цели.

Что случится, если эти щупальца к ней прикоснутся даже думать не хочется.

— Не смотри на него, — шепотом говорит Миклош на ухо.

— Почему?

— Почувствует внимание. И узнает без всякой магии. В лицо.

Мужчина явно направлялся к ним. Саша догадывалась, что защита, хотя и не давала магии обнаружить ее местоположение, все же была каким-то образом заметна.

Она прищурилась на секунду. Протянула в реальности билет водителю. А в Отражении потянулась к самым дальним от себя поисковым щупальцам, позволяя именно им словно бы

попробовать на вкус магию. Свою магию.

И в тот же миг вновь оказалась мыслями около контролера, отдающего ей в руки билет.

Что именно она сделала нельзя было объяснить толком словами. Совершенно точно нельзя. Это было так, словно бы Саша на секунду оставила где-то совершенно в другом месте своего двойника. Не настоящего, а лишь обманку, слепок, след собственной магии, который теперь с упоением обвивали щупальца, нашедшие то, за чем были созданы.

Худой мужчина, которого Саша все еще могла видеть из автобуса, развернулся и быстрым шагом направился к противоположной части вокзала. Прямо к обманке.

Водитель завел двигатель, и с громким урчанием автобус откатился от перрона, постепенно набирая скорость.

Миклош расслабился только тогда, когда они свернули на улицу Мира, отъехав от вокзала на несколько кварталов.

— Никогда не думал, что увижу как кто-то перехитрил Ловчего.

— Ловчего?

Миклош кивает.

— Вадим его зовут. Ни отчества, ни фамилии, прозвище только. Угадай, за что дали.

Саша сглатывает.

— Я, честно говоря, не думала даже, что это сработает. Просто хотела как-то отвлечь его, иначе бы подошел близко. И что-то мне подсказывает, что просто защитами, как на заправке, отделаться бы не удалось.

Миклош задумчиво кивнул.

— Думаю, Вадим не рассчитывал, что ты сможешь создать Подобие, вот и отвлекся. В общем-то это довольно сложная магия, не та, которую можно просто в Ордене изучить, особенно на стандартном курсе.

— Подобие? Это какие-то определённые чары? Просто я про это ничего не знаю, — Саша несколько растерянно смотрит на парня, — просто захотела отвлечь его, подергав за самые дальние щупальца поиска этого, чтобы к нам не подошел.

— Просто захотела... — Миклош усмехается, — сила, Саша, обличает наши хотелки в воздействия. Даже в высшие воздействия — если этой силы много. Вопрос немного не в этом...

— А в том, какого черта он искал меня. Ты знаешь этого человека?

— Только то, что он работает на Совет. Раньше в Петербурге, теперь я думаю, что из москвичей.

— И ты думаешь, он работает на Паука?

Миклош качает головой, задумчиво рассматривая дома и машины, проплывающие за окном.

— Я не знаю. Раньше наш враг, кем бы он ни был, не слишком явно пользовался административными ресурсами. А Ловчий всегда имел репутацию сложного, но честного человека, я не знаю, что могло заставить его работать на преступника. Анастасия из Совета нашли и упокоили, так что или это очередной сложный план с подставными лицами, или...

— Или что-то изменилось. Очень сильно изменилось.

Словно в подтверждении этих слов в кармане завибрировал телефон, оповещая о входящем сообщении.

На удивление это было письмо, пришедшее на электронную почту. Саша понятия не имела, кто его отправил, и на секунду замерла в раздумьях.

— Открывай. Думаю, если понадобится, новый аппарат можно будет купить.

— Пожалуй, — Саша чуть улыбнулась и кивнула. И открыла письмо.

Никакого текста в нем не было. Только один вложенный файл, который на деле оказался служебным предписанием. Саша пробежала его глазами — и тяжело вздохнула, чувствуя, как строки сухого канцелярского языка врезаются в разум.

Александру Неродову задержать по обвинению в убийствах... город Анапа... ввиду общественной опасности предварительное оповещение подозреваемой не проводить... при задержании использовать полную изоляцию от магии... нестабильное психическое состояние... силовой невроз,отягощенный сложной личностной историей... потенциальная опасность класса альфа... общественная безопасность... с местным отделением не сотрудничать ввиду заинтересованности... при невозможности задержания — устранить.

Саша предполагала, что этим все и закончится. Чувствовала.

— Сашка, что такое?

Ее расстройство было явно написано на лице. Говорить не хотелось, особенно отвечать на участливость Миклоша. Знал бы он, с кем связался... Саша просто толкает телефон парню.

Теперь она опасна для всех.

Саша хотела стать оперативником. Даже числилась сейчас таковым в роли стажера. И процедуру, которую сопровождала записка, знала. Задержание особо опасных преступников действительно проводили без предварительного оповещения в том случае, если предполагалась, что известие о собственном аресте владеющий магией расценит не слишком хорошо. Не слишком — с массовыми жертвами, побегами на другой край мира или взятием заложников. Бывало всякое, и, разумеется, для волшебника шансов уйти от правосудия было намного больше, чем для обычного человека. К тому же для могущественного волшебника, способного ходить по Глубине хотя бы на небольшие расстояния не было проблемы с тем, чтобы сбежать быстро и далеко. В Ордене не было ресурсов на то, чтобы даже в Краснодарском крае под каждый камень заглядывать, что уж о стране говорить.

От поисковых ритуалов можно было оградиться, внешность можно было изменить нелегально, без всяких записей, и после сбежать куда-нибудь где Ордена нет и не появится. В глушь, и жить там вдали и от магического, и от человеческого правосудия. Так что существовала процедура, при которой внезапность ареста, во время которого использовалось полная изоляция от магии, была необходимостью. Негодяя сначала скручивали в бараний рог, а уже потом поясняли за что, собственно, его скрутили.

И именно это и собирались сделать москвичи. Саша видела входные данные предписания, оно шло от московского совета к московским же исполнителям. То, о чем ее предупреждали в Анапе. Если вмешается головной офис, то все станет сильно сложнее.

И что хуже всего — теперь, после ее, по сути, побега с вокзала, под ударом оказывались все. Мика, Серафим, Карина, Михаил Ефимович, возможно — и близнецы... Все, кто бы хоть как-то с ней связан могут быть подвергнуты допросу, и если их ответы окажутся неудовлетворительными или их и вовсе не последует, то обвинение в содействии особо опасному преступнику будет означать лишение силы. Смерть для любого долгоживущего мага или того, кто сильно зависит от магии. Например, того, кто переселился в другое тело...

Когда на плечо ложится рука, Саша едва не подпрыгивает в кресле. В автобусе нет никого из магов кроме нее и Мике, но все же...

— Саша, мы с этим справимся.

Саша против воли улыбается. Она прекрасно чувствует страх Миклоша в Отражении, и так же ясно чувствует его стремление подбодрить. Защитить.

И кто из них старше — как теперь понять? Что-то подобное она ощущала тогда, когда Мика впервые сел на поезд, подавленный необычной стальной машиной.

«Мы» звучало притягательно. Но на дно Саша с собой не намеривалась никого звать.

— Тебе нужно будет выйти на первой остановке. Я навешу защиты, вернешь в город, к Карине, там они не должны достать, переправят подальше отсюда, куда москвичи не дотянутся, и...

— Саша, — Миклош перебивает ее, — не нужно никаких поспешных решений. До меня и сейчас москвичи не дотянутся. Во-первых. А во-вторых, — он указал на Сашин телефон, где появилось оповещение еще об одном входящем сообщении.

От другого анонимного отправителя. Увы, в нем был только непонятный набор латинских букв.

— Что это?

Миклош чуть улыбается.

— Это шведский с несколькими известными ошибками. Язык свеев, точнее.

Саша с недоверием кинула взгляд на Миклоша. Он гугл-переводчик, что ли, использовал?

— И ты знаешь, что тут написано?

— Да. В мое время были популярны всякие разные шифры на иностранных языках. Чаще всего на французском, разумеется. Дань моде. Наставник использовал их больше в шутку, тем более что шведский тогда мало кто знал. Да и сейчас, кажется, тоже. Они в основном с Новгородским и переписывались, прямо под носом у петербургских шишек важных. Развлекались так. Я как-то заметил, и Серафим показал мне, как это работает. Написана здесь поговорка, которую перевести можно как: «Не нужно поспешности пока не увидишь сны».

Саша делает несколько глубоких вдохов.

— Думаешь, речь о том, что нам надо уснуть?

Миклош чуть пожимает плечами.

— Кажется, прямо сейчас мы все равно не можем сделать ничего более существенного. Не выпрыгивать же на ходу? До пункта назначения, как я понимаю, ехать еще несколько часов.

Саша кивает.

— Тогда нам ничего не стоит попробовать. Может быть, конечно, речь шла о ночи, но, в любом случае, отдых лишним не бывает, хотя я и надеялся поспать все-таки лежа, а не сидя. Но увы.

— Извини...

Миклош отмахивается. И прикрывает глаза, облачиваясь на стекло.

Саша откидывается на спинку кресла. Едва ли она сумеет заснуть сейчас, несмотря на свою любовь к отдыху в транспорте. Сколько всего, да и они только приехали из Нальчика. И этот Ловчий, и задержание, и...

Сон подкрадывается незаметно.

Она оказывается на поляне. Знакомой поляне в том самом лесу. Человек в Черном стоит за мостом через ручей. Теперь он не просит войти, а сам указывает на лес за своей спиной.

После короткого колебания Саша следует за ним, и оказывается через несколько минут пути через густую темноту на берегу неширокой реки в небольшом уютном ресторанчике. Здесь мало людей, пахнет морем и почему-то свободой. Вокруг сидят незнакомцы. Четыре человека, двое мужчин и женщина. Человек в черном сам садится за стол.

— Это Венеция? — зачем-то спрашивает Саша.

Человек в Черном кивает.

— Никакого подтекста, просто приятные воспоминания. У вас много вопросов, у нас мало ответов и мало времени. Но это лучше, чем ничего.

Один из мужчин, мощного сложения и почему-то похожий на бородоча-стрельца из учебников по истории России, кивает. Женщина в легком греческом хитоне задумчиво ест кусок сыра из тарелки впереди. Только смущенный парень рядом с Сашей с несколько подрагивающими чертами лица выглядит неуверенно.

— Москвичи оборзели, — женщина кладет в рот кусок сыра, — предполагаю, что Стефания подергала за ниточки. Отвлечь нас, заставить разбираться с ерундой — хороший ход. Если эти недоумки дотянутся до тебя, мотылек, то ограничат в силе и попробуют навязать какую-нибудь ненужную клятву, шантажом ли или уговорами. Неважно. Так что лучше не попадать под полный блок, благо он даже с амулетами требует времени на подготовку к применению. Неплохо вы ушли от Ловчего, неплохо. Освободили сторожевую собаку с цепи у гор... Посмотрим, чем это закончится. Ориентир у вас?

Саша кивает.

— Пока не торопитесь с его применением. Возможно, он понадобится вам совсем не так, как можно предположить сейчас. Ориентир не так груб, как тот поиск, что вы засекли, — Человек в черном задумчиво смотрит вдаль, куда-то за канал на крыши домов, — но все же он ошутим тому, на кого настроен. А Светлану вам стоит взять, и живой, тогда все эти абсурдные обвинения не будут стоять и выеденного яйца. Но здесь не нужна спешка. К тому же любая сильная магия привлечет и москвичей. И если у Александровой есть союзник — маг, Черный Кинжал и шкатулка Гипноса, то вам точно не стоит сломя голову за ней гнаться, да и любая схватка потребует большого напряжения. Эти артефакты опасны даже с твоей, Саша, силой. К тому же ты ее огромное количество истратила, снимая Цепь, а сила того камня все же некоторое время будет на тебя настраиваться, так что не спешите воевать. Лучше найдите сначала шкатулку. Ее владелец где-то в Судаче — там начались такие же необъяснимые дневные ограбления. Хотя бы от этого артефакта себя обезопасите, да и не лишней будет и против москвичей, и в качестве доказательства против Паука, с предмета силы такого уровня эксперты снимут всю историю и прижмут каждого, кто с помощью совершал незаконные дела, а я удивлюсь, если Стефания или ее марионеточные тела просто так держали шкатулку под боком. Возможно она не у кого-то в руках даже, а просто в схроне. Найдите.

— Хорошо. Я поняла, — Саша бросает взгляд на Миклоша, — я думаю, безопаснее будет, если я буду дальше действовать самостоятельно...

— Не стоит. Разделяй и властвуй, — «стрелец» чуть усмехается, — это то, чего от вас хотят. И от нас.

Саша качает головой. Она не может так, и...

— Анисихиа. Дай руку, — гречанка протягивает ей что-то вроде небольшого светящегося шара, — если понадобится, сможешь воспользоваться и или сама прийти ко мне по Отражению, или отправить кого-то, коль так переживаешь. Но действительно, сломать

кого угодно проще в одиночестве. Не разбегайтесь без крайней нужды.

Шар обжигает пальцы, словно проникает куда-то под кожу — и просто исчезает, тая без следа.

— Вы уверены, что для вас это безопасно?

Конечно, говорить это было глупо в такой компании, но Саша просто не могла промолчать. Никто не должен пострадать из-за нее. Никто.

— Да, — гречанка кивает, — любой из нас предпочел бы, чтобы Совет достал голову из песка и не занимался ерундой, но что есть — то есть. Увы, привычная, хотя и порочная практика — обвинять неугодных в чем-нибудь, был бы повод. Так что расслабьтесь и занимайтесь своим делом. На почту отчеты пришлите.

— И смотрите за кинжалом. Он крайне опасен, и может оказаться в чьих угодно руках, — Человек в Черном морщится, — традиционные способы связи сейчас не очень актуальны, но, как видите, вы не одни. Все, работайте. В Судак сейчас вне сезона орденцев всего трое, и те не слишком сильные маги, на вокзале ни постов, ни контуров, как и в Феодосии, там пересядете. Билеты взяты удачно, через сам Симферополь или Керчь было посложнее с уходом от местных глаз. Там ребята нормальные, но не стоит москвичам на глаза лишний раз попадаться.

Саша усмехается. Удачно... Хоть что-то тут удачно. Прошлая удача привела ее к дурацкому камню, Пауку, трупам в Анапе и аресту как финалу всей этой истории.

— Расслабься, Сашка, — Человек в Черном усмехается, — удача — штука переменчивая, но необходимая, пусть и не всегда знаешь, к чему она приведет. Вы справлялись раньше, разобрались со всем в горах, справитесь и здесь.

Саша чуть улыбается. Ей правда хочется в это верить.

— В мое время Таврическая Губерния была той еще головной болью для всего Ордена, — Миклош, закинув рюкзак на спину и направляясь прочь с главного, и, кажется, единственного автовокзала Судака.

До гостиницы, что Саша нашла на картах, они решили идти пешком. Не то чтобы боялись таксиста-маньяка, или, что было бы куда хуже, — таксиста-мага, но все же. Саша старалась удерживать маскировку, которая не дала бы поисковым чарам найти ее, сейчас перевесив чары на футболки, свою и Миклоша, чтобы не отвлекаться постоянно на прямую поддержку магии. Саше и так это все неожиданно тяжело давалось. После снятия цепи с Алены сила с менгира, к которому была прикована оборотень, медленно, но все же прибывала, хотя нынешнее состояние было мало похоже на то изобилие магии, что Саша ощущала с Пензы, состояние, ставшее привычным со времени присоединения второго камня. Но если сила и пребывала, то сон сначала в автобусе до Краснодара, а потом по пути сюда с пересадкой не дали должного отдыха ни чувствам, ни телу. Саша чувствовала себя усталой, и уверенности, что у нее хватит концентрации постоянно контролировать маскировку никакой не было. Лучше перекинуть на предмет и поддерживать фоном, тогда одежда от постоянного взаимодействия с силами грани придет в негодность за несколько дней, это же не подготовленный артефакт, но и плевать. Футболку купит потом.

Сколько у них было форы? Сутки, двое, меньше? Разумеется, этот Вадим, Ловчий, рано или поздно просто задаст вопрос кассирше на вокзале и узнает, куда они поехали. А от Симферополя до Судака не так и далеко.

Но пока преимущество было — его нужно использовать. Гостиница, душ, еда — и поиск шкатулки. Тем более, если они найдут этот артефакт и если шкатулка и правда работает так, как описано, то можно будет усыпить преследователей, а потом уже браться за Светлану.

Серафим прав — сейчас Саша была совершенно не уверена в том, что точно сможет справиться с оборотнем, у которой есть кинжал, разрезающий вероятности и незаметный для магии, и союзник — маг. Не Аня. Саша очень надеялась, что этим союзникам не будет Аня.

Даже если все говорило об обратном.

— Головной болью...

Пожалуй, в другое время Саша слушала бы с большим интересом. Но, с другой стороны, любая информация могла помочь делу. Или хоть немного отвлечь от насущных проблем.

— Купить тебе что-то в аптеке? — Миклош выглядит серьезным, явно замечая ее настроение, — из меня отвратный целитель, но если хочешь, я могу...

Саша отмахивается. И улыбается на предложение напарника. Миклош искренен.

— Все в порядке. Ну в том смысле что все пройдет и все такое. Моя головная боль — это Паук и дурацкие обвинения вместе с дурацкими обвинителями, а от них, боюсь, таблетка не поможет. Даже самая хорошая. Но спасибо. Почему Крым был головной болью Ордена?

— А, — Миклош только кивает, — ты об этом. Ну тогда мы относительно недавно приобрели над ним власть. Сначала было немало разбирательств с привлечением Константинопольского отделения Ордена, считай — самых верхов. О территориальной принадлежности.

Саша поднимает бровь в вопросе.

— Не знаю, насколько много сейчас рассказывают про территориальные споры отделений Ордена разных стран... — Миклош задумчиво смотрит на русские вывески и названия улиц, — по крайней мере в Европе, как я понял, давно уже никто или почти никто не делит территории.

Саша фыркает.

— Эта земля была частью Украины несколько лет назад. И некоторые в других странах по сей день считают, что и остается.

— Украина, Россия, Белоруссия... Это неважно. Ну в смысле — в глобальном плане. Здесь, например, все на русском, так? И нас с тобой поймут. Это важнее. К тому же, знаешь, наверное, для человеческих политиков с их жизнью это важно. Для их солдат... А я вот помню, как Финляндия нашей стала. А сейчас, как я понимаю, там русских и нет. Хотя я по меркам магов не был бы стариком даже без всей этой истории с двухвековым заточением меж времени и пространства. Мы живем больше людей. И если каждый раз Орден будет что-то менять после каждой войны... Мы не смогли бы работать. Так что, по крайней мере в мое время, речь шла в большей степени о национальностях и языках, чем о чем-то еще. Та же Украина, все тамошние ордены, подчинялись Петербургу. Так повелось. Маги консервативны. Хотя, разумеется, и не откликаться на изменения на карте мира мы не можем. Ты бы ведь не хотела служить под началом турков, скажем? Да и не живет их сейчас на юге почти. Маги консервативны, но всегда есть молодая кровь, и пришедшие из мира людей, разумеется, не готовы подчиняться кому-то другой национальности или вероисповедания, и никогда готовы не были. Так что Верховный Совет меняет и наши границы, но только если доказать, что такое изменение будет долговечным. И то все это муторно и сложно. И в мое время за эти земли наши с турками намертво схлестнулись на несколько лет, во время которых здесь было почти совершенное безвластие. Потом все-таки стало ясно, что Империя закрепилась в Крыму, и Таврическая губерния присоединилась к южной части русского Ордена. Тогда не Новгородский там был точно главным. Крулинштейн, что ли? Неважно. В общем, хватало проблем в том числе с местными, кто не из России и кто тогда ненавидел произошедшие перемены. До смертельных дуэлей доходило. К тому же это Крым, тут кладезь вещей странных и опасных. Множество руин старых поселений, с которых никто так и не забрал артефакты, который применялись теми, кто там жил. При том, что тогда местных жителей тут и не было почти. В Судак по крайней мере. В начале девятнадцатого века здесь жило четыре сотни человек, да и в других городах не лучше. Мало людей, нет магов, всем не до того чтобы порядок наводить. Весь Крым тогда — это множество заброшенных городов, деревень, поселений магов и мест силы, десятки кораблей, затонувших у берегов... О, а вот и ответ.

Саша поднимает глаза на Миклоша.

— Ответ на что?

— Да я тут все пытался понять, как эта шкатулка, ценный артефакт, попасть в руки Паука могла. Выходит, что к моменту моего... эксперимента, что так плохо закончился, она уже была у нашего противника, или противницы, если Карина совершенно уверена в том, что речь идет о ее сестре по кругу. Была в полном распоряжении у Георгия. Он-то бежал почти сразу после того, как все случилось, и шкатулку, если верить твоей подруге-тени, привез с собой на юг вместе с кинжалом. И если с кинжалом все сложно и я думаю, что, вполне возможно, речь идет о копии, пусть и сильной, Черного Кинжала, то со ней все куда интереснее. Насколько я знаю, эту шкатулку нельзя повторить, а значит речь идет о

конкретном предмете силы.

Саша уставилась на Миклоша.

— Как это — нельзя? Любой артефакт можно скопировать.

— Кто тебе сказал такую ерунду? Серафим? Не верю.

— Да нет, я у него как-то и не спрашивала особо именно про это, у меня все равно не хватает усидчивости на всю эту работу с предметами, — Саша чуть разочарованно пожимает плечами, — во всех учебниках это есть.

— Современное общемагическое образование... Впрочем, — Миклош усмехается, — кажется, в мое время если в подробности не вдаваться, то речь шла примерно о том же. Но в магии мелочи, эти самые подробности, Саша, решают все. Жаль только, что в нюансы посвящают только желающих специализироваться, увы. А мелочь состоит в том, что по-настоящему сильные вещи, артефакты с заложенными плетениями высшего класса сложности, а то и выше высшего, альфа-плюс, уникальные то бишь, нельзя воссоздать один в один. Копия будет слабее оригинала или обладать просто чуть иными свойствами. И суть в том, что шкатулка Гипноса не поддается копированию без потери своей основной особенности — всепроницаемости. Саша, это артефакт, который, как и Черный Кинжал, крайне сложно обнаружить, хотя он и не интертен, кстати, но, что куда важнее, — от Шкатулки не существует магической защиты. Никакой. Единственный способ избежать ее воздействия — это физически изолировать себя от звука. Заткнуть уши, если проще, причем — без всякой магии, иначе сама использованная для этого сила Грани станет проводником усыпляющего воздействия.

Саша чуть склоняет голову.

— Выходит, это могущественная штука. Весьма. А почему — «вместилище Гипноса»? Там же нет...

Нет же, верно?

— Чего нет?

— Ну, Гипнос же бог греческий.

— А, — Миклош улыбается, — На нет конечно. Ну я не слышал ничего такого. В теории, конечно, можно попробовать заточить гения в артефакте, наверное. В теории. На практике — это живые и могущественные создания, и на деле ни я, ни кто-либо еще никогда не слышал ни о чем подобном. Но я отвлекся. В общем, это просто выражение. Шкатулка греческого происхождения, артефакт очень старый, кажется, тех времен еще, когда Рим Афины под себя не подмял. И, разумеется, волшебники тех мест и называли такой могущественный предмет, усыплявший всех, вместилищем своего бога сна. Собственно, думаю, именно в Греции и дело, именно из-за нее Паук и получил шкатулку.

— В Греции? — Саша несколько потеряла нить рассуждений Миклоша.

— Ага. Ну если коротко — в какой-то момент турки греков потрепали все-таки. Это для нас, магов, Стамбул — Константинополь, и там по-прежнему в Верховном Совете те, кто Византию помнят. А в других местах — иная история, и на ее страницах было потеряно много всевозможных диковин. Бывало и так, что ценные артефакты оказывались у обычных людей даже, потом немало усилий приходилось прилагать чтобы изъять их. Я не так много знаю, но, в общем, времена те еще были. И эта шкатулка попала в руки одного мага, который потом оказался под следствием. Русского поданного. Длинная история о том, как именно это случилось, но итог один — коллекцию изъяли, погрузили на корабль и отправили вместе с сопровождением в Крым. Ну и с преступником на борту тоже, разумеется.

— И корабль не доплыл.

Миклош кивает.

— Да. Разбился о скалы где-то вроде как недалеко отсюда. Потом говорили, что люди Совета выловили все интересные предметы и заперли их накрепко в столице. Но теперь я думаю, что некоторые вещи тогда попали не совсем в хорошие руки.

— Мда, звучит не очень хорошо. А что там еще было?

— Не знаю. Можем попробовать аккуратно спросить у наставника, но это риск сейчас.

— Жаль.

— Думаешь, стоит беспокоиться о чем-то еще?

Саша чуть склоняет голову.

— Да нет. Просто если здесь где-то затонул корабль с артефактами, один из которых оказался у соратника Паука, и теперь у его наследника... Как ты думаешь, насколько велик шанс, что этот самый наследник привез этот самый артефакт в место неподалеку от места кораблекрушения совершенно случайно?

— Невелик. К чему ты клонишь?

— Пока ни к чему. Но если Паук запустил руки в утонувшую коллекцию... Я бы на его месте оставила что-то нужное прямо здесь. На этой территории тогда не было сильной власти, а в столице и заметить могут. Если он не торопился, то вполне мог оставить что-то в легкой доступности, но легкой доступности лишь для себя. И — тут уже пальцем в небо, но шкатулка, от которой не спастись никакой магией — отличная штука чтобы пройти через любую охрану и забрать то, что оставлено здесь на хранение. Еще и чужими руками.

— Хм, — Миклош склоняет голову, — думаешь, тот, кто приехал сюда со шкатулкой, хочет забрать или укарсть что-то конкретное, оставленное здесь, а квартирные кражи только для отвода глаз?

Саша кивает.

— Для отвода глаз. Ну или чтобы денег добыть. В Анапе соратники Паука уже сделали так. Забрали могущественное оружие у вампира, и тот даже не пикнул. Что мешает повторить тот же трюк? Если мы правы, и шкатулка у человека, то его перемещения не волнуют ни Орден, ни кого-то из Обращенных. Если этот усыпляющий артефакт и правда так слабо отслеживается, то его носитель пройдет через любую защиту без проблем. Вопрос в том, как нам найти его. И в идеале найти раньше, чем у него заберут и шкатулку и то, что он с ее помощью намерен здесь достать.

Миклош только головой качает.

— Нам нужно снять номер и поесть — тогда мозги у меня будут работать лучше. Наверное. Тем более что мы пришли, вроде как, — Миклош кивает на вывеску отеля через дорогу от них, — но вообще у меня есть план, как разобраться со всем максимально щадящим способом. Особенно если ты права.

Саша поднимает бровь, и Миклош поясняет:

— В этом городе сейчас не четыре сотни жителей. Но все равно мало. И магов тут почти нет, так что есть один способ, и нам никто не помешает его реализовать. Нам не нужно будет искать человека со шкатулкой, если мы сможем найти его цель.

— Думаешь, наш вор с артефактом еще не забрал то что искал?

Саша скептически рассматривала начертанные линии. Опять — мелом на полу, только теперь уже не в общей комнате, а прямо посередине между ее кроватью и кроватью Мики.

— И какого черта мы опять творим магию прямо в гостинице?

Номер был просто крошечный. Настолько маленький, что Миклош едва уместил рисунок на полу.

— Давай по порядку отвечу, — парень не поднимает головы от рисунка, выводя какие-то символы, пересекающиеся с иными символами., — Я, честно говоря, не знаю — забрал или нет. Но если мы что-то найдем, то, очевидно, это даст нам или возможность опередить нашего друга, если он еще не нашел то, за чем приехал, или взять его след — если уже нашел. Ну или хотя бы шанс понять, где и на что обращать внимание. К тому же с твоей чувствительностью, вполне возможно, ты сможешь и саму шкатулку найти, ее от этого ритуала полностью не укроешь. Ловчий, если в городе, тоже будет светиться, как новогодняя елка, своими артефактами из московских хранилищ. Так что во всех отношениях мы делаем полезную вещь. Сейчас к тому же очень хорошие шансы, что ритуал сработает как надо. Здесь и людей вокруг не так много, как в той же Анапе, и магов мало, так что ритуал никто не собьет. И никаких искажений вокруг вроде того поля подавляющего в Отражении, которое в Тырнаузе было. Хорошие условия. А что касательно номера — а где еще это все делать? Сюда хотя бы никто не зайдет — это раз. Да и больших возмущений ритуал этот не оставляет, но фон итоговый стойкий дает. Который в таком месте внимания привлекать не будет, это гостевой дом, тут атмосфера кое в чем похожая. К тому же не хочу я сейчас на улицу тащиться, там дождь скоро вольет.

Миклош дорисовывает фигуру и поднимается на ноги, осторожно пробираясь по стеночке, не наступая на контуры рисунка, к своей кровати.

— И в чем вообще план? Как это работает?

Сейчас магии в рисунке не было. Никакой.

— Это усилитель резонанса.

Сказано было так, словно этой информации было достаточно. Увы, это было не так. Саша слышала это название, но сама не использовала такую магию. Строго говоря, на общем обучении они вообще мало использовали ритуалы. Как Саша понимала, три года подготовки адептов нужны были просто для того чтобы новообращенные волшебники узнали о мире, в который попали, получили хотя бы минимальный контроль над своей силой и имели вообще хоть какое-то представление о своих возможностях и о потенциальных путях развития дара. Если учесть, что многим при этом еще нужно было работать или учиться параллельно в обычных школах и вузах, просто потому, что не все хотели остаться в Ордене, и не всем на жизнь хватало неплохой, но не выдающейся стипендии, то, разумеется, всеобъемлющих знаний по прохождению общего курса магической подготовки ни у кого не было. И Саша исключением не была. Конечно, Серафим многое показывал и рассказывал, но ритуальной магии они касались редко. Саше в основном просто терпения не хватало, да и сложные фигуры чертить правильно она не научилась. Никаких рисунков сложнее четырех вписанных элементов за приемлемое время, не стремящееся к бесконечности, нарисовать не выходило. Обычная магия проблем в большинстве своем не вызвала, но вот долгие кропотливые

воздействия точно было не ее коньком.

— Миклош, я не ритуолог. Мне название мало о чем говорит.

— А. В общем — мы с тобой чувствуем магию вокруг, так?

— Ну да.

— И чем сильнее источник — тем лучше чувствуем. Но все равно ощущаем эту магию лишь вокруг себя. Приближающиеся или просто опасные для нас вредоносные чары мы ощущаем сильнее, бытовые и просто не имеющие к нам отношения — слабее. Чем больше опыта, силы и чувствительности, тем, скажем так, дальность ощущений больше. Эти ощущения раньше нередко назывались резонансом. Усилитель резонанса способен их усиливать, особенно если искать что-то конкретное, а не просто рассматривать все вокруг. Я использую модифицированный вариант этого ритуала, который по идее работать должен продуктивнее обычного. Кстати, еще одна причина, по которой лучше всего проводить ритуал здесь: отель почти в центре города, искать отсюда что-то удобно будет в любом направлении.

— Ладно. Теория понятна. Пора переходить к практике. Хотя нет, подожди.

— Чего ждать?

— Сейчас.

Саша начинает рыться в рюкзаке, и через несколько минут активных поисков, вывернув на кровать почти все свои вещи, от ветровки до зубной пасты, наконец находит то, что ищет, торжественно извлекая из глубин пару наушников. И встречается с раздраженным взглядом Миклоша.

— Теперь — жди ты.

Одна из футболок, кажется, до того испачканная пролившимся шампунем, упала с кровати. Рукавом прямо на ритуальный рисунок.

— Прости. Неловко вышло.

Миклош фыркает.

— Дай угадаю причину, по которой ты мало что смыслишь в ритуалогии.

— Да?

— Ты нетерпелива.

— Определенно.

— Ладно, — парень слез на пол и, присев на корточки, принялся восстанавливать утраченные линии. — Рассказывай, что тебе так срочно понадобилась искать, выкидывая свои вещи по всей комнате. Это, кстати, неприлично.

Теперь раздражение охватило и Сашу. Он что, мать ей, что ли, рассказывать что прилично, а что нет?

— Не нравится что-то — иди. Я сама справлюсь. Отправлю к Карине, — шар света стек к пальцам из глубины ладони, и Саша почувствовала, что нужно сделать, чтобы переместить парня. И не только его, на деле.

Просто дотронуться. Дать шару прикоснуться к чужой коже. Даже бросить его можно, главное, чтобы был контакт с открытой кожей. По крайней мере двоих разом так точно можно было бы переправить, если шар коснется одновременно больше чем одного Затронутого.

На секунду магия подарка, отданного волшебницей, открылась ей. Могущественные самоподдерживающиеся чары, переданные через простой контакт разумов, были способны сами отправить цель или цели на Глубину, буквально протащить ее к точке выхода, и

вывести в реальность рядом с Кариной. Огромная сила, на самом деле. Сама Саша, наверное, смогла бы прийти, переместиться подобным образом или к какой-то из вешек, как они с Миклошем из шахт в Тырнаузе выбирались, или в Краснодар, или вовсе к кому-то из знакомых магов, при этом постоянно концентрируясь на цели. А здесь было только чужое намеренье, походя вложенное в ее сознание даже без физического контакта.

— Саша, — Миклош поднимает на нее взгляд, — в тебе говорят твои желания или лишь одна сила, давящая на разум?

Говорит парень совершенно спокойно, и это остужает пыл. Саша не без усилий втягивает мысленной командой шар обратно в ладонь.

— И то, и то, — хмуро отвечает она.

Миклош вздыхает.

— Извини. Мне не стоило раздражаться по пустякам. Определенно. И, как я догадываюсь, в ваше время в демонстрации личных вещей нет ничего предосудительного.

— Не знаю. Хорошие манеры и я — два разных полюса мироздания.

— Я так понимаю, сейчас вообще многое изменилось. В мелочах. Быстрая еда, быстрый поиск информации, быстрая жизнь.

— Быстрая жизнь. Мда. Хорошее определение.

Быстрая или короткая?

Заткнись. Тебя еще не хватало.

Вспышка злости медленно проходила. Если бы ее начертание кто-то испортил — ругалась бы на чем свет стоит.

— Извини, — Саша медленно проводит пальцами по прикрытым векам, — мне не нужно было злиться. И рисунок портить тоже не нужно было. Но ты правда не обязан быть здесь, это я вляпалась во все это дерьмо, и мне с ним разбираться. Ты рискуешь. Возможно, лучше было бы...

— Саша, — Миклош восстанавливает рисунок полностью, — заканчивай с этим. Я взрослый человек, я сделал свой выбор и буду нести за него ответственность. К тому же у меня самого счеты к этой Стефании или как ее там. Давай показывай, ради чего я контур обновляю.

— Наушники. С полным шумоподавлением. Не воск же нам в уши заливать, в самом деле. И еще беруши есть, кстати, — Саша вытащила из маленького кармана еще пару коробочек, — я еще в Краснодаре купила. Беруши в смысле, наушники мои. И твои вторые, если хочешь. Я правда не знаю, слушаешь ли ты музыку, все думала подарить вместе с плеером, подборкой нормальных песен и лекцией по истории рока, но как-то не до того было.

Поиск музыки разных стилей был одним из немногих Сашиних занятий в доме у Серафима. Осмысленных занятий. Кроме чтения книг, мероприятий Карины и обучения Миклоша компьютерной грамотности. Именно последнее и подтолкнуло ее к покупке плеера и воплощению желания создать идеальный плейлист. Мика, как оказалось, вообще был знаком только с классической музыкой, и то не со всей. Саша меломаном не была, но все же решила познакомить гостя из прошлого хотя бы с классикой русского и зарубежного рока. Увы, растянулась вся затея надолго, и после спешного отъезда в Анапу экспресс-погружение в современную музыкальную культуру пришлось отложить.

Но хоть наушники, возможно, пригодятся.

— Плеер вот тоже держи, а с лекцией повременить придется.

— Плеер? Игро... что?

— Игро? А, ну да, английский.

Миклош кивает.

— Я не то чтобы хорошо его знаю, но иногда узнать заимствованное слово помогает. А что эта штука проигрывает?

— Музыку.

— Такая маленькая?

— Да. Вот тут включить, вот тут переключать, вот громкость регулировать, — Саша уже привычно объясняла принципы работы с новыми устройствами. С компьютером было тяжелее, а про мультиварку и вспоминать не стоило, ее Мика так и не освоил. Кажется, концепция горшка-самовара созданной обычными людьми просто не сумела прижиться в его сознании. — Магии в этой штуке нет, и по идее шумоподавление должно защитить от влияния шкатулки, если оно и правда распространяется именно как что-то слышимое.

Миклош задумчиво повертел наушники в руках. Потом надел их и чуть покрутил головой, явно привыкая к ощущениям. И снял, явно задумчивый.

— Странно это все. Но может и сработать. Ты считаешь, что это нужно использовать?

Саша чуть пожимает плечами.

— Это ритуал, а он требует концентрации, так? Значит, нас усыпить и убить, ограбить или захватить легче легкого будет. А мы не знаем, зачем сюда приехал владелец шкатулки и что он хочет найти. Я кинула сигнальную нить по периметру, но все же. Думаю, лучше, если кто-то один из нас будет наблюдать за всем. Хотя бы просто чтобы в глупой ситуации не оказаться. И, думаю, лучше если это будешь ты.

— Ты не так давно работала с цепью и получила истощение.

— Да, — отрицать очевидное было бессмысленно, — но как ты сам сказал, у меня выше чувствительность. Возможно, я смогу узнать больше. А если нет — то просто сменимся. Рисунок-то не одноразовый же ведь?

— Нет.

— Ну и все, — Саша улыбнулась, — давай приступать.

Она развернулась к рисунку. На полу все равно не было места, так что Саша попросту села, по-турецки скрестив ноги, прямо на кровати, и постаралась расслабиться, вглядываясь в силовые линии. Резонанс, как она понимала, не требовал никакого включения силы и никаких действий от ведущего ритуал. Так что Саша лишь вглядывалась в рисунок, медленно ощущая, как все остальное просто исчезает из разума. Словно с каждым ударом сердце мир за пределом правильных линии, магии вокруг и Отражения, которого стоит лишь коснуться чтобы узнать все что нужно, исчезал. Таял во мраке, распадался сам собой, как что-то ненужное и бесполезное.

Вместо мира вокруг остались лишь образы. Правильные образы-вопросы появились в голове сами собой, и как только они появились, Саша коснулась Изнанки, спрашивая. Скользя по окружающему пространству разумом, двигаясь по появившимся из ниоткуда ориентирам. Окружающее там, где она оказалась, расплывалось во множестве смутных, неясных цветных пятен, многие из которых были ей знакомы и незнакомы разом. Но на деле они не имели никакого значения. Она могла бы присмотреться, вглядеться в цвета... Но это не было нужно.

На мгновение Саша словно бы воспарила ввысь, видя мир вокруг с высоты полета ястреба. И не просто обычной птицы, а ястреба-мага, способного различить своим

пронзительным взором не только мир реальный.

Она видела святающийся тусклым светом дом-Резиденцию местных магов. Видела самих магов, сейчас собравшихся на какой-то разговор. Видела приближающийся к городу след от чужой, неприятной магии, след, тянувшийся за ней через километры. Ощущала протянутые сюда щупальца. Чувствовала где-то вдалеке, в старой, невообразимо древней крепости что-то ярко пульсирующее, настоящее, сильное и важное, но скрытое от глаз и людей, и волшебников и метрами камня, и чарами, и тяжестью самих стен крепости. Видела и человека со шкатулкой. Даже не его самого, а шкатулку, медленно, но неумолимо тянущуюся к крепости так, словно там было что-то на нее похожее, словно там хранился ее сородич. Видела кусок мрака, приближающийся к владельцу шкатулки, неумолимо настигающий его, и видела кровь, в которую окрасится их встреча. И видела намного, намного больше. Что-то еще иное, чему нельзя было дать описания человеческим языком. Видела разом образы нынешнего и прошлого, какие-то странные, преломляющиеся линии, связывающие все вокруг воедино. И на секунду ей показалась, что все эти линии похожи на тонкую паутину. Тонкую, неувимую паутину.

И еще она видела как где-то на другом берегу моря около колеса обозрения кто-то тихо смеялся, словно предсказывая не то будущие, не то прошлые победы и поражения разом.

А потом все исчезло в один миг.

Темнота вместо пятен. Промятая кровать как опора вместо образом. Жара и близость ощущение чужого присутствия в паре метров вместо всезнающего ока... Гордую птицу кто-то резко швырнул в слабую нелетающую оболочку.

Саша медленно открыла глаза, понимая, что все еще сидит на кровати. Рисунок на полу исчез, хотя его образ висел в Отражении, истаивая до невозможности медленно. Миклош в наушниках, смотревшихся на нем несколько нелепо, сидел напротив и буквально поедал Сашу взглядом.

Сигнальные нити были нетронуты.

— Что... случилось?

Мика явно понял, что к нему обращаются, и стащил наушники.

— Что?

— Рисунок исчез.

Говорить после бытия птицей человеческой речью было сложно, но в то же время очень хотелось. Всевидящей магической птицей Саше понравилось быть, но и в бытии человеком были свои плюсы.

— Да. Ты выбрала его подчистую. Я даже и не знал, что так можно. В теории такое возможно, но на это столько силы надо...

— Считаю меня аномалией.

— Ладно, я нарисую еще и пойду сам.

— Не надо, — Саша качает головой, — я все выяснила. И есть хорошая новость и плохая.

— Давай обе.

— Хорошо. По порядку: сюда едет Ловчий со своими щупальцами и в старой крепости есть что-то, к чему тянется шкатулка. Что-то на нее похожее. К тому же, кажется, у нынешнего владельца шкатулку скоро отнимет кто-то Обращенный. Или нет — я не до конца поняла.

На несколько секунд лицо Миклоша приобрело задумчивое выражение, потом парень

кивнул.

— Тогда пора собираться в крепость. Не думаю, что стоит оставлять здесь вещи, коль Ловчий близко. Дашь телефон?

Саша протягивает смарт. И видит, как Миклош медленно, но уверенно набирает какую-то абракадабру на латинице, отсылая на ту же почту, с которой пришло вчера постановление о ее аресте.

— Хочу проверить одну гипотезу — по поводу того, что в крепости может быть. Ладно, пойдем. Если повезет — поймаем разом двух зайцев.

Саша вздохнула, вспоминая одну пословицу и то, чем она заканчивалась. Но все же спорить не стала, здесь и сейчас это была бы ненужная трата времени, а этого времени у них было не так уж и много.

Саша остановилась на пригорке, куда они взобрались с Миклошем, и рассматривала крепость впереди. Отсюда были хорошо видны и большой полукруг стен, прерываемых и замыкаемых отвесными скалами, уходившими прямо в море на метры, и остатки сохранившихся в крепости строений, и башни, по ощущению бывшие частично реконструкцией, выстроенной после разрушения старой кладки. Восстановленные элементы было легко почувствовать, как и то, что оставшиеся в основании стен немногие камни, сохранившееся, возможно, с времен владычества половцев, или вовсе алан или греков, были действительно древними. Очень, очень древними.

Даже отсюда Саша ощущала, как веет силой от этого величественного укрепления, давно оставленного своими строителями, но по-прежнему помнящего поколения людей со всеми их горестями и радостями, и веками хранившего их жизни от невзгод. С наружной стороны Судакскую крепость облепили палатки и забегаловки, призванные прокормить туристов, да и большинство частных домов вокруг явно использовались для размещения в сезон отдыхающих. Только на те холмы, куда взобрались они с Микой, стройка еще не добралась. И теперь, став к морю лицом можно было видеть крепость с одной стороны и пляж внизу, казавшийся чем-то маленькими и незначительным — с другой. Только бесконечно голубое море, вдалеке отделенное узкой полосой горизонта от полного темных туч неба, казалось столь же древним и могущественным, как каменное кольцо стен на скалах. Стоя здесь можно было с легкостью ощутить мимолетность времени, отведенного каждому человеку, ничтожность дней и месяцев рядом с медленно, но верно осыпающимися стенами, появившимся здесь до того, как предки предков местных жителей родились на свет, и морем, которое и вовсе было тогда, когда еще и людей самих не существовало в мире.

Крепость явно была удачно расположена, частично прикрытая с моря самой природой. Археологи уверяли, что люди здесь жили едва ли не до начала нынешней эры, и поверить в это было легко. За полукольцом стен местные жители должны были чувствовать себя в безопасности и в давние времена. Хотя, если учесть постоянные войны на этих землях, то, быть может, безопасность тогда и не была тем, что мог дать камень. Впрочем, в этом отношении и сейчас стены мало кому помогали.

— Если верить интернету, здесь в начале девятнадцатого века гарнизон был, — Саша указала Мике на статью из путеводителя по крепости. Точнее — по музею, которым крепость и была. — Как тут что-то можно было спрятать, в расположении военных?

Миклош хмыкнул.

— Достаточно одного высокопоставленного офицера. Тем более — Кирилловский полк... Кажется, где-то там мой дружок-Иуда и служил, он и рассказывал мне о бардаке здесь по нашей линии. Хотя я и не помню, когда это было, по-моему я тогда едва Становление прошел, и Григорию в рот заглядывал, даром что он старше-то всего лет на пять был. Жаль, не поговорил с ним перед его смертью. Уж хотелось бы знать, зачем он со мной так обошелся.

— Страх. И эгоизм.

— Эгоизм?

— Себялюбие.

Миклош фыркнул. И кивнул.

— Все начинается и рождается из эти зол. Впрочем, и то и то — лишь то, что присуще каждому человеку, но не каждый способен предать. Что посулил Иуде Паук?.. Хотел бы я знать. А еще хотел бы знать то, как попасть за стену.

— В крепость ведут ворота. Они сохранились. По идее можно просто купить билет да внутрь попасть, а там решим, что делать. Я на таком расстоянии не смогу понять, где и что нам искать, нужно подойти ближе. Да и стены мешают.

Тяжелая аура, исходящая от древних и не очень камней, в Отражении полностью отсекала любые отголоски того, что лежало за ними. Сейчас Саша чувствовала только то, что там что-то могло быть, и все. Сверху она могла бы понять лучше, став вновь птицей... Но не проводить же вновь ритуал.

— Что — я знаю, — Миклош указал на пришедшее на Сашин телефон сообщение, вновь состоящее из непонятного набора латинских символов.

— На досуге ты научишь меня читать это.

— Лучше Михаил или наставник. Сама ты шведский учить будешь не один месяц, проще через ментальное внушение усвоить хотя бы основы. Вам таким образом что-нибудь уже преподавали?

— На общем курсе — нет.

Миклош кивает.

— Неудивительно. Воздействие специфическое, без необходимости лучше не применять, а то потом с памятью вообще могут проблемы возникнуть. В общем — поговори лучше с кем-нибудь, кто ментальной магией владеет. И шведским. Иначе я тебе на пальцах долго объяснять буду. Но тут написано — Сосуд Никты.

— И что это за штука?

— Думаю, это как раз то, что лежит в крепости и что похоже на шкатулку Гипноса. Артефакт, тоже бывший на затонувшем корабле. Я помню, сколько шума было из-за пропавшей коллекции, и сколько обсуждали ее нахождение, и помню часть артефактов, что там были. Только не помнил, какой именно — Вуаль или Сосуд, и поэтому и уточнил у наставника.

— А это важно? — Саша начала терять нить происходящего.

— Да нет, на самом деле. Просто когда ты сказала про то, что есть что-то похожее на шкатулку Гипноса, я и попробовал вспомнить, какой еще на затонувшем корабле был артефакт от того же мастера. И вспомнил целых два. И Вуаль, и Сосуд должны скрывать что-то при использовании, только Вуаль скрывает конкретного человека, а Сосуд — область, делая все, что внутри нее, недоступным никаким магическим способом поиска.

— Значит если мы сможем ее использовать, то уйдем от преследования, — Саша прищурилась. Перспективы открывались интересные.

— Да, — Миклош поморщился, — и нарушим пару законов, так-то. Ладно, неважно, пойдем в крепость. А то пока стоим и созерцаем — унесут все.

Саша почему-то представила, как кто-то незаметно выносит одну из многометровых башен, и усмехнулась.

— Идем.

Пришлось потратить не меньше десятка минут на то чтобы слезть с холма, дойти до ларьков у стен крепости по обочине узкой дороги и уже после, наконец, подойти ко входу. Широкий каменный мост вел к самым настоящим замковым воротам, над которыми по обоим сторонам нависали массивные каменные башни высотой во много человеческих

ростов. Через пустые бойницы были видны набегающие с моря на крепость и сам город темные дождевые тучи.

Людей сейчас было не слишком много, но билеты внутрь продавались исправно. Мелькнула было мысль о том, чтобы сэкономить и пройти неузнанными внутрь, и Саша даже шагнула в Отражение на мгновение — и тут же вернулась обратно.

— Теперь я понимаю, почему кто-то решил здесь что-то хранить, — пробормотала девушка, доставая карту из кошелька и расплачиваясь за билеты.

По всему периметру крепости, по воротам и по самому проему, ведущему внутрь стен, шла тонкая, но явно ощутимая, видимая линия защиты. Не сигналка, вовсе нет. Прямо в камень основания крепости были впаяны тончайшие серебристые нити, чуть подрагивающие в Отражении, словно живые. Нити, похожие на хищных смертоносных змей, готовых к броску в любую секунду.

Убийца воров. Как-то им показывали такое на занятии, а Серафим рассказал после куда больше, чем просто название. Старые, даже древние чары, устанавливавшиеся лишь на жилище или какое-то строение, каменное причем, буквально вплетающееся в его стены, двери, окна и пороги. Изобретенное еще во время до всякого Перемирия и Закона, это чародейство позволяло быть уверенным, что никто не проникнет через Отражение внутрь здания. Желаящий пройти неузнанным через Изнанку, вне зависимости от глубины Шага, оказывался жертвой этой тонкой стальной паутины, мгновенно вгрызавшейся в тело и вырывающей куски плоти, кроша с равной силой и железную броню, и магическую защиту. Из хватки Убийцы Воров не было шанса сбежать. Если уж ты решил попасть через Отражение туда, куда не следовало, стальные нити дотягивались до тебя, и смерть будет страшна и неминуема.

Сейчас такие чары были почти повсеместно ограничены в применении внутренними указами Ордена, да и большая энергоемкость, сложность и заметность для потенциального противника делала их довольно непопулярными. Хотя тот же дом наставника они, помимо всего прочего, защищали. В модифицированном варианте, позволяя уходить и приходить через Изнанку всем, кому дал такое разрешение хозяин дома. Но все-таки.

И именно такая магия все еще жила в стенах древней крепости. Судак уже много лет как стал современным городом, уйдя из не самого большого пяточка на склоне скалы глубже в степь. Оставшиеся на своем изначальном месте каменные стены частично были восстановлены после обстрела современными методами, не сохранив до конца былое величие. Но Убийца Воров, вплетенный в самые старые, самые древние камни, все еще существовал, подпитываясь жизненной силой всех проходящих рядом. Самоподдерживающаяся защита жила даже тогда, когда все ее создатели и даже те, кого она была призвана защищать, отправились в мир иной.

Это вызывало восхищение творением древних мастеров. Какой-то незамутненный восторг от чуда, к которому можно было прикоснуться руками. Но рядом с восторгом шла и смутная тревога, ведь эта магия по-прежнему была смертоносной в той же мере, что и раньше. Стоять так близко от стальных нитей было почти таким же интересным опытом, как едва докаться до шерсти тигра, от которого тебя не отгораживает защитное стекло. Все одно неверное движение...

Саша глубоко вздохнула и шагнула за ворота крепости, каждую секунду боясь прикосновения стальной нити к себе или к Миклошу. Этого не должно было случиться, но все же, все же...

Внутри крепости остатков, отзвуков магии было невероятно много. Саша пошла вдоль стены, чувствуя наложенные повсюду чары, многие из которых сейчас просто спали, а некоторые, уже давно свершившиеся, оставили после себя лишь след, не способный ни на что. Лишь след, воспоминание, которое, вполне возможно, переживет все человечество.

Камни вокруг были старыми. Башни, все сохранившиеся и те, что виднелись в Отражении, были старыми. Очень, очень старыми. И эту старость нельзя было объяснить, нельзя было выразить. То, что Саша ощутила когда-то прикоснувшись к отголоску Отражения в краснодарском доме, в котором размешалось гестапо, теперь казалось ерундой. Мелочью. Слабой тенью былого. Даже шахты были ерундой.

Тут же, в Судаке, прошлое жило. В Отражении виднелись десятки отпечатков построек из камня и дерева, разных стилей и времен, причудливо переплетающихся друг с другом. Виднелись даже отпечатки людей. Следы магии, крови, боли и радости, следы празднеств и утрат, следы войны и мира. На пустынном сейчас холме в полукольце каменных стен веками кипела жизнь. Даже на самом верху, где вместо камня Судак защищала сама природа, море и скалы, возвышался небольшой замок, где — Саша ощущала это без всяких описаний, — некогда жил правитель этого места и стояли дозоры, высматривающие врагов с моря. И этих врагов порой замечавшая.

Ей не сразу удалось понять, что то, что они искали, было не так уж и далеко от ворот. Не понадобилось ни залезать на стену, ни раздумывать, как попасть в башню, некогда принадлежавшую властителю местных земель. Относительно недалеко от входа сохранилась россыпь камней, в которой смутно угадывался кусок стены какого-то здания. Казарм Кирилловского полка, если верить надписи на поясняющей табличке. И именно здесь, в углу у самого пола давным давно уничтоженного строения было что-то, что с натяжкой можно было бы назвать «свежей» магией. Активные по сей день заклинания отвода глаз и чары укрепления камня, простые, но искусно вплетение в природный фон так, что не знай Саша что искать — в жизни не нашла бы.

— Это здесь, — Саша кивает на камни, — надо будет поставить отвлечение внимания.

— Только осторожней, если затронешь что-нибудь тут, то проблем не оберемся, — Миклош явно был напряжен. И так же явно был не в восторге от идеи применять даже простую магию в таком месте.

— Ладно, ладно, — Саша просила взгляд на немногочисленных посетителей крепости, сейчас в основном спешащих покинуть ее до того, как пойдет явно приближающийся дождь. — Если ты встанешь левее, то я сяду завязать шнурки и все достану и без магии.

— Валяй.

Миклош смешается в сторону с по-прежнему напряженным лицом. Саша фыркает такому «разрешению», но осторожно ныряет в угол остова здания, подцепляют ощутимую в Отражении фальшивую грань полого камня и вытаскивает из углубления внутри него небольшой флакончик с непроницаемой темнотой внутри.

— Вот и все. Пошли отсюда, — Саша засовывает флакончик в карман, — и побыстрее.

Остаться в крепости она не хочет, чувствуя что-то, похожее на чужой взгляд. Неприятный и явно приближающийся взгляд. Сейчас не удастся ни засечь его направление, ни защититься. Остается только уходить прочь, ощущая себя Фродо с кольцом под бдительным Оком Саурона. Но, на удивление, они без приключений доходят до ворот.

И ровно в тот момент, когда Саша решает, что опасность миновала, по Отражению проносится вой, переходящий визг, на секунду врезающийся в разум. Пугающий до глубины

души просто потому, что в реальном мире все тихо и спокойно.

Саша Шагает без задней мысли, чувствуя, что источник звука находится именно за Гранью. И слишком поздно понимает, насколько большая это ошибка. Миклош шагает за ней — и они оба оказываются прямо в воротах, оплетенные за ноги стальными нитями. А рядом эти же нити кромсают тело двоедушника-оборотня, неизвестно как попавшего в Отражение. Очень знакомого оборотня. Ориентир, отданный Аленой в рюкзаке у Саше слабо пульсирует, но и без него она узнает Светлану. Мать своей подруги, пропавшую без вести три года назад после уничтожения Свободы. Убийцу и прислужника Паука.

У Саше не слишком много мыслей. Мало мыслей и одно обещание. Она шагает в сторону, чувствуя, как мелкие стальные нити впиваются в ноги, хватая за руку Миклоша, делает еще шаг, дотягивается до оборотницы и хватая ее за плечо. И спустя миг вырывает их обоих из сети, разрывая собственной магией плетения и выбрасывая их всех троих в реальность, безжалостно сменяя чужую древнюю магию. Сила камней пульсирует в Отражении, и как бы не была стара крепости и какими бы не были сложными наложенные на нее чары, менгиры древнее и сила их способно разрушать все на своем пути.

Саша вырывается в реальность, выставляя купол отвлечения внимания и чувствуя, как собственное тело болит от десятка мелких порезов, изрешетивших футболку и штаны, порезов от нитей, едва не дотянувшихся до лица.

— Мика, ты как? — Саша осматривает парня. Выглядит он не очень, но глаза и горло не пострадало, хотя и его одежда превратилась в лохмотья.

— Нормально. Она...

Саша обращает внимание на Светлану. Оборотница хрипит, задыхаясь. Кажется, кое-где в ее теле не хватает кусков плоти. Больших кусков плоти. Миг колебания, и Саша посылает Обращенной собственную силу, кидая заученные стараниями Серафима лекарские плетения первой помощи. И отдавая энергию. Много энергии.

Саша обещала Алене. К тому же эта женщина — доказательство их невиновности. И она должна ответить на вопросы. Сейчас.

— Говори, как ты оказалась в Отражении! Сейчас же!

Из горла оборотницы вырывается лишь хрип.

— Я тебе жизнь спасла!

— Саша, возможно, она поклялась. И у нее в руке амулет, — Миклош указывает на небольшой каменный диск. Парень бледен, но соображает быстро, — думаю, ей приказали его использовать. Эта Пропуск, он позволяет Обращенным не-колдунам проходить через Отражения при применении.

Вокруг голову Светланы вьется темнота. Знакомая, густая темнота.

— Шкатулка... — Светлана фокусирует взгляд почему-то на Саше и явно пытается указать на что-то рядом с собой.

Миклош обшаривает карманы превратившейся в кашу из ткани и плоти одежду и извлекает небольшую черную коробочку.

— Нам нужно помочь ей, — начинает было Саша...

И осекается, чувствуя, как без привязанного теперь к уничтоженной футболки заклинания отвода глаз ее буквально обхватывает темное, сотканное из дыма щупальце. И как мчит на зов своего теперь по-настоящему сработавшего заклинания его хозяин.

Глаза Мики расширяются, когда Саша хватая его за руку, притягивает ближе, заставляя соприкоснуться с измочаленной плотью оборотня — и убирает свою собственную ладонь,

выпускающая приготовленный за секунды светящийся шар.

Секунду ничего не происходит, и Саша чувствует холод чудовищного подозрения... Неужели ничего не сработает?

Но в тот же момент подаренная ей чужая магия охватывает Миклоша и Светлану, и они оба исчезают в яркой вспышке белого пламени, проваливаясь куда-то в глубины Отражения.

На мосту у ворот древней крепости остается только она сама, круг невнимания, кровь на камнях, шкатулка, которую Саша спешно прячет в рюкзак, и первые капли дождя, которым нет дело до происходящего.

Саша ругается про себя, отрубая ближайшие щупальца поиска, заставляя их отцепиться. И бросается обратно в крепость, на ходу набрасывая на себя Отвод Внимания.

Дождь усиливался, и это меньшая из проблем. Не то чтобы у Саши был хоть какой-то план. Ловчий приближался неумолимо, сейчас она с легкостью могла ощутить его присутствие. В крепости она могла уверена, что войдет он ровно с одного-единственного места, пройдет через ворота, а не окажется вмиг где-нибудь спереди.

Немногочисленные туристы спешно покидали крепость. Сколько у нее форы сейчас — минута, две? Нашедшее ее щупальце поисковых чар было куда более дальнобойным, чем то, что противник использовал на вокзале. Но маг все равно был рядом.

Саша бросилась по стене, желая уйти как можно дальше от ворот. Наверху был храм, кажется. Там можно было спрятаться хотя бы за эманациями, за образами Отражения. Быть может получится сбежать по Глубине.

На полпути к древней постройке Саша оглянулась. Что делать с этим магом? Драться с ним? Она могла. Хотя сил и было не слишком много, но она могла по крайней мере попробовать. Несмотря на колоссальное напряжение последних дней, несмотря на то, что сейчас, уничтожая стальные нити Саша потратила, кажется, весь свой резерв сил, она все еще чувствовала камни и токи магии, устремленные к ней через пространство, и, кажется, само время. Она сможет драться. По крайней мере сил на это должно хватить наверняка. Уж достойно-то посопротивляется всяко.

Но что потом? Проиграет — останется без магии и попадет в оковы. Победит — получит обвинения в причинении вреда, а то и смерти. Ничьей не будет, а так оба выхода плохи. Значит лучшая идея сейчас — бежать. У нее есть к тому же этот сосуд Никты, или как его там. Нужно бежать, оторваться от Ловчего, найти место, использовать артефакт и никакого поиска...

Уйти от погони. Сначала — просто сбежать, чтобы за руку не поймали.

Саша развеяла Отвод, не желая выдавать себя им. Если Миклошу столь не понравилась идея беречь отголоски магии в крепости быть может и Ловчий не захочет этого делать. Значит нужно будет сбежать от него так, как сделал бы это человек.

В ворота, видимые от того места у стены, где замерла Саша, так и не дошедшая до храма, наперекор спешащим на выход туристам вошла одна-единственная фигура. Даже если бы Саша не узнала того, кто был на вокзале, она все равно бы почувствовала отпечаток силы маг. И новые щупальца, расходящиеся в сторону от волшебника Ордена.

Надо уходить. Быстро. Вот только единственный нормальный проход к отступлению остался за спиной, а нырять в Отражение прямо здесь, в крепости, чревато необходимостью пробираться через сотни, тысячи образов с шансом разворошить старые плетения или вляпаться во что похуже. Ну и точно привлечь внимание.

Саша бросила взгляд вверх.

Можно пройти выше. Туда, где часть стен обрушилось и где можно просто перелезть через их остатки. И вниз по скалам, там ведь была тропинка, которую Саша видела, когда рассматривала крепость с соседнего холма.

Если потом прыгнуть в море... Рюкзак промокнет. Но она хорошо плавает, а вода хорошо защищает от магии. Просто отлично, на самом деле.

План был безумным. Но ноги сами несли ее наверх, к еще одному, как Саша надеялась, выходу из крепости.

Под начавшимся теперь уже проливным дождем даже подняться к разрушенным стенам не так просто. Дважды Саша едва не оскальзывается на мокрых камнях, еще раз с трудом уворачивается от какого-то бдительного сотрудника. Несколько раз Саша помогает себе магией, подтягиваясь и перелезая через то, что когда-то, очень давно, было остатками стен. Или не было? Она понятия не имеет, на самом деле. Чувствует только что скользко, мокро, и в спину ей дышит Ловчий, явно готовя какое-то сложное волшебство.

Волшебство, которое остается за спиной в тот момент, когда Саша наконец перелезает на ту сторону стен, покидая крепость. Она бежит вперед, теперь вниз по скалам. Толковой дороги нет, и Саша только вещает физический щит на себя и начинает торопливый спуск, опираясь на интуицию, Отражение и страх. Страх получить заклинание в спину, превосходящий страх свалиться на метры вниз. Ловчий не отстает. И Саша Шагает, едва не падая в Глубину. В Отражении скалы вокруг еще более крутые и более непреступные, годами охранявшие жителей крепости от неприятеля.

Саша усиливает щит, на одних инстинктах отбивая брошенную в спину оглушалку. Еще одна вспышка магии — и в спину врезается что-то иное, отдающееся в висках болью. Она прыгает в сторону и катится по камням вниз Отражения, пропуская над головой что-то тяжелое и горячее. Успевает чудом подняться на ноги и вновь прыгает в сторону, уходя от серого росчерка стали.

А потом, на очередном шаге, под ногами исчезает опора. Саша усиливает щит, который в ту же секунду сгорает в момент когда земля вновь возвращается, появляясь со всех сторон разом. Она падает на четвереньки, вскакивает и вырывается с Отражения, чувствуя, что на секунду Ловчий отстает, явно не желая повторять ее безрассудный полет вниз. Секунду форы кажется бесконечным, решающим преимуществом.

Дальше спуск полог, а море близко. На Изнанке, кажется, оно действительно Черное, как какая-то глубокая, бесконечная бездна.

Здесь, кажется, можно просто пройти к морю. Или спрыгнуть тут, если найти нужное место. Крепостные стены нависают над утесом высоко над головой. А Саша, преодолевая последние метры, наконец добирается до воды, которая сейчас, в дождь, кажется неестественно теплой.

Соленая влага омывает тело, и это приносит боль. Все десятки, сотни порезов болят, открываясь вновь. Но это не имеет значения. То, что вещи тянут ее вниз — не имеет значения... Даже тот факт, что рюкзаке после такого купания нетронутым останется разве что телефон, который Саша клала в водонепроницаемый зачарованный чехол, и наушники — по той же причине, да и, по идее, артефакты, побывавшие в море до того, вроде шкатулки или сосуда, значения не имел.

Саша окунулась с головой, прямо в воде избавляясь от разрезанных на лоскуты штанов, и поплыла прочь, не всплывая на поверхность так долго, как только могла. Благо, опыт занятий плаваньем у нее был. Спортсменки не вышло, даже разряд нормальный не получила,

но опыт есть опыт. Шесть лет, отданных монотонному труду, терпению и регулярному отиту сейчас окупались сполна.

Море. Вода. Текущая вода, точнее. Сказки тут почти не ввали — она правда могла помочь против магии. Не от всего и не всегда, это правда. Существовали изолированные от ее влияния артефакты или вместилища, вроде, собственно, Сашиного чехла для телефона или коробки для наушников. Зачаровывала она и то, и то, не сама, самой не хватило терпения. Коля как-то помог, еще на втором году обучения, больше для пробы собственных сил. Да, и насколько Саша поняла, он тогда задумал Кате подарить что-то подобное, и ее просьба предоставила что-то вроде тренировочного полигона для отработки чар. Которые пригодились теперь. Судя по тому, что она сама ощущала, и Шкатулка, и Сосуд не пострадали, как и вероятностный амулет на шее. Татуировка на руке и вовсе, казалось, не думала как-то реагировать на то, что ее хозяйка отправилась купаться.

Все остальное начало медленно, но верно разрушаться. И первыми пострадали наложенные на нее чары. Поисковые, что самое главное. Все активные и пассивные следилки, все возможности быстро найти ее вновь. Все до единой. И защиты — увы.

Плывать. Оно того стоило. Главное, что когда она выберется на берег, Ловчий не сможет найти ее легко. Волны, дождь, ее старания как можно дольше оставаться под водой... Ему придется потратить время. Хотя бы немного. А немного времени Саше хватит. Более чем.

До берега, до узкой полоски пляжа ее доводит лишь один адреналин. И заемная сила камней. Будь она человеком — не смогла бы пережить падения с обрыва. Будь слабее — не скрылась бы от Ловчего. Не будь всех трех камней — осталась бы на дне морском.

Усталость просто запредельная. Но Саша все еще соображает. Выбирается на берег, вся в порезах, в лохмотьях вместо футболки, промокшая, в одиночестве на безлюдном пляже...

Кажется, к ней кто-то бежит. Плывать.

Саша лихорадочно роется в рюкзаке едва выбежав на берег. И находит — работающий телефон, наушники и Шкатулку.

Мир вокруг окутывает полнейшая, неестественная тишина, стоит только закрыть уши. И начать крутить крошечный рычажок, едва заметный в простом деревянном корпусе старой шкатулки. Говорят, такие и правда были в Древней Греции и играли они простенькие мелодии. Наверное — простенькие. Саша понятия не имеет, какие именно звуки воспроизводит шкатулка. Только чувствует магию, изливающуюся вокруг. Магию, укутывающую все в ровное, теплое полотно ночных грез.

Кто мог подбежать к ней первый — какой-то парень из местных или москвич-ловчий Саша так и не успевает понять. Да оно и не нужно. Они оба падают в нескольких десятках шагов от нее прямо на мокрый песок крепко спящими.

А Саша бежит прочь. Магия шкатулки будет держать спящим Ловчего еще несколько десятков минут после того, как сами звуки перестанут касаться его слуха. Несколько десятков минут фоты. Не меньше получаса, как Саша надеется.

Она бежит прочь. Вынимает наушники. И торопиться, торопиться, спасая собственную жизнь.

За полчаса Саша успевает переодеться, повесив отвод внимания, прямо на улице. Уничтожить лохмотья, в которые превратилась одежда. Повесить собственные щиты вновь. Чудом поймать такси, готовое увести ее прочь. Увести куда-нибудь, и Саша выбирает пунктом назначения Коктебель, просто потому, что когда-то слышала об этом месте. Успеет перевести нужную небольшую сумму водителю и покинуть Судак, держа

активным Сосуд Никты, окружающий все Отражение вокруг такси чем-то неуловимым. Саша не до конца понимает, чувствует ли она это покрывало или придумывает, но уверена, что сам артефакт действительно работает. Она это чувствует, и этого достаточно.

Никто не встречает ее в Коктебеле. Никто не жаждет ее ареста, но Саша все же удерживает все щиты в короткой прогулки до работающего отеля, где вновь переводит значительную сумму за первый же предложенный одноместный номер, в который Саша забегает почти бегом и вновь использует Сосуд в надежде остаться неузнанной. Ставит защиту, ставит все, что знает для отвода любых незваных гостей...

И засыпает в тот момент, когда только садиться на кровать, даже не сняв обуви. Просто падает прямо на мягкое одеяло — и мир забирает темнота.

Но привычный сон не приходит. Вместо него Саша оказывается в знакомом, очень знаком месте. И — не в одиночестве.

— Как я себя обнаружила?

Саша сидела на мху около речки что текла прямо по ее «гостевой» поляне в собственном, расположенном где-то на границе грез и воспоминаний, лесу. Сидела около моста, на котором, опираясь спиной на трухлявые бревна перилл, обосновалась женщина в светлой накидке наподобие той, что была привычна жителям Греции в давние времена. Саша не удивилась ни месту, ни тому, что обнаружила себя не в одиночестве. Удивляло только то что женщина, похожая разом на Афины и самую обычную гречанку-простолюдинку сидела прямо на мосту, не собираясь переходить и явно не боясь упасть в холодные воды реки, текущей прямо под ней.

А пугал тот факт, с какой легкостью Карина нашла ее.

— Да никак, — гречанка чуть улыбается, — не стоит тревожиться, мотылек. Никто скроет тебя от всех любопытных глаз. Я могу лишь предполагать, где именно нужно будет искать тебя в физическом воплощении, если понадобится. Но — «если». Сейчас мне это не нужно. Так что не нужно переживать, никто из незваных гостей не прервет нашу беседу, я в этом более чем уверена. Но, увы, нет и бесконечного количества времени, которое мы можем провести за разговорами. Как ты оцениваешь все, что произошло с тобой за последнюю неделю? Горы, интересные знакомства, красивые места...

Саша несколько секунд пытается понять, о чем именно спрашивает волшебница. Наверное, ей нужно удивляться направлению беседы, но сил на это просто нет. В итоге она сдается и просто отвечает честно:

— Это было совершенно бессмысленно.

Бессмысленно, опасно и крайне разочаровывающее. И немножко глупо.

Саша на мхе, поджав под себя ноги. Даже здесь, в ее собственном мире, тело неприятно болело. Тончайшие полосы-раны покрывали все от ступней до плеч, никак не желая подживать. Конечно, даже без магии столько порезов не могли нанести серьезный ущерб... Но Саша уже привыкла к тому, что сила сама залечивала подобные травмы. Стоило только захотеть. Конечно, когда речь шла о неглубоких порезах, о чем-то едва ли больше серьезных царапин. Ну или легких ожогов на худой конец — не более.

Все же она надеялась, что столкновение с Убийцей воров обернется потерянной одеждой, нервными клетками и получасом зуда от заживающей плоти. Но ничего подобного. Порезы не кровоточили, но и совсем затягиваться вовсе не желали, сколько бы силы Саша не пыталась направить на их заживление. Конечно, самоисцеление не приветствовалось, но и речь шла все-таки ни о чем-то ну очень страшном. Но, тем не менее, самые простые и очевидные средства не помогали.

И самое смешное — даже здесь, в ее реальности, точнее — где-то в пограничье между миром снов и ее собственным миром, раны остались.

— Что именно было бессмысленно? — женщина подняла бровь, — так можно сказать много о чем и ни о чем разом.

Говорила гречанка негромко, но ее голос с легкостью заглушал реку.

Саша дергает головой.

— Мы ездили в горы. Дорога, время, поиск Алены, ориентир на Светлану, полученный с таким трудом... И что? Светлана сама нас находит. Сама, еще и со шкатулкой. Зачем все это? Были ведь пути и проще.

Женщина усмехается.

— Простые пути редко правильные, мотылек. Смотри, — она с легкостью находит какой-то небольшой кусок дерева, когда-то отвалившегося от перил, и кидает в воду. Деревяшка, давно отсыревшая, отбрасывает круги по приземлению, и устремляется прочь. — Течение быстрое, но ты видела круги. А еще теперь это дерево может попасть в узкий ход русла ниже и запрудить его. Может стать тем, чем бобры заткнут брешь в своей лучшей плотине или тем, что разрушит их творение. А может и вовсе окажется в море, даст приют тамошним обитателям или случайно убьет кого-то из них. Ты не знаешь. Всего и вовсе не знает никто, так что рано говорить о бессмысленности.

Саша скептически поднимает бровь.

Гречанка искренне улыбается.

— Спешка ни к чему. Со временем ты поймешь, когда спешить нужно, а когда нет. Поймешь, — женщина пару секунду рассматривает Сашу внимательным взглядом, потом легко кивает сама себе. — Ты небезнадежна, так что поймешь.

— Спасибо.

Женщина фыркает.

— Небезнадежна — так себе комплимент, знаешь ли. И я собственно не нахваливать тебя пришла, это не моя специализация.

Саша напрягается, и гречанка только отмахивается.

— За руганью тоже не ко мне, но если тебе так нейдет, можешь спросить у того вечно всем недовольного брюзги, что скрывается в твоём собственном разуме, говорит твоим голосом и представляется здравым смыслом, на деле неся лишь маску критика и мнимой заботы. Он сделает все в лучшем виде. Видишь ли — ты отправила мне подарки, и как-то неправильно было молчать, получив их. А тот смешной шифр, виденный тобой, увы, тебе самой недоступен. Да и, говоря по секрету, мне никогда не нравились эти игры со знаками. Всегда есть способы надежнее, и ими надо пользоваться. Надежнее — и содержательнее. А мальчики пусть играют в своих пляшущих человечков.

Наверное, выражение лица Саши было весьма красноречивым. Гречанка засмеялась, и смех ее казался на удивление ярким и искренним.

— Ты предполагаешь, что я не читаю книг?

— Простите.

Собеседница лишь отмахивается.

— На ты. Великие боги и богини, что за привычка в вашем языке одним словом возводить собеседника на пьедестал и разрывать с ним всяческий контакт, прикрываясь далекой дистанцией? Я отдаю дань твоему уважению, но маги равны меж собой.

— Извини.

— Пустое. На деле — если перестаешь интересоваться миром вокруг, он все равно начнет интересоваться тобой, рано или поздно. Но интересоваться событиями и вмешиваться в них — две очень разные вещи. Но, тем не менее, я здесь. Я думаю, кто-то иной может прийти к тебе позже. Или нет — сложно сказать. Но, так или иначе, нужно двигаться дальше. Спрашивай, иначе, если я решу говорить все, что мне известно, мы не закончим до падения следующего Рима.

Саша проводит рукой по волосам, неволь вздрагивая от боли во всем теле при малейшем движении.

— Мика и Светлана... Я использовала ваш подарок, но не знаю, правильно ли...

Гречанка фыркает.

— Да все ты знаешь. Мне что, инструкцию на каждый чих писать? Разобралась ты и без всяких вопросов, не делай себя слабее и глупее, чем есть на деле. Следующий вопрос.

— Они в порядке?

— Удивительно. Ты переживаешь не только за того, кто считаешь тебе названный брат, вернувшийся в мир твоими стараниями, но и за двоедушницу, что выпадет шанс — убила бы вас обоих. Что, кстати, она и собралась сделать, если бы получила Сосуд.

Саша чуть качает головой.

— Если ей дали артефакт и сказали его использовать для того чтобы попасть в крепость через Отражение, то это просто убийство. Или ошибка. Но в последнее я верю мало.

— Верно мыслишь. Но не забывай, что во всей этой истории двоедушница вовсе не невинная жертва. Но, определенно, насколько я могу судить, моя дражайшая сестра, почувствовав, что вы прищемили ей хвост и освободили ту, кто потенциально мог пошатнуть ее власть над собственными марионетками, решила избавиться от оборотницы, что была больше всего уязвима. Разум вашего сегодняшнего улова — что спутанная сеть старого пьяницы-рыбака, вся равна в узелках клятв и разрывах добровольного и не очень забвения. Да и, откровенно говоря, приведение в порядок пожеванных Убийцей Воров оборотней не то чтобы любимое мной времяпрепровождение.

Видимо, все мысли вновь отразились у Саши на лице. Гречанка лишь хмыкнула.

— Ты очаровательно пытаешься разом бояться, негодовать, расстраиваться и злиться. Но зря, на самом деле. Не придумывай лишнего. Я не люблю убивать без нужды. И тебе не советую, привычка плохая, и вся выгода от такого шага лишь кажущаяся. Это понимание, кстати, тоже приходит с возрастом. Ну или ты просто до нужного возраста не доживаешь, вот и все. Ладно, это к сути дела не относится. У тебя тут, кстати, неплохо, в следующий раз захвачу вино, с ним будет лучше беседа. Итак, подручная Стеф сейчас в крепких руках подручных Новгородского. Это их проблема, а не моя. В потребный вид она придет ой как не скоро, по меркам нашего дела, оборотни плохо сочетаются с подобными Убийце плетениями, очень плохо. Но если двоедушница пойдет на сделку и не будет вести себя глупо, то не получит смертный приговор, и, думаю, признать тебя своей спасительницей ей все-таки стоит. Хотя в будущем воздержись от подбрасывания мне подобных подарков без веской нужды, это Александр всяких хромых зверушек любит, я же помогаю чужим лишь по большим праздникам. Но в любом случае в итоге главный свидетель твоей невинности у нас. Хотя, признаю, москвичи пока не спешат с признанием своей неправоты. Но не стоит торопить события, до некоторых всегда долго доходит. И эти некоторые почти всегда высоко забираются. Спрашивай дальше, я все же не могу быть тут вечность.

— Миклош... с ним все в порядке?

— Определенно. Он, кстати, избавился от тех украшений, что покрывают твое тело, так что думаю дела в некотором роде у него лучше, чем у тебя. Хотя с другой стороны, он, в отличие от тебя, не может похвастаться второй подряд победой над Ловчим.

— Это было случайно.

Гречанка отмахивается.

— Ерунда. Случайностей не существует. Так что можешь собой заслуженно гордиться

собой. И поглядывать по сторонам — вновь Ловчий на такой трюк не купится, а пока постановление на твою голову в силе, то и не отстанет. Вообще будь осторожна с тем, с кем говоришь и что делаешь. Ты ведь понимаешь, кого видел спасенный вами у моря юноша?

Саша склоняет голову.

Азамат, верно? Она говорит о нем?

Женщина кивает.

— Понимаешь. Не хочешь верить, но прекрасно понимаешь. Помни об этом. Я не намерена рассказывать тебе о том, как поступать. Выбирать тебе, это твоя жизнь, а не моя. И, да простит меня мой воспитанник, я, увы, не вижу сценария, при котором одна-единственная твоя встреча с моей сестрой не состоится. Рано или поздно, так или иначе. Вопрос — на чьих условиях будет эта встреча? У тебя есть козыри, пусть Стеф почти наверняка думает иначе. Но она в погоне за силой и властью давно разучилась быть человеком.

Несколько минут проходят в тишине, нарушаемой лишь журчанием воды в реке.

— Я смогу ей противостоять?

Гречанка фыркает.

— Да нет конечно. Разумеется, нет. Тебе не нужно противостоять Стеф. Если бы дело было в противостоянии, то, разумеется, наш разговор был бы точно не в нынешних условиях и нынешних обстоятельствах. Ты ей не ровня, мотылек, даже со всеми своими заемными силами. Вовсе нет, опыт есть опыт. Но тебе не нужно воевать с моей сестрой. В одиночку точно не нужно.

Саша вглядывается в глаза женщины, пытаюсь понять, о чем она сказала... И о чем не сказала.

— То есть мне нужно сдать? Стать жертвой, отдать свое тело, и...

— А ты хочешь? Если да, то я буду весьма разочарована. И удивлена, а второе, поверь мне, куда более редкое событие.

— Нет, но ты сказала...

Женщина наставительно поднимает палец.

— Я сказала, что тебе не нужно противостоять Стефании. Не нужно драться с ней. Даже не пытайся — она размажет тебя по стенке в прямом бою. Твоя задача — противостоять ее планам. Планам, и только им. Она играет сложную партию в го на доске со многими гранями, и в этой партии победить тебе едва ли удастся. А вот заменить го на чет-нечет или кости тебе вполне по силам. А саму сестричку оставь мне. Или еще кому-то. Или и вовсе случаю.

— Я не понимаю.

— Выбор, Александра. Всегда есть выбор. И именно его нужно сделать. У тебя для этого достаточно сил, и моя сестра, как бы не хотела, тебе не помешает, будь уверена. Все эти планы — череда выборов, как своих, так и тех, кто должен сделать кто-то другой. Выбирай с осторожностью, но когда выберешь — не сомневайся. Делай то, что считаешь верным — это единственный правильный путь.

С этими словами женщина неожиданным и несколько неестественным прыжком перемахнула через перила моста, прямо в реку, и поплыла прочь, подхваченная все усиливающимся течением. Саша несколько раз моргнула. Гречанка — Карина исчезла где-то за поворотом реки, теряясь в окружающем мире.

Саша еще несколько секунд смотрела ей в след, а потом легла на мох, пытаюсь

расслабиться и смотря в далекое синее небо, теряющееся в сейчас почти исчезнувшей думке. Ей лишь хотелось, чтобы царапины зажили и боль ушла. И соображать ясно тоже хотелось.

Выбор. Все говорили о нем — но выбор в чем? Или чего?

И Аня... Азамат видел ее. Разумеется — кого еще? Кто мог быть там? Кто мог быть в напарниках у Светланы? Конечно, логика подсказывала, что вариантов на деле было много. Но предчувствия неумолимо твердили, какой из этого множества вариантов правильный. Да и на это, кажется, только ленивый не намекал.

Аня покушалась на жизнь мастера по изменению лиц. Именно из-за нее Светлана напала на Азамата, хотя и не убила, несмотря ни на что.

Аня, что ее не помнит. Подруга, которой Саша невольно сломала жизнь, отобрав и мать, и отца во время истории с сектой Боготова. Тогда она обратилась к Ане за кровом, и та согласилась. А после, когда выяснилось, что секта, связанная вассальными клятвами со своим главой, собирается похитить атомную бомбу, Саша бежала в Орден. И побег этот стоил жизни отцу Саши, добровольно пожертвовавшим собой ради будущего дочери. В итоге Боготов погиб, бомбу отобрали, виновных наказали, общину разогнали, но мать Ани исчезла, а саму девушку перевезли куда-то в Сибирь, подальше от юга и плохих воспоминаний. Вуаль Времени, под которую попала Саша после одного расследования и общения со скиа, стерла у Ани все воспоминания о бывшей подруге. И Саша, вновь встретив ее в Пензе, вовлеченную Пауком в свою игру в качестве простой марионетки, поняла, что Аня ничего не помнит. Не узнает ее.

Паутину интриг Саша разорвала, всех причастных осматривали люди Ордена. Тогда казалось, что все позади, влияние сбежавшего Паука было мимолетным, а Аня продолжит свою жизнь в безопасности с появившимся парнем. Саша даже наладила с ней подобие переписки, зачем-то вновь желая общения со своим первым близким другом из мира магов...

Вот только теперь бывшая подруга оказалась сообщницей своей матери, прислужницы Стефании-Паука, что желала... Ничего хорошего Саше не желала.

Алена уверяла, что Светлана сделает все ради своей дочери. Если Аня все еще с Пауком — то каковы шансы, что она отвернется от Стефании ради матери? Или уже поздно?

Увы, никто не мог дать правильных ответов. Никто, как не хотелось Саше эти ответы получить.

Вопрос в том, какой вариант стоило считать отправной точкой. Какую гипотезу принять на веру и отталкиваясь от чего действовать. От этого и зависел выбор.

Саша прикрыла глаза, наслаждаясь ощущением мха под спиной, и начала погружаться в самый обычный сон. Сейчас она все равно ничего не решит. Но отдохнуть после всего ей очень и очень хочется.

Утро вечера мудренее.

Глава 6

Саша сидела за столиком прибрежного кафе, рассматривая лениво набегающие на пляж волны. В дело пошел третий стакан кофе.

Сидеть в номере не хотелось, поэтому она просто забрала с собой артефакт обнаружения, надеясь, что присутствие четкой границы бетонного фундамента, на котором располагалось и само кафе, и его летняя терраса, как-то укладываются в идею работы этого Сосуда Никты. Хотя что именно делал артефакт ей так и не удалось узнать. Слишком сложные и неуловимые плетения магия исходили из него, настолько сложные, что были совершенно непонятными.

Наверное, вот так ждать было несколько безрассудно. Но вчерашний адреналин, вчерашнее напряжение исчезло без следа, как и ясность мысли. Вместо всего этого теперь по разуму растекалась усталость. Порезы после сна во сне почти затянулись, хотя Саша все равно чувствовала их по всему телу, чувствовала тонкими нитями, при резких движениях напомиравшими о себе.

Вещи промокли. Вчерашнее купание в море не пощадило почти ничего, и если тому небольшому количеству одежды, что Саша брала с собой, помогло небольшое полоскание под краном, то почти все остальное перестало быть годным к использованию. Осталось благодарить инженеров и предпринимателей со всего мира, придумавшего банковские переводы через телефон, и собственные накопления на карте. Иначе осталась бы и без денег. Благодарить и надеяться, что в ближайшее время ей не заинтересуются господа полицаи, иначе без паспорта, полностью размокшего, и личность подтвердить свою будет нечем.

Саша невольно сжала руки вокруг теплой чашки. Она так уже оставалась — без всего. Тогда у нее не было даже телефона... Не было столь больших сил. И не было Паука, желающего ее заполучить... И москвичей с их предписанием об аресте. Хотя она так же была одна. Теперь скорее физически, в теории Саша могла попробовать дотянуться до наставника или Миклоша через Отражение. Но если она решится на такой разговор... Кто сможет обещать, что не будет последствий? Что их не привлекут по какому-нибудь надуманному обвинению, связанному с ней или с чем-то еще?

Светлана — подлинная убийца. Она может подтвердить, что и Саша, и Миклош не имеют отношения ни к чему из того, что случилось в Анапе.

А может ли? Все эти клятвы... О том, чтобы она молчала, должны были позаботиться, отправляя ее подчищать все. Или, если у Стефании есть свои люди... Ты можешь быть уверена, что главный свидетель твоей невинности останется в целостности и сохранности в руках Ордена? Московского Ордена, где два века в Совете был анасталеи, тело с чужой душой внутри?

Саша терпеть не могла этот противный внутренний голос. Критикующий, сомневающийся... Но сейчас в его рассуждениях была доля здравого смысла. Нужно быть осторожной. Предельно осторожной.

У нее не хватало понимания происходящего. Совершенно не хватало. Цельная картина не складывалась.

Карина считала, что Стефания хочет захватить ее, Сашу Неродовой, тело, желая получить больше сил и избавиться от проклятия. Волшебница дала браслет, который, по идее, должен был защитить от подобных вещей. Саша попыталась напрячь память,

сопоставляя все, что она знала обо всех способах, в которых Паук мог стать постоянным проживающим в ее теле. Карина говорила, что ее знакомая намерена пройти путем Миклоша с временным пребыванием в промежуточном носителе-предмете.

Саша склонила голову.

Что-то не сходилось. Точнее — сходилось, но криво. Положим, первый эксперимент Мика проводил в одиночестве. Но остался он в предмете потому, что его собственное тело заняли, так? Другое сознание. Допустим, Паук сможет решить эту проблему. Как-нибудь. Или просто останется внутри промежуточного носителя, как-нибудь изменив ритуал. Допустим. Но потом? Ведь, если говорить по правде, Миклоша в нынешнее тело переселяла она сама, пусть парень как мог руководил процессом. Но получилось все благодаря именно Сашей сила. Начальник, кажется, говорил, что ритуал вообще был проведен с ошибкой, и все решило лишь количество вбуханной магии. Силы проводника менгира.

Сила... Три камня. Сейчас Саша, несмотря на усталость, чувствовала все три линии силы, медленно, но неумолимо вновь заполняющие ее изнутри. Три... Было ли это частью плана Паука? С самого начала? Стефания, или как ее там, ведь наверняка знала об общине, через своего анасталея-советника организовав все с бомбой. И привлекла ее. Первый камень. Второй — в самом центре паутины, в Пензе, где их враг говорил о том, что Саша нужна ему. И, наконец, горы. Алены явно не была подручной Стефании... Но могла ли Паук не знать о цепи? О том, что ее союзницу, Светлану, способную стать убийцей, однажды пытались спасти из общины? Не знать о том, что у оборотницы есть сестра?

Не было ли все это дело лишь попыткой привести ее, Сашу, к камням и так или иначе подтолкнуть к контакту с ними?

Паранойя — или просто расчет?

Карина признавала, что, вполне возможно, захват тела не был основной частью плана.

Саша сделала большой глоток кофе. Напиток почти остыл, но все равно казался не самым плохим на вкус. И не плохо разгонял мысли в голове.

Во-первых, у Стефании точно должен был быть союзник, хотя бы один. Светланой она пожертвовала, отдавая самоубийственный приказ. Георгия убила, вампира в Пензе тоже отправила за Грань без труда. Остальные, о которых Саше было известно, были марионетками без собственного разума. Но переселение в одиночку не повернуть.

И во-вторых... Если Паук желал ее тело, желал ее силы и желал оказаться связанным с менгирами — то зачем ждать?

Последнее смущало больше всего. Коль Саша сама оказалась в роли такого макгаффина, вещи, которой нужно обладать, то, стоило признать, поведение Стефании смотрелась просто глупо. Если та и правда влияла на ее родителей, на родителей их родителей... В чем была сложность самой провести Становление? Или и вовсе переселиться тогда, когда Саша о магии и знать не знала?

Сейчас планам Паука мешала не только Саша. Наставник, начальник, Карина, Миклош, близнецы, возможно — кто-то еще... Ее союзники, так? Не проще ли было просто не дать Саше обрести их?

Если бы Стефания сама провела Становление, то она могла бы требовать чего угодно, рассказывать о чем угодно и нарисовать Саше любую картину мира магов, хоть ту, где для получения знания и силы надо самой лечь на алтарь. Но она не сделала этого. Со своими марионетками, мужчинами и женщинами, с множеством ресурсов и какими-никакими сторонниками Стефании зачем-то привела все к нынешней точке, точке, в которой у Саши

потенциально много силы, мало помощников и нет доверия среди, по крайней мере, части магического сообщества.

Но все же, все же... Если предположить, что все идет по плану, каким бы этот план не был, значит, Стефании все происходящее сейчас нужно. И коль она пока сама не пришла за Сашей, значит, еще не время. Ведь могла бы прийти, разве не так?

Отчаянно не хватало еще какой-то части знаний. Намерений. Что бы там ни было, просто ради того, чтобы получить тело, Паук не стал бы все это затевать. Значит план в ином. Значит переселение — лишь приятный бонус. Но бонус к чему?

Саша допила кофе.

В общем-то, у нее была возможность спросить. Напрямую. Не у самого Паука, но все же.

Она не хотела убегать. Не хотела вечно жить в страхе, прятаться за кого-то, кто сам может пострадать. Не успела бы вчера, не была рядом, — Убийца Воров убил бы Миклоша. Остальных, кто Саше помогает, могут привлечь, нейтрализовать... Зачем вовлекать их в бесконечную борьбу? Стефания все равно ее найдет, рано или поздно. Возможно, стоит самой найти Паука?

Идея казалась безумной. Очередным путем прямо в ловушку... Но безумным было участвовать в незнакомом ритуале. Доверять человеку и оборотню в Свободе и верить их историям об атомной бомбе. Безумием было становиться под заклинание предателя у камня, идти за ребенком в туман, доверять скиа и голосу в голове, что представился опасным преступником. Безумием был спуск под гору и поход к камню в лесной глуши. Да что уж — безумием было вообще согласиться на странное предложение рокера на вид не совсем от мира сего на фестивале, рассказывавшего о новой работе и новых возможностях и показавшего странные цвета...

Слишком много всего было безумием. Но пока она еще была жива.

Саша заходит в социальную сеть. Увы, Аня так и не прочитала ее сообщение. И едва ли прочтет, не заходя сюда уже давно. Можно позвонить, номер-то ее у Саши сохранился.

Впрочем, всегда есть варианты лучше.

Саша прикрывает глаза, прикасаясь к Отражению. Муза, самый странный из ее союзников, как-то сказала, что Грань связывает всех тонкими нитями. Саша всего раз пользовалась этой подсказкой до сегодняшнего дня. Тогда было легко, сейчас же она искала нужную связь куда дальше. Давила усталость, давили осязаемые линии защиты, явно ограждавшие Аню от вмешательства. Подарок Стефании?

Но все же... Пусть Аня ничего и не помнила, но Саша помнила все. И то, что три года назад она правда считала ее близким человеком. Интересно — взаимно ли?

У меня есть информация о твоей матери, — Саша лишь посылает образы, не задумываясь о том, что ответит бывшая подруга, — *встретимся на пляже в Коктебеле.*

Теперь оставалось ждать. Сколько понадобится Анне, чтобы добраться сюда? Из Анапы — не меньше пяти-шести часов. Но была ли она там, или нет? Стоит ли вернуться в отель?

Какая разница?

Ты думаешь, это разумно? — Человек в Черном перед ее внутренним взором качает головой. Связь заблокирована, и Саша не уверена, говорит ли это реальный человек или ее воображение. Но все же отвечает.

Разумность точно не мой конек. Попробую сыграть в покер, карты-то на руках неплохие.

Как знаешь. Но если что — обращайся за помощью.

Непрерывно.

Пока только неясно в чем может понадобится эта помощь...

Аня явно была не в Анапе. Саша успевает лишь раз искупаться, позагорать и выпить несколько чашек кофе, каждый раз стараясь укрыться Сосудом Никты, не желая вновь встречаться с Ловчим, когда на пляже появляется знакомый силуэт.

Почти темнеет, но Аню узнать несложно. Она не скрывается, да и почти не изменилась.

— Ты связалась со мной, — бывшая подруга подходит совсем близко. Настолько близко, что Сашу на секунду обжигает страх... Но поздно — незамеченное ранее холодное лезвие касается ее бока, чуть надавливая, — ты убила мою семью и имела наглость говорить со мной, мразь.

Саша сглатывает, стараясь не только не двигаться, а почти и не дышать, боясь ухудшить свое положение. Ни на это она рассчитывала...

— Твоя мать жива. Клянусь.

— Ложь, — металл проникает глубже, уничтожая все ее щиты, вызывая боль...

— Обещаю, ты сможешь ее увидеть, — Саша чудом удерживается от паники, ответной атаки, и от желания позвать кого-то разом. На это уходит все самообладание. Если она убьет Аню, это никому не поможет. — Делай что хочешь, но вначале я отдам одну вещь. От твоей тети.

— У меня нет тети.

— Есть. Ее зовут Алена. Я отдам тебе вещь, просто не нападай до того. Это не ловушка, клянусь.

Отражение проходит волнами, принимая ее клятву. Саше кажется, что пульс в ушах стучит так громко, что заглушает прибор.

Аня несколько секунд изучает ее взглядом. И не только взглядом, явно проходясь и сканирующей магией

— Давай сюда свою вещь.

Саша тянется в карман, чувствуя боль в боку при каждом движении, и извлекает из кармана ремешок с бусиной. Ориентир.

— Это дала мне сестра твоей матери. А ей эту вещь твоя мать. Светлана ранена, но жива.

Аня забирает ремешок. На секунду Саше кажется, что все обошлось, тем более когда клинок отодвигается от тела. Она даже начинает залечивать рану в миг, когда тяжелый росчерк Лишения Силы срывается с амулета, все это время находившегося в пальцах бывшей подруги, и ударяет прямо в грудь.

Саша глупо моргает, оглушенная и ошеломленная исчезновением многих и многих чувств.

— Делаю, что хочу. — Аня ухмыляется.

Отражения просто больше нет вокруг. Ничего нет. Все привычные Саше чувства просто исчезают, словно она вновь на том самом фестивале, не знакомая ни с какой магией...

— Иди за мной, иначе, — Аня делает неуловимое движение, и кинжал антрацитово-черного цвета оказывается у Сашиного горла, — ты знаешь, что это. И знаешь, что будет. В этот раз я не промахнусь.

Саша сглатывает. И кивает.

Рискованные решения приводит к непредвиденным последствиям.

Аня ведет ее перед собой, вновь прижимая кинжал к боку. Чуть нажимая, и одно это

нажатие вызывает мучительную боль. Никто не обращает на них двоих внимания. Совсем никто, но Саша не знает, речь идет о людской черствости, о том, что в надвигающихся сумерках на ее темной одежде не видна кровь или о простом отводе глаз.

Спустя всего несколько минут после начала столь неудачной встречи она почти справилась с первым удивлением от враз изменившегося мира. Бежать было некуда, да и не зачем. Проверять силу Черного Кинжала не хотелось. Она собиралась к Пауку, и теперь, кажется, к нему попадет. Оставалось только ждать, лихорадочно перебирая в уме приходящие мысли.

От Ловчего сбежала, а от своей ровесницы — нет. Теперь никакой магии. Не превращает ли это ее козыри в прах? Как знать, как знать. Но даже если это ошибка, то все равно уже не исправить.

Откуда у Ани амулет с Лишением силы Саша узнавать не намеревалась. Видимо, передал Паук. Почему она сама не заметила набирающего ход заклинания? Кинжал, ярость, замешательство, надежда... Все разом.

Где-то глубоко в душе Саша наотрез отказывалась считать Аню врагом. Совершенно. Просто не могла, и все. Они с Аней вместе открывали для себя первые заклинания, играли в настольные игры, развлекались гаданием, обсуждали все на свете... Потом была та дурацкая практика, где они вдвоем встретили ту волшебницу, сейчас обитающую в Тырнаузе. Увы, встретил ее и бывший с ними Азамат, напавший на женщину, которой светила высшая мера. И Аня, желая спасти ее от наказания, сбежала. Выросшая в общине, живущей вне Закона, она иначе видела мир. А потом Саша сама преступила Закон, пусть и, как выяснилось, то была лишь видимость. И Аня предоставила ей кров и место в своем сообществе. Несколько недель жизни в другом мире общины в лесах, ужасная правда о задуманном одним предателем плане... И вот отец Анны мертв, ее мать бежала, а она сама в итоге осталась совершенно в одиночестве в мире магов, переведенная куда-то на другой конец страны. И с тех пор Саша не общалась с бывшей подругой. А после истории с Вуалью Времени Аня и вовсе забыла о ней...

Должна была забыть. Несмотря на всю ситуацию, голова у Саши хоть немного, но соображала.

Ты уничтожила мою семью.

Не мать, а семью.

В Пензе Аня совершенно точно ее не узнала. Даже если бы она была прекрасной актрисой, Саша очень хорошо ощущала Отражение. Вуаль Времени необратима. Но тем не менее...

Увы, прямо сейчас явно было не лучшее время для вопросов.

Аня доводит ее до самой обычной Нивы, стоящей на парковке около одного из кафе неподалеку от пляжа. Место водителя не пусто. Молодой человек кажется смутно Саше знакомым. Именно он был с Аней в Пензе. Обедал в ресторане, играл в настольную игру.

— Садись, — Аня открывает дверь, — без глупостей.

— Аня...

— Заткнись и садись в машину, — голосом подруги можно было гвозди забивать, и Саша считает за лучшее подчиниться.

В салоне накурено. Саша садится на не самое удобное сидение. Машина... Софии, вроде так ее звали? Или нет?

— Двигайся.

Саша подчиняется. Аня садится рядом, по-прежнему держа кинжал около ее тела.

— Ты не хочешь меня убивать, — Саша бросает взгляд на бывшую подругу.

— Хочу. Очень хочу.

— Но не будешь. Тебе поручили доставить меня.

Аня молчит. Водитель без единого слова запускает навигатор, заводит двигатель и выезжает с парковки. Глаза парня в зеркале заднего вида кажутся совершенно пустыми. Он не был магом, так? Анастасей... Или просто кто-то с промытыми мозгами?

— Неважно, что мне поручили. Важно то, что если ты решишь дернуться, то я причиню тебе боль. Или если мне покажется, что ты решила дернуться, я причиню тебе боль.

В голосе бывшей подруги был не просто холод, а какая-то невообразимая мерзлота. Мерзлота и тлеющая подо льдом ненависть. И больше ничего.

— Ань, — Саша пытается заглянуть в глаза похитительницы, — почему? После Пензы вас про...

— Заткнись, — кинжал прорезает плоть, и Саша стискивает зубы, — еще одно слово, и сделаю так еще. И еще. И еще. И что бы у тебя не было сомнений и искушения жалеть — все, что я делаю, я делаю добровольно. Ты разрушила мою жизнь, и я разрушу твою.

Больше говорить было явно не о чем.

Остаток пути Саша предпочла молчать. На удивление, уезжать из Крыма Аня и ее друг явно не собирались. Более того, Нива, развернувшись, с немалой для такой грузной машины скоростью устремилась вдоль побережья обратно, к Судаку. Саша даже с некоторой ностальгией бросила взгляд на в один момент промелькнувшую по левую сторону от дороги крепость.

Но точкой назначения оказался не Судак, и вовсе не какой-то из крупных городов, а небольшой поселок в бухте на побережье, едва ли в часе пути. Нива подъехала к аккуратному коттеджу, ворота которого начали медленно и бесшумно открываться. Саша усмехнулась про себя несоответствию шикарного и явно очень дорогостоящего дома в этом солнечном месте и побитого жизнью авто.

— Твоя нанимательница не захочет, чтобы у тебя было то, что я тебе дала, — Саша ловит Аню за руку еще до того, как авто начинает заезжать во двор. Плевать, что будет. Она должна предупредить. Должна сказать. Это ведь Аня, в ней должно же хоть что-то остаться от той девушки с ясным и чуть задумчивым взором, с которой они Новый Год отмечали. Должно же, верно?

Аня нажимает на порез. Не кинжалом — рукой. Садистка... И как она раньше не замечала?

— Стефания стояла за планом с бомбой в Свободе. Стефания послала твою мать на смерть в Судаке, но Светлана жива. Клянусь.

От еще одного жесткого прикосновения расходится яркая, огненная вспышка — и мир исчезает в боли.

Приходит в себя Саша лежа на весьма роскошной кровати. Рядом на стуле обнаруживается новенькая одежда и ее собственные телефон. Отражения и собственных сил Саша по-прежнему не ощущает. Это даже хуже, чем почувствовать себя голой неизвестно где. Пусть потрепанные вещи на месте, без магии, без привычной силы в разум прокрадывается страх. Она хотела встретиться с Пауком... И что теперь будет? И как она вообще тут оказалась?

Саша медленно поднимается, пытаясь вспомнить, как попала в чью-то весьма дорого

обставленную спальню. Все в светлых тонах, легких и мягких. Комод, пара шкафов персикового цвета, персиковые же шторы, персиковые ковер, светлые стены... Здесь должно уютно. Наверное. Но Саша кожей ощущает тревогу. Ей доводилось просыпаться после Свободы не в своем доме, и тогда тело болело, и не только тело. Но тогда она чувствовала... Определённо что-то иное. Тепло? Наверное. Здесь же точно было холодно. Словно ее положили в морозильную камеру, пусть это и никак не доказать.

Раны от кинжала исчезли без следа. Как и все амулеты, что были у нее на шее. Саша взглянула мельком на запястье — татуировка осталась на законном месте.

Итак, теперь она пленник неизвестно где и у кого без магии и с единственным защитным амулетом, отданным Кариной. И все. Аню она разозлила и настроила проти в себя. Осталось ли у той вообще что-то кроме злости?..

Отлично. Просто отлично.

Саша подошла к окну, стараясь как можно меньше наступать на ковер. Насколько же отличалось ощущению мха на ее поляне от этого...

Из окна комнаты была виден только небольшой газончик да стена, заслоняющая обзор в любую сторону. Один серый камень да пожухлая трава. Хоть первый этаж, если, конечно, это тот же коттедж, в чьи ворота они недавно въезжали. Может, попробовать вылезти? Через забор же перелезет, и потом...

Дверь отворилась без всякого спроса с тихим, неприятным скрипом. Саша развернулась. На пороге комнаты возникла пожилая женщина, подошедшая сюда совершенно бесшумно. Старуха, на Сашин взгляд. Есть бабушки, есть пожилые леди, а есть старухи. И это не зависит от внешнего вида или одежды, это просто есть.

Саша лишь раз видела фотографию Стефании, но не узнать вошедшую было сложно. Хотя бы потому что та вообще не изменилась внешне с той поры, когда был сделан снимок. Только улыбалась теперь приветливо, по контрасту с недовольным лицом на фото.

— Приветствую тебя, Александра. Во плоти. Увы, моя помощница несколько перестаралась с обеспечением безопасности, но, уверяю, этого больше не повторится. Располагайся как можно комфортнее, тебе никто не навредит.

Саша только и резко коротко улыбается. Есть ли смысл подыгрывать и прикидываться всем довольной? У нее никогда хорошо не получалась врать. Возможно, правда будет лучшим выходом. Все равно ее что-нибудь да выдаст, реши Саша солгать.

— Это не мой дом. У меня нет магии, и, очевидно, я ваша пленница, Стефания.

На секунду лицо старухи озаряет гримаса злости, которая проходит так же быстро, как и появляется, вновь уступая место очевидному расположению.

— О, ты знаешь мое имя. Хорошо, тогда можно сократить количество церемоний. Что касается магии — это лишь мера предосторожности, не более того.

— Предосторожности в чем? А, понимаю. В нашу последнюю встречу вы собирались меня убить.

— Я? — теперь удивление, кажется, было искренним, — зачем мне такая глупость? А, ты злишься за тот небольшой урок... — старуха посмеивается. — Если бы я захотела убить, то убила бы. Так что нет, я не намеривалась причинять тебе смертельный вред. Вовсе нет. Но, разумеется, некоторые уроки могут быть опасны, и это естественно. Иногда творение может оказаться ущербным, и тогда от него избавляется, как избавляются вмиг от потомства при рождении двухголового теленка или хромого жеребенка. Таков закон жизни — выживают лишь сильные. Совершенные. Подготовленные. В тебе все это есть, и я по праву

горжусь тобой.

— Вы... гордитесь мной?

Саша была совсем сбита с толку. Старуха казалось вполне искренней.

— Разумеется. Нечасто удается создать нечто прекрасное, а ты — настоящий венец моих трудов. Не просто плод подбора нужных качеств, не просто выросшая в нужной среде... Ты, в отличие от остальных, выдержала испытание миром. А, поверь, это мало кому удается. Мало кому, да.

— Я мало что понимаю, — Саша скрестила руки на груди.

— Это не так уж и плохо, — примирительно улыбнулась Стефания, садясь на стул около небольшого журнального столика, — то вовсе не плохо. Видишь ли, некоторые люди рождаются чтобы умереть. Некоторые — чтобы сжечь свою жизнь. Некоторые — утонуть в болоте повседневных забот. А некоторые, как ты и я — чтобы править. Не восседать на золотых тронах, не набивать брюхо, а управлять. Создавать новое. Воплощать в жизнь свои идеи. Вести мир к лучшему порядку. Созидать. Так живут те, у кого достаточно сил. Вот только мир вокруг не любит тех, кто силен. Все норовит связать, растоптать, унижить. Люди, рожденные умирать, сторгать или гнить всегда завидуют тем, у кого есть силы и достоинство. По первых много, а последних мало. Исчезающе мало.

Саша все еще разглядывает старуху. Та улыбается.

— Я долго искала ту, кто сможет стать равной мне. Все было не то. Никому не хватало ни сил, ни воли, ни упорства идти по пути свободы и созидания. Не хватало смелости воплощать свои идеи. Ни моим сестрам, ни их последователям, ни моим собственным ученикам. И я поняла что все, что я должна делать — создавать. По образу и подобию. И не просто создавать. Мало вырастить саженец, нужно, чтобы он смог укорениться в самом сложном грунте. Я создала тебя, долгие годы создавая нужное окружение. Сводя нужных людей, говоря нужные слова. Создала — и отправила мир. Жить, набираться сил и знаний. А теперь настал час вернуться домой. И стать по-настоящему равной, по-настоящему сильной и по-настоящему свободной.

Саша подняла бровь.

— Так все это просто мое... похищение?

— Похищение? Нет, вовсе нет. Увы, пришлось применить немного жесткости, иначе ты едва ли бы стала меня слушать. Когда отпускаешь кого-то в мир, надо понимать, что там, в этом мире, есть и полезные, и вредные влияния, и с последними приходится иметь дело. Так что это лишь способ сделать так, чтобы нам никто не помешал.

— В чем?

Стефания чуть улыбается.

— А ты нетерпелива. Я чувствую жар в твоем желании действовать, и рада ему. Сейчас тебе доступны лишь немногие из сил и знаний трех камней, что связаны с тобой. Крохи. И годы, столетия уйдут на то, чтобы эта огромная хотя и собственная, сила была тебе полностью подвластна. Тело мага, увы, несовершенно, сколько не изменяй, сколько не улучшай его. Но это поправимо. Есть способ получить доступ ко всем возможностям, что подарил тебе мир. И совсем скоро это случится. Ты станешь поистине могущественной. Сможешь делать все, что захочешь. Сможешь изменить мир, сбросить наконец Вуаль Времени со всего сущего. Ту Вуаль, что жалкие слабаки, обреченные гореть и гнить, набросили вокруг, боясь, как бы кто ни прознал об истинной силе и истинном могуществе волшебников. Набросили, веря, что все, что уготовано магам — прозябать в неизвестности

под пятой забывших свое место непосвященных людей, править которыми мы были рождены. Мы рождены властвовать, а теперь боимся, что жалкие бессильные создания узнают о магии, словно это проклятие, а не дар... Но скоро все изменится. Мы с тобой все изменим и освободимся наконец от страха перед людьми. И освободим всех остальных. Дадим каждому магу и волшебнице возможность развивать свой дар без страха, возможность созидать без границ и властвовать без стыда на благо всех. Исцелять больных, улучшать урожаи, подбирать нужных людей на нужные места... Сколько всего можно добиться, используя наш дар во благо. Столько всего, о чем поколениями мечтали все философы. Мы, маги, создадим мир, где нет места болезням, страданиям и насилию. Где ресурсы в изобилии, где наука в приоритете. Сколько всего мы сможем создать вместе с людьми, с их технологиями. Не боятся атома, а контролировать его. Не страшиться войны на уничтожение, а знать, что она никогда не настанет. Совсем скоро мы уберем покрывало слабости и дадим шанс миру быть таким, каким он заслужил стать. Мы с тобой. Как я горжусь тем, что наконец нашла ту, кто равна мне. Кто превзойдет меня, как всякий ученик превосходит учителя. Добро пожаловать домой, Александра.

Стефания мягко улыбается и покидает комнату, оставляя очень, очень озадаченную Сашу наедине со своими мыслями.

Дни тянулись за днями, похожие один на другой, словно время замерло и никак не желало идти вперед. По крайней мере, так казалось Саше. Наверное, так казалось бы любому пленнику в доме, покидать пределы которого он не имел никакого права. Саша попробовала уйти. Несколько раз. На деле даже — не несколько раз, а несколько десятков раз. И просто выйти за дверь, вылезти в окно днем, вылезти в окно ночью, разбить окно, украсть ключи, найти путь на крышу...

Не то чтобы в этих попытках было много смысла. Без магии — куда она убежит? Но могла бы хотя бы телефон найти попробовать у соседей. Позвонить наставнику. Предупредить. Иронично, что теперь, когда план Стефании стал явным, как и место Саши в нем, она просто не могла передать никому полученное знание. Мобильник исчез, как и плеер и вообще все личные вещи, кроме одежды, за которую Саша цеплялась так, словно от этого что-то зависело.

Утром и вечером в комнате появлялась еда, хотя понять, кто ее приносил, так и не удалось. Почти все было взято через какую-то службу доставки, все лежало в нейтральных пластиковых контейнерах стандартными порциями. Саша была уверена, что еду приносит Аня под чарами отвода внимания. И еще она знала, что в доме кроме нее и бывшей подруги никого больше не было.

Откуда было это знание, Саша сама не понимала. Просто интуиция, которая редко ее подводила и до того, как магия оказалась реально существующей.

Так или иначе, с ней никто не пытался говорить и никто не пытался навредить. Но потому что сюда больше никто не приходил, а Стефания, рассказав или все что хотела, или все что могла, исчезла, оставив ее не то мириться с уготованной участью, не то проникаться важностью момента, Саша предполагала, что бывшая подруга теперь была кем-то вроде ее тюремщика. Интересно, было ли это наказание или поощрение для Ани? Если и правда между ними двоими теперь осталась лишь одна ненависть...

Так или иначе, ее никто не трогал. Не запрещал никуда заходить, хотя и помещений-то было — кухня, гостиная с неработающим телевизором да библиотека с классикой русской литературы, несколькими явно впопыхах купленными настольными играми и случайно оставленной кем-то колодой игральных карт. Нашла их Саша на, кажется, второй день. Точнее на вторую ночь пребывания в этом холодном доме. Она почти не спала, не то из-за давления места, не то из-за нервов. Да и странно было находиться в доме, пропитанном иллюзиями. Хотя бы потому что этажа тут было два, она точно помнила внешний вид коттеджа, когда подъезжала. Два этажа. Но доступен ей был только один. Никаких запертых дверей, вовсе нет. Просто прохода наверх не было. Не было видно ее глазам, и одно только это давило на разум.

Карты были единственным развлечением. Классическая литература Саше никогда не нравилась, разве что Достоевский с Гоголем, но пару книг этих авторов, стоявшие в этом доме, она прочитала еще в первый день. Играть в настольные игры вроде «Монополии» с самой собой было крайне бессмысленным занятием, а обнаружившиеся шахматы быстро наскучили, да все равно Саша не слишком любила эту игру. Оставались карты. Пасьянсы, которым когда-то научила мать, хотя бы были тем, что хоть немного развлекает оставшегося в одиночестве человека.

Неизвестность раздражала. Саша узнала, что именно хочет от нее Паук. Но как именно это должно произойти? Когда? И, к тому же, все эти рассказы о Вуали, о могуществе...

Конечно, первый вопрос, который Саша когда-то, кажется, в прошлой жизни, задала Серафиму, был простым: «Почему маги скрываются?». И ответ был не менее простым: «Потому что однажды люди, зная о магии, и маги, ищущие среди людей союзников, перешли черту, толкая мир все дальше и дальше в пропасть. И это не должно повториться».

В книгах по магической истории о тех самых войнах, что предшествовали Закону и Перемирию было сказано не так много. Но достаточно, чтобы понять, что тогда творились вещи не менее ужасные, чем во время Мировых Войн без всякой магии. Вот только люди не могли сдирать взглядом кожу и не пили кровь ради жизни...

Возможно, Саша бы поверила Стефании, ее словам о новом мире. Ведь на самом деле магия могла решить огромное количество проблем. Возможно... Не будь Миклоша. Не будь его истории, истории человека, который лишь случайно пересекся с Пауком, даже не зная об этом, и потерял жену, дочь, честное имя и собственное тело. Что будет в мире, где такие Пауки будут править людьми? Где магический прогресс и, что куда важнее, власть Затронутых ничего не будет сдерживать?

Саша очень хорошо помнила наглядное занятие в самом начале обучения. Игру, устроенную Михаилом Ефимовичем. Когда одно единственное вмешательство одного-единственного волшебника породило споры и ссоры самых разных групп людей, лишь отдаленно связанных со всем происходящим, но, тем не менее, получившим повод для вражды. А что, если таких поводов будут десятки? Сотни?

Все, что ей остается без развлечений и новостей — только раз за разом обдумать план Стефании. В одиночестве. На то и был расчет? Или лишь совпадение?

Саша ни на гран не поверила Стефании про то, что она, дескать, самое лучшее творение старухи. Все это было лишь способом завоевать доверие. Может, раньше она бы и повелась на это. На все эти слова про то, что кто-то ей гордится, про равенство, про силу... Ей это нравилось, на самом деле. Разве не этого Саша сама всегда хотела — свободы? Не только для себя — для всех. Она хотела мира, в котором никто не умирает от врачебных ошибок, ведь лекари-диагносты не ошибаются. Мира, где от ударов по голове исцеляют за минуту, а пьяные водители просто не садятся за руль потому, что им не позволяет их собственный разум, и в кого не врезаются. Мира, в котором Затронутые и люди живут вместе... Мир прогресса и процветания, где она, между прочим, в любом случае будет в выигрыше. Маг, да еще и со столь большой силой... А в этом новом мире она будет магом, не то что сейчас. Вот только...

Вот только Саша помнила Свободу и «госпожу» от Тамары. Помнила взгляды людей, опущенных в пол, помнила, чем заканчивалась Охота. Помнила историю Валентины. На всю жизнь запомнила запах опаленной шкуры оборотней, еще недавно в облике людей, мечтавших о новой жизни. Видела игры Паука в Пензе. Помнила смерти в Анапе всех тех кто мог вывести на Стефанию. Погибшие туристы и жертва ритуала в Тырнаузе. Хава, с горечью рассказывающая о своей смерти на алтаре в шесть лет. Светлана, воющая в объятиях Убийцы Воров из-за отданного приказа той, что была просто могущественнее ее. Миклош и Муза, потерявшие все из-за чужих интриг и Маэстро, оставшийся холить и лелеять ту, что уже не была его дочерью.

И это лишь те, о ком Саша знала.

Затронутые, любые Затронутые, были неизмеримо могущественнее людей. Пожалуй,

примерно как человек, способный стрелять лазерами из глаз, и обычный человек. И если в комиксах у суперзлодеев, как и супергероев, есть свои слабые места, то здесь ничего такого не было. У человека не была шанса противостоять Затронутому. Только привлекая другого Затронутого. И так до бесконечности.

Что случится, если завтра мир узнает правду? Ордену ведь придется брать ситуацию под контроль, иначе всепойдет прахом. Новый чудный мир, в котором Затронутые дерутся за лучшие ресурсы, деньги, людей, места. Гонка магических вооружений. «Свободы» на каждом углу. Движения людей против магии. Национальные войны во главе не с фашистами, а с магически подкованными фашистами. «Пророки» и «боги» из числа менталистов и иллюзионистов. Война за власть среди магов и чистки почище репрессий при Сталине, Грозном и всех царях всех стран и эпох. Эпидемии в неудобных странах, переносимые по Отражению...

Ад на земле, в котором свобода одного будет оплачена кровью тысяч. Сейчас грызня между магами и так унесла множество жизней только из-за тех действий Паука, о которых Саша знала. А иные вещи? Иные жизни? Мир прогресса и процветания... А еще мир, где услуги магов смогут позволить себе одни лишь богачи, а покровительство любого Затронутого придется заслуживать рабским трудом. Мир, который разделится на властелинов и ничтожеств, пусть и те, и другие равно мыслят, чувствуют и живут.

Кем бы Саша не могла спать в таком месте, что бы не могла создать, таким мир точно быть не должен. И если Стефании для этого нужна была ее сила, то, значит, нужно найти способ сломать весь план на корню, а не отсрочить его исполнение. Да и в любом случае, чтобы старуха не пообещала — пока никто из ее последователей не закончил хорошо. И Саша прекрасно понимала, кто будет следующим. Аня, ее друг и потом — она сама, как только станет не нужна древней волшебнице.

И несмотря ни на что, Саша хотела спасти Аню от этой участи. Предупредить. Она все же не верила до конца в то, что бывшая подруга правда участвовала во всем этом. Все ошибаются, в конце концов, но ведь можно же что-то сделать, верно? Поэтому она принялась караулить Аню. Ждала, когда та принесет еду, пыталась поговорить. Утром и вечером. Каждый день. Писала записки. Просто ходила и говорила, говорила, говорила, прося об общении.

Аня сдалась на шестой день. Кажется на шестой. Или на седьмой. Но сдалась, появившись с подносом в руках с утра в ее комнате из воздуха. Чары отвлечения внимания, наверняка.

— Ты достала меня своим нытьем. Чего тебе надо?

— Разговор.

Аня хмыкает.

— Мы поговорили. А теперь отстань от меня.

— Аня. Пожалуйста. Мне плевать на то, что со мной будет, я не прошу помощи.

Аня приподняла бровь.

— Да? И чего же ты хочешь?

— Ты говорила, что все добровольно. Что тебя тут не держат.

— И?

— Беги. Пожалуйста, беги как можно скорее.

Аня фыркнула, и вновь исчезла.

Саша не выдержала и просто выплюнула в пустоту:

— Стефания убила Георгия, заставила вас обоих убить всех, кто мог на нее указать в Анапе, пыталась убить твою мать, приказав ей пройти через Убийцу Воров в Отражении! И ты будешь следующей!

Аня удалялась, — Саша ощущала это кожей. В отчаянье она крикнула:

— Твой отец отдал жизнь за тебя! Я обещала ему, что помогу...

Удар обрушился на скулу внезапно, отбрасывая прочь. Саша не пытается защититься, не видя Ани. Да и какой в этом смысл? Второй удар, кажется, ломает ей нос. Третий — выбивает дыхание, приходясь прямо в солнечное сплетение.

На пятом сила удара уменьшается. Седьмой приносит разбитую бровь.

Саша чудом успевает ухватиться за чужую руку, останавливая новую атаку.

— Вспомни, — говорить больно, но Саша пытается. Получается невнятно из-за боли в скуле и разбитой губы. — Пожалуйста, вспомни, почему ты стала сотрудничать с Орденом после Свободы. Вспомни то, что я тебе показала. Я не прошу помощи. Я лишь хочу защитить тебя.

Она не знает, что из этого слышит Аня. Та лишь вырывает руку и удаляется прочь.

Вечером никто не приносит еду. На следующее утро — тоже.

Саша делает то единственное, что может помочь. Пишет записку и оставляет ее около колоды карт в библиотеке:

«Когда-то мы встречали вместе Новый Год, гадали на таких же картах и смеялись, предвкушая будущее. Мы были друзьями. Потом я причинила тебе боль. Я не смогу это исправить и не ищу прощения. Я лишь прошу тебя не разрушать оставшееся. Ради отца, любившего тебя больше своей жизни, ради тети, которая желает познакомиться с тобой, и матери, к которой приведет Ориентир, отданный мной. У меня нет семьи по крови, и мне жаль, что я причинила боль твоей. Но у тебя есть шанс. Пожалуйста, используй его. Каким бы ни было будущее, наша семья, наши близкие — все, что имеет значение».

Вышло до тошнотворности приторно. Но это было единственное, что Саша могла сказать. То, что она хотела сказать.

Наверное, писать это правда было глупо. Но раз за разом прокручивая в голове все, сказанное Стефанией, Саша убеждалась в одной-единственной вещи: будь всееще она тем человеком с фестиваля, без семьи и друзей, она без раздумий бы пошла за старухой. Без колебаний и сожалений. Сейчас же, находясь, быть может, в шаге от того чтобы лишиться жизни и тела, Саша с необычайной ясностью осознавала, что она будет бороться до конца, и бороться не ради себя. Она чувствовала, что вовсе не одинока, пусть ее близкие и не рядом. Она знала, что не хочет создавать мир, где жертвы и усилия Миклоша, Серафима, Карины и бог знает кого еще пропадут даром. Чтобы не говорила Стефания о влиянии и мире, о своей гордости и о месте подле себя, этой старухи не было тогда, когда Саша бежала из Свободы. Не было, когда она вернулась от скиа около санатория, не было когда не сладила с третьим камнем... Никогда не было.

Плевать, какие усилия приложила Стефания и что хотела от нее, Саши. Вуаль останется на месте, даже если придется пожертвовать своей жизнью. Просто потому что в мире под властью Затронутых Саша не хотела жить сама и не хотела жизни в нем никому из тех, кто был ей небезразличен. Только и всего. И все, что она могла — это попытаться донести это до Ани.

Записка исчезла вечером на следующий день.

А наутро вновь появилась еда, которая была, кажется, вкуснее, чем обычно. А вечером

дом опустел. Саша просто почувствовала это. Не услышала ни скрипа двери, ни звука мотора, ни еще чего-то, но четко поняла, что теперь она осталась тут одна. Может, это было просто частью плана Стефании... Может быть. Но Саша хотела верить, что Аня сделает лучший для себя выбор.

Серафим говорил, что для него жизнь — важнее всего. И в чем-то Саша, определенно, понимала такой подход. Да большего она сделать не могла. Оставалась лишь ждать приближающегося финала всей этой истории.

Ждать, благо, приходится недолго.

Что-то будит Сашу в ту же ночь, незадолго до рассвета. Она успевает полностью проснуться в тот момент, когда в комнату входит «водитель» с пистолетом в руках.

Саша замирает, смотря на оружие. Как бы то ни было, умирать прямо сейчас она точно не хочет. А если он попробует выстрелить, то на таком расстоянии ее уже ничего не спасет.

— Ты идешь со мной, — мужчина говорит без всякого выражения, смотря в никуда пустыми глазами, — иначе застрелю.

Вот и все «будь как дома»...

Не то чтобы Саша намерена спорить, но все равно оружие в руках этого человека ей определенно не нравится. Интересно, почему не Аня? Все-таки ушла, или ждет в другом месте?

Саша, под дулом пистолета направляясь к двери, прикидывала шансы выкрутиться из нынешней ситуации. Положим, она рванется прочь... Нет, лучше сначала обезоружит мужчину. Тот будет держать пистолет близко в тот момент, когда она будет выходить. Шансы есть, самооборону без оружия даже против огнестрельного оружия в Ордене преподавали неплохо. Да и Серафим учил. Саша отберет пистолет, и... Дальше?

А дальше были вопросы. И не потому, что вариантов не было — были. Много. И даже не потому, что она могла получить пулю в голову.

Сейчас ее от злости Стефании берегла очевидная ценность как источника нужной старухи силы и существовавшая видимость покорности. Пока, очевидно, старуха считала, что все находится в рамках ее плана. А если Саша сбежит, показывая свое несогласие... Гнев древней волшебницы точно будет хуже, чем пуля. Намного, намного хуже.

Саша дает себя увести, не пытаясь сопротивляться. Садится в машину, где чары тут же приклеивают ее прямо к заднему сидению. Просто и элегантно.

Водитель молчит, везя ее куда-то прочь из поселка, совсем недалеко, хотя Саша все равно теряет счет поворотам с грунтовки на грунтовку. В гробовой тишине мужчина довозит до начала лесной тропы и Саша чувствует, что после остановки авто может подняться с сиденья.

— Выходи из машины.

Содержательно. Определенно содержательно.

— Вперед, — мужчина выходит из Нивы следом за ней и по-прежнему сжимает пистолет, демонстрируя всем своим видом готовность стрелять, — без глупостей. Иди по тропе.

Ей — по лесной тропе. Что ж, остается надеяться, что в этом лесу ее не Волан-де-морт с пожирателями смерти ждет.

На деле этот путь мог бы быть даже приятным, не будь рядом молчаливого мужчины с промытыми мозгами и пистолетом в руках. Лес, умытый ночным дождем сейчас блестит зельню. Он тих, спокоен и совершенно безлюден. Только деревья, птицы, поющие свои песни и узкая тропинка, уходящая куда-то все глубже и глубже от дорог, машин и всяческой суеты. Несмотря на все обстоятельства, природу вокруг Саша могла оценить. Как и иронию судьбы. В прошлый раз был маг с кинжалом, теперь — человек с пистолетом. Только неясно, это улучшение ситуации или ухудшение.

Она ступала осторожно, стараясь не провалиться ни в одну из глубоких луж, размывших тропу во многих местах. Дождь, едва слышный в коттедже, здесь явно был намного сильнее и явно оставил куда больше следов.

Шаг за шагом приближают Сашу к чему-то, что ей, определенно, не понравится. Интересно, что сделает Стефания, если она побежит сейчас? Вмешается? Вернет и принудит к ритуалу? Убьет? Если попробовать...

Не стоит.

Саша запинается о корень и едва не плюхается в грязь, четко понимая, что мысль принадлежит не ей.

Перед внутренним взором на секунду предстает Муза, которая стоит около колеса обозрения и смотрит на другой берег моря, прямо на Сашу.

Мои силы заблокированы. Ты не можешь говорить со мной.

В ответ лишь смех.

Я могу многое, Знахарь. Или Колдунья, если тебе так проще, но на деле — и та, и та разом. Иди выбранным путем. Отступить уже поздно.

Контакт исчезает так же неожиданно, как и появляется. А еще Саша почему-то на секунду видит вновь санаторий, речку около него и Женю, одного из двух ликов скиа, жившего там, и смотрящего на звезды.

Что это — воспоминания? Предостережение? И то и то разом?

Муза хотела сделать Миклоша скиа. Интересно, будет ли у Саши такой шанс, если все закончится плохо?

Тебе решать.

Это странно. До безумия странно — добровольно идти через лес, под дулом пистолета, к ритуалу, о которого будет зависеть вся ее жизнь. И не только ее. Саше кажется, что вперед идет вовсе не она, а кто-то другой. Что она просто пассажир в теле, равномерно переставляющим ноги. Просто наблюдатель.

Но отступать некуда, да и незачем. Она сделала выбор, и теперь остается лишь пожинать его плоды.

Саша проводит пальцами по татуировке на запястье. На секунду искушение что-то сделать, кого-то позвать, бросится бежать или напасть на человека с оружием заслоняет разум. И в тот же миг ей кажется, что браслет-узор словно сдавливает руку, отгоняя наваждение. Что это — испытание? Ее собственные демоны? Влияние еще одной стороны?

Какая разница. Скоро все решится.

Странно, насколько сильным может быть желание жить близко от смерти. Близость вечности едва не парализует, как и понимание, что она сама приближает развязку. Но нужно идти. Путь должен быть пройден, каким бы он ни был.

Сердце стучит так, словно хочет сбежать прочь. Увы, не выйдет. Любой путь куда-то приводит, и Сашин заканчивается между гигантских камней на поросшей травой и лесом горе. На одном из камней, настолько больших, что в нем, казалось, можно было жить, в центре чего-то отдаленно напоминающего древний Стоунхендж с картинок, только куда старше и куда более разрушенный, стоит Стефания, одетая лишь в одну лишь белую рубашу со странными узорами по рукавам и подолу. На шее старухи болтается массивные бронзовый кулон, так и притягивающий взгляд.

— Что ж, я рада, что не ошиблась в тебе, — голос Стефании звучит странно. На секунду Саша думает, что, быть может, им обеим было бы легче, реши она сбежать.

— Что вы хотите от меня?

— Поднимайся сюда. И переоденься, — Стефания кивает головой на еще одну белую рубаху с какими-то иными узорами, лежащую у своих ног.

Саша подчиняется, хотя и с сожалением. Старые вещи были, по крайней мере, ее собственными. Стеснения она не испытывает, ни когда с трудом забирается на гладкий и странноватый на ощупь камень, ни когда переодевается. Водитель с оружием куда-то ушел, а кроме нее и древней волшебницы тут просто никого нет. Делает Саша все словно во сне. Разум словно бы пребывает где-то далеко от реальности. Она понимает, что здесь неслышно пения птиц. Что солнце видится чуть более ярким теперь, когда она оказывается на камне. Что, кажется, сейчас под ее ногами словно есть что-то живое... Еще один менгир?

Стефания кивает на незаданный вопрос, рассматривая что-то около центра камня. Потом поднимает глаза на Сашу, зачем-то объясняя:

— Менгиры — не просто случайные куски породы, полюбившиеся предкам. Это — сеть сосредоточий силы. А мы сейчас там, где этой сетью можно управлять. И — по совместительству — там же, где закреплена Вуаль. Тебе известно, как именно маги заставили людей забыть о своем существовании?

Саша качает головой.

— Что ж, надо признать, этой информацией обычно ни с кем не делятся. Но ты узнаешь правду. Существует Вуаль Времени, древний обряд, стирающий из памяти кого-то. Или что-то. Разумеется, никто не мог бы создать такое колдовство в одиночку столь сильным, чтобы все враз забыли о существовании Затронутых. И мы использовали менгиры, использовали такие вот центры силы камней. Тогда, в былые времена, глупость возобладала над мудростью, и великая трусость свершилась. По счастью, что было создано, можно и разрушить. Здесь же. Чтобы это место ожило нужно усилие трех операторов камней. Или одного, к которому привязаны три камня. Разумеется, просто так это не получится сделать. Для начала я проведу обряд слияния. Здесь и сейчас ты получишь возможность напрямую распоряжаться силами и знаниями, накопленными в камнях. Без проведения их энергии через свое тело, а уже после ты сможешь снять Вуаль. Камни подскажут, как именно это сделать. Разумеется, я сниму Лишение Силы. Все равно ты под Вуалью Никты, и никто не придет сюда на помощь, даже если очень захочет. Хорошо иметь достаточно времени и ресурсов на подготовку, — усмехается старуха, — стой ровно и не пытайся убежать. Слияние началось, и если ты попробуешь прервать его, то погибнешь тотчас.

Саша это и так чувствовала. Ощущала себя в центре гигантской паутины. Она стояла здесь, в кругу древних камней, а Стефания без всяких жестов и слов пробуждала ото сна силы, до того дремавшие в этом месте веками. Силы, что коснулись ее собственного разума. Силы, что прошли по телу, проникли в прошлое, настоящее и будущее. Попробовали на зуб, пережевали — и отпустили, признавая достойной. Признавая ее право распоряжаться полученным и обещая помощь и поддержку любому ее решению.

В один миг все, что Саша видела и слышала, изменилось до неузнаваемости. Мир стал иным. Она ощутила разом все камни вокруг. И те, что еще были живы, и те, что спали и даже те, что уже отдали силы и теперь медленно разрушались под неумолимым течением времени. Почувствовала еще несколько таких же сооружений, как это, подобных мест, предназначенных для тех, кто связан с камнями. Древняя система управления силами Грани, таившая в себе огромные возможности и сейчас забытая потомками тех, кто ее создал, случайно или намерена.

Саша ощутила и то, что на деле обычные менгиры и правда были аккумуляторами силы, спонтанно ставшими теми, чем они были, а вот подобные этому места создали позже и с другими целями. И что именно здесь когда-то и правда свершился великий ритуал, заставивший весь мир забыть о магии, а знание о Грани сделавшее достоянием только тех, кто к ней прикасался.

На секунду Саша словно бы воспарила над реальностью, чувствуя, сколь легко будет изменить все вокруг. Нужно одно желание. Одна мысль. Этот крымский Стоунхендж уже дал ей право распоряжаться силами трех камней без остатка. Без необходимости ждать, когда они дадут достаточно силы для внутренних резервов. Без необходимости раз за разом укреплять разум, защищаться от хаотичных образов-видений, приходивших от камней вместе с их манией. Здесь управлять силами менгиров было легко и просто. Достаточно лишь пожелать.

И ей хотелось это сделать. Хотелось прикоснуться к Вуали и отбросить ее прочь. Обнажить мир таким, какой он был. Принести истину всем, вернуть давно забытую правду.

Вот только... Камни говорили обо всем вокруг. Например о том, что это желание подпитывалось вовсе не ее мыслями. Или о том, что сейчас на ее руке пульсирует ярким светом охранная вязь, с трудом сдерживающая огромной силы ментальную атаку. И совсем немного о том, что как бы она ни распорядилась полученной силой сейчас, самой собой из этого круга камней Саша не выйдет.

Простой и изящный план. Марионетка с огромными силами, полностью послушная любому слову.

Вот цена «равенству». Стефания потерпит рядом с собой лишь полностью послушного своей воли слугу.

Долгие мгновения Саша балансирует над миром, балансирует на вершине власти.

Магия, охраняющая объект, уничтожена, но вместо победы на деле выходит только поражение...

Мне принадлежит лишь то, что я могу уничтожить.

Из одной старой книги, кажется.

Стоит этой мысли оформится, как приходит другая. О том, что это бессмысленно. Что реализация задуманного отберет у нее всех, кто дорог, оставит их в мире магии, а Сашу, даже если она выживет, вышвырнет обратно, в мир тех, кто ничего не знает о Грани. И это правда. Но иные варианты куда хуже. А еще это — единственный правильный выход.

Иногда отказ принимать решение — тоже решение.

Саша решается и шепчет одними губами одно-единственное слово. Слово, подаренное камнями в ответ на ее желание.

Апелефероно.

Пусть произношение и неверное, но это не имеет значения. Никакого значения.

Саша настроена на три камня. Она может сделать с их силой что угодно...

И Саша отпускает всю их энергию. Освобождает, отдает миру, из которого ее когда-то взяли. Отдает миру все, что есть, все, что навязала ей Стефания, все ненужное, наносное, не ее собственное.

Сила вырывается из тела, сметая все вокруг, сжигая вместе все плетения, всю паутину, которой Саша оплетена с головы до ног. Щиты, до того ограждающие ее и это место от всего мира, лопаются под напором свободной энергии. Плетения Стефании сминаются, уничтоженные потоком хлынувшей во все стороны энергии.

На секунду и тело, и разум охватило блаженство. Бесконечное, невероятное блаженство единства истекающей силы и жизни вокруг. На мгновение. А после оно ушло так же резко, как и появилось, оставив после себя болезненную пустоту. Саша свалилась на колени на горячий сейчас, словно бы пульсирующий камень, на древний алтарь из иного времени.

Тишина, окутавшая мир, была, казалось, живым существом. По крайней мере, Саше казалось именно так. В голове медленно, словно лениво стучал пульс, а тело обхватывала невероятная усталость.

Стефания лежала ничком, раскинув руки. Сила, стремившаяся уничтожить все принесенное Пауком, сожгла и его самого. Или древняя волшебница просто не справилась с пошедшим не так ритуалом... Или не вышло довершить переселение, — в последний момент перед тем, как освободиться от магии и знаний камней, Саша увидела, что от Стефании уже осталась лишь одна оболочка, а разум ее перебрался в бронзовый кругляш на шее, сейчас тоже почти полностью расплавившийся.

Вот и все. Все кончено. Проект под названием Александра Неродова завершен, принесся гибель своему создателю.

Странно, что она еще вообще могла улыбаться.

Странно, что ей хотелось улыбаться. Все-таки она перехитрила эту древнюю старуху. Сумела. Сейчас Саша как никогда ясно чувствовала — она победила. Пусть и теперь она лишь никому не нужный не человек даже, а плод эксперимента, вышедшего из-под контроля, но все же — она победила. Оставила в дураках эту древнюю ведьму, считавшую, что есть только сила и власть, и ничего более. Грезившую своими безумными идеями.

Перехитрила — и как-то осталась в живых. Почему-то.

В голове было пусто. Невероятно пусто. Навязанное, исходившее от раскусившей ее план Стефании, было правдивым. Все Сашины близкие — в мире Затронутых. Теперь — бесконечно далеко.

Отражение вокруг исчезло. По телу пробегала боль, словно изнутри что-то сгорело, что-то важное и нужное. Что-то навсегда сломалось. Привычного ощущения Грани, привычного чувства Изнанки, наполнявшего мир самими разными чувствами, которые нельзя описать, больше не было. Еще недавно было также в тот момент, когда Лишение Силы поразило ее. Но сейчас Саша прекрасно понимала, что никто не использовал на ней никаких чар. Просто она больше не волшебник. Отдав все силы менгиров и все, навязанное Стефанией, она отдала все, что имела. И это никак нельзя было изменить.

Но Саша все равно бы вновь сделала то, что сделала. Потому что не сумела бы жить иначе. Потому что не хотела быть марионеткой в чужих руках. Потому что иной выбор мог причинить вред и боль — им. А ей... Какая разница?

Саша решила так. Серафим был тысячу раз прав — какие бы кто ни строил планы, она и только она решала, как поступить. Она, выбирая из дерьмовых вариантов, выбрала тот, что был ближе ей самой, пусть, может, он был не самым логичным и правильным. Ритуал лишь призвал силу, а куда ее направить Саша могла выбирать сама.

Она устала. Очень, очень устала.

— Саша!

Окрик заставил ее вздрогнуть, как и торопливые шаги. Не обращая внимания ни на лежащее тело старухи, ни на оплавленные от порыва силы камни вокруг, к ней приблизился Серафим, появившийся словно из ниоткуда на этом валуне. В неизменной черной футболке, теперь с Королем и Шутом, он казался здесь удивительно неуместным.

Маг сел на колени рядом с Сашей, осторожно беря за подбородок и заставляя смотреть в глаза. Что бы то ни было, магия или что-то иное, сопротивляться она не хотела. Ничего не хотела. Вообще ничего. Не хотела говорить, с облегчением понимая, что маг почти наверняка считывает образы произошедшего прямо из ее разума. Она ничего не хотела делать зная что сейчас наставник встанет и уйдет, больше не связанный обязательствами и обещаниями... Саша замирает в тот момент, когда Серафим разрывает контакт взглядов, убирает руку — и неожиданно резко и порывисто обнимает ее, прижимая к себе, как ребенка. От прикосновения исходит спокойствие и тепло.

— Все закончено. Ты жива, а все остальное неважно.

Это ложь. Очевидная ложь — Саша это знает. Но все равно позволяет себя наслаждаться прикосновением. Была ли в нем магия? Возможно. Но, по крайней мере, это успокаивало. Пусть и ненадолго, до того как из усталости пробилось смущение. Она все-таки не младенец.

Серафим явно ощущает перемену ее настроения и размыкает объятия, продолжая держать за плечи и мягко, но внимательно всматривается в лицо.

— Саша. Пожалуйста, не придумай себе глупостей, хорошо? Никто не собирается оставлять тебе наедине с последствиями всего этого.

Она как-то находит в себе силы улыбнуться.

— В этом нет смысла. Я больше не маг.

Рядом раздается фырканье, и Саша с запозданием понимает, что Карина тоже тут, сидит на корточках и с интересом разглядывает труп старухи.

— Нашла, чьи нашептывания слушать. Становление нельзя обратить. Чему вас вообще учат, молодежь? Можно лишь запечатать силу. Тех, кто пожил слишком много, это убивает, только и всего.

— Но ритуал...

— Лишил тебя много, да. Определённо. Но коль ты жива — то не всего, — с некоторым равнодушием, словно читая лекцию, откликается волшебница.

— Ты больше не проводник менгира, Саша. Все, что было сделано для ускорения и настройки, уничтожено. Все изменилось — это правда. Но твоя сила и твоя собственная магия остались с тобой, пусть и сейчас, определённо, не лучшее время для ее проявления, — куда более мягко и терпеливо говорит Серафим. — И ты остаешься моим учеником. Не нужно сомневаться.

Саша открывает было рот, но Карина перебивает ее одним взглядом.

— Ладно, положим, с лирической частью пора заканчивать. Ксандр, забирай свое сокровище и идите отсюда, ей не то чтобы полезно здесь оставаться и дальше. Не говоря о том, что на такой ритуал скоро слетится половина Верховного Совета, а на труп моей сестрицы придет другая половина.

Серафим кивает.

— Саша, сможешь встать?

Вместо ответа она пытается подняться. Почти удается, хотя на деле стоять прямо она может только оперевшись на Серафима, который, кажется, сейчас щедро делится с ней собственной силой, в первую очередь жизненной.

— Ты останешься?

Кара поводит плечом.

— У меня есть разговоры со старыми знакомыми. Я приду на ужин, так что найти там что-нибудь поприличнее. Хотя бы попробуй.

Следующие дни проходят в тумане. На деле Саша вообще не уверена ни в том, как она попадает в квартиру к Серафиму, хотя воспоминания и подсовывают яркий свет и непередаваемое ощущение давления Глубины со всех сторон, ни в том, происходит ли после этого хоть что-то. Разве что, кажется, она в какой-то момент с огромным наслаждением переодевается из дурацкой белой рубашки в свою собственную одежду, давным-давно оставленную на последнем месте жительства. Но на этом хоть какие-то ясные воспоминания заканчиваются. Это похоже на болезнь, только без лихорадки или каких-то иных симптомов. Только безграничная слабость, желание если не спать, то хотя бы просто лежать неподвижно, и то утихающая, то появляющаяся вновь боль, расплзающаяся по всему телу разом.

Единственное, что ей кажется, что рядом почти всегда кто-то есть. Хотя, быть может, это и лишь иллюзия собственного разума.

На какой день она просыпается, соображая достаточно, чтобы сделать хоть что-то кроме медленного похода в уборную, Саша не помнит. Но, доползая до кухни, откуда доносится весьма привлекательный запах еды, натывается взглядом на несколько недовольного Серафима.

— Я не разрешал тебе вставать.

Саша не помнит чтобы запрещал... Да и зачем запрещать? Но спорить желания нет.

— Извини, — она начинает было идти обратно, но Серафим только качает головой.

— Садись, коль пришла.

— Извини, если я отвлекаю.

— Не говори ерунды, — маг отмахивается, — есть будешь?

Саша осторожно кивает, неуверенная в том, что ее согласие не причинит неудобств.

— Саша, не придумывай ерунды, хорошо? Если я что-то предлагаю, то делаю это не из одной вежливости. Но я правда не в восторге от того что ты ходишь по дому. Рано пока.

— Рано?

Серафим вздыхает и начинает раскладывать по тарелкам что-то, напоминающее ризотто. Кажется, из готовых замороженных смесей.

— Рано. Тебе большую часть энергетической системы спалило, а это не то же самое, что простуду подхватить, знаешь ли, — маг ставит перед ней тарелку и стакан с чем-то оранжевым и не слишком хорошо пахнущим. — Ешь и пей.

Сам он тоже принимается за еду. И кофе, на который Саша поглядывает, привлеченная ароматом. Серафим качает головой, перехватывая ее взгляд.

— Кофе будет позже, пока это тебе на пользу не пойдет.

Оранжевый напиток на вкус кажется поистине мерзким, но в то же время словно бы уменьшает отголоски боли внутри. Или Саше так кажется... Ризотто приятно на вкус. Очень даже. Или просто она мало ела последние дни.

— Что произошло?

— Все зависит от того, про что именно ты спрашиваешь, — Серафим отпивает кофе, — или про кого.

Саша задумывается, пытаясь собрать разрозненные образы, мелькающие в разуме, в единую картину.

— Ритуал. Она... — Саша сглатывает, — она мертва?

— Думаю, что да, — наставник чуть усмехается. — Не буду тебя пугать, но и врать тоже не буду — у таких, как Стефания, всегда есть множество планов. Я предполагаю, и Кара согласна со мной, в том, что твой поступок все-таки вышел за все рассматриваемые вероятности и она не сумела справиться с произошедшим. Пока ничего не говорит об обратном, и я надеюсь, что так оно и будет.

— Почему... так? Я не хотела убивать.

— Понимаю. Дело тут не в желании, а в самих законах магии. Ты отпустила силу, отправила ее в мир, захотев освободиться в том числе и от любого влияния Стефании. Я предполагаю, что в этот момент она сама решила начать Замещение через промежуточный носитель, потому не позвала никого на помощь в этом ритуале. Даже человека-водителя, которому голову задурила, убила еще до начала. Когда сила вырвалась на свободу, еще и уничтожая все влияние Стефании, она уничтожила и начавшие формироваться линии замещения. Судя по всему Древняя пыталась вернуться в собственное тело, но сила потока не позволила ей, унося все дальше и дальше в Отражение. А никто не может существовать там без физической оболочки, сколько бы силы и опыта ни было.

— Кроме теней.

— Кроме, — Серафим кивает, — но это, как мне кажется, уже совсем другая история. И не нам с тобой в ней участвовать. Хотя можешь как-нибудь спросить у своей знакомой-скиа, может что и ответит. Или нет, та ведь сама получила то, что искала, и, возможно, отправиться куда-то прочь, больше не желая ни с кем контактировать.

— Ты знал о том, что случилось с Музой раньше?

— Нет, — Серафим покачал головой, — я немало прожил и накопил немало знаний и опыта, но тени всегда были за пределами моего понимания. Да и, строго говоря, с ними вообще мало кто способен общаться без урона для себя. Даже из старых магов.

Саше словно бы слышится далекий смех и видится медленно движущееся колесо обозрения — там, на берегу моря. На мгновение. А потом образы покидают разум так же внезапно, как и появились.

— А остальные? Что с ними?

Серафим чуть пожимает плечами.

— Мика, думаю, присоединится к нам вечером, как закончит с Мишей записывать свою историю. Кара, думаю, тоже, она обещала рассказать про план Стефании во всех подробностях. Наверняка захочет погордиться своими знаниями, и совершенно заслуженно, — маг усмехается, явно о чем-то вспоминая. — Светлану будут судить. Насколько я знаю, она старается сотрудничать со следствием, особенно теперь, когда часть клятв утратили силу, хотя не сказать, что от нее много помощи. Думаю, у нее неплохие шансы избежать высшей меры, тем более что она напирает на шантаж жизнью дочери и принуждение.

— А... Аня?

— Которая тебе лицо подправила? — Серафим кивает на скулу. Саша не чувствует дискомфорта, но все же ощупывает себя. — Да расслабься, нет там ничего. Извини, если хотела всю жизнь иметь свернутый на сторону нос, а я не оценил твоего стремления и все испортил, — маг улыбается. — Нормально все с ней. Ну насколько возможно, конечно, в такой ситуации. Она, как я понял, сбежать решила, использовав Ориентир. Пыталась мать найти. Не слишком удачно, но в итоге Михаил с Кариной засекли попытки добраться до

Светланы и пришли чуть раньше, чем Стефания, и та не стала в драку лезть, явно на ритуал берегла силы. Защитами Александрову приложило, да и ментальных внушений там, особенно не распадающихся, вагон, но в целом ничего такого, с чем нельзя работать. Тем более, что в городе объявилась еще ее тетка-оборотень с подругой-колдуньей. И конем.

— Конем?

— Ага, совершенно серьезно. Приехали на коневозке, начали спрашивать про Светлану с дочкой. Вроде как их пока где-то около сельхоза разместили, там у нас есть свои люди. Так что думаю тут так или иначе все разрешится. Хотя я все-таки порекомендовал тебе, если решишь продолжить общаться с Александровой, в следующий раз надеть на лицо маску.

— Маску?

Видя непонимание на лице Саши, наставник откровенно смеется.

— Нос, Саша, нельзя вправлять до бесконечности.

Саша чуть улыбается. Грустно, на деле.

— Не думаю, что она захочет. Да и к тому же... Я больше не чувствую Отражения. Я не маг.

Серафим фыркает.

— Что ты ерунду повторяешь? Кара ведь говорила, и я подтверждаю — Становление необратимо. А ничего не чувствуешь ты потому что я полную изоляцию энергетических потоков повесил. Не один месяц пройдет до того, как все хотя бы немного подживет, да и то после до полного восстановления — никакой магии. Спалишь все окончательно. А в остальном будешь есть, пить, спать, заниматься повседневными делами и развлекаться настолько, насколько будут возможности.

Саша старается осмыслить происходящее. Несколько месяцев? Больше?

— Надо будет найти работу...

— Зачем? — в голосе Серафима есть искреннее удивление. — Если захочешь уйти из Ордена и после всего этого жить человеческой жизнью, то я тебя останавливать не буду, но все-таки подумай о том, чтобы остаться, хорошо?

— Без магии... Я же ничего не смогу делать.

— Да и не надо ничего делать. Книжки, если хочешь, почитай умные, да и все. И спрашивай что интересно, я теорию постараюсь объяснить. Никто от тебя ничего требовать не будет, разумеется. Придется дать показания, чуть позже, но и только.

Саша смотрит на мага с непониманием.

— У меня не так много денег осталось со стипендии. И...

Серафим поднимает руку.

— И ты переживаешь из-за ерунды. Живи здесь, это во-первых. Во-вторых, тебе то, что в нынешних словах, кажется, отпуском по нетрудоспособности называется, положено. И в-третьих — у меня этих денег столько, что хватит и ученикам твоих учеников, так что перестань волноваться по этому поводу.

Словно в ответ на слова мага на кухню зашел изрядно округлившийся Боня, и без раздумий запрыгнул Саше на колени.

— Кажется, еще недавно ты весил куда меньше, — пробормотала она, поглаживая замурчавшего кота.

— Разумеется меньше, его после вашего отъезда кормили мы все, в последнее время, — Серафим почесал в затылке, — вроде как одновременно. Уж больно жалобно мяукал. В общем, Саша, давай мы с тобой договоримся, — ты не переживаешь без повода, хорошо?

Так-то тебе полагается медаль за всю эту историю, орден или еще что-то, хотя в мире магии такое не принято. Ты живешь здесь, пока мы тебе не надоедим окончательно, гладишь кота, стараешься больше не подсовывать мне ручек с исчезающими чернилами, пьешь оранжевую гадость и прислушиваешься к моим рекомендациям. Добро?

Саша кивает, пусть и с некоторой осторожностью.

— Вот и отлично. Единственная просьба — Миклош тут недавно накачал на компьютер какого-то скрежета вместо нормальной музыки и утверждает, что индастриал, или как его там, тоже рок, а мои взгляды, кажется, считает уже устаревшими. Поговори с ним, ладно? Я понимаю, что для него сама концепция заводов — та еще экзотика, но все-таки. А то уши в трубочку сворачиваются от этих лязгов и грохота. А потом что будет — черные рифмованные стишки про наркотики и пистолеты? Я не вынесу.

Саша только усмехается.

— Хорошо. Я постараюсь привить ему хороший вкус.

— Я смирюсь, конечно, если что. Но — попробуй, хорошо?

Саша кивает. И улыбается. Счастливо улыбается.

— Мартина рвет и мечет, — Карина отрезала себе гигантский ломоть мяса и налила еще вина. Потом понюхала содержимое бокала и поморщилась. — Где ты взял эту мочу? Ладно, не важно, вкуса у тебя никогда не было, хлещешь себе крестьянское пойло.

— Извини, не я три сотни лет владею виноградниками, — Серафим тянется к пиву.

— А зря. Я предлагала, — Карина взмахивает вилкой, накалывая еще кусок стейка. Потом смотрит на Сашу. — Дай угадаю, мотылек — ты пьешь все, но предпочитаешь пиво и иногда водку, а сейчас возьмешь сок, потому что тебе строго-настрого запретили смотреть в сторону алкоголя?

Саша озадаченно посмотрела на женщину.

— Да перестань. Это на лице написано. Да и кого еще в самом деле Александр мог найти в ученики? По-моему водку не пил только Мухаммед, и то потом начал, несмотря на веру, а?

— Это четыреста лет назад было.

— Какая разница? — Карина пожимает плечами, — ладно, каждому по нраву. Хотя тебе, мотылек, и правда вкус алкоголя придется надолго забыть со всеми прошедшими событиями. И Ксандр правильно обошелся без водки на столе, это как-то моветон. Хотя и ее бы, думаю, не смог выбрать нормально.

Серафим глаза поднял к потолку. Карина лишь усмехнулась.

— А ты, переселенец, пьешь водку?

Миклош кивнул, выковыривая оливье из здоровой салатницы с высокими бортами.

— Что и требовалось доказать.

— Кара...

Карина откровенно усмехается.

— Я когда-то говорила, что ты, Ксандр, выбираешь себе круг общения из тех, кто способен пить этот странный русский напиток не морщась. И с тех пор своего мнения не изменила, и все попытки научить тебя разбираться в благородных алкогольных напитках пропали втуне. Помнишь, как ты перебрал с водкой и поехал с Новгородским Деда Мороза искать? Лет сколько назад это было — три сотни? Или четыре?

— Кара! — лицо Серафима было почти умоляющим. — Давай лучше ты расскажешь то, что узнала.

Несколько минут на лице у женщины было выражение разом озорное и торжествующее. Потом Карина выпила еще вина и приступила к рассказу куда более серьезным тоном.

— Стеф с самого начала была против Отделения. Против Вуали. Мы ее уговорили тогда признать, что это будет лучшим вариантом. В общем-то и наш тогдашний Круг, и Круг Финиста, и еще три самых древних и могущественных Круга были за этот ритуал, и Стеф признала свою неправоту, оказавшись в явном меньшинстве. Тогда времена были жесткими, так что продолжала бы упорствовать — отправилась бы к праотцам. Но, думаю, тогда она и замыслила все это, поняв, что силой пока ничего не добиться, но и от своих идей не отступив. С тех пор сколько воды утекло... К тому же кроме Стеф и Мартины, что сейчас глава Верховного Совета, больше не осталось никого из тех, кто был на Отделении тогда. Кто погиб, кто отправился в изгнание, кто развоплотился, уйдя в Отражение добровольно, кто вроде меня просто живет в свое удовольствие... Вот Стеф и решилась. И меня уязвить

заодно, мы с ней никогда не ладили. Мартине подкинула фальшивку о якобы предателе, желающим исполнить «Иллюминатов», потянула за нужные нити, развела прения в Магистрате, все эти дебаты и опросы... Чтобы пока Орден гоняется за тенью обратиться к Вуаль и поставить всех перед выбором — или править людьми, реализовывая так удачно поднятый из забвения план, или умереть от их руки. Разумеется, Орден бы выбрал первое. И думаю, для устранения Мартины у Стеф был какой-то план, наверняка. Ну может сама Верховная Волшебница, — Карина произнесла титул с явной иронией, — и расскажет, как узнает. Она уже в Крыму как сутки. Но не думаю, что явится сюда, и в любом случае пусть у Миши голова болит по поводу ее возможного визита.

Несколько минут все четверо ели в тишине. Потом Карина продолжила, расправившись со стейком.

— У Стеф всегда было терпение. И амбиции. Не хватало только силенок и таланта, но она брала упорством, и поди же ты — всех просто перетерпела. Насобираала артефактов, тут что-то скрыла, тут к рукам прибрала, тут за ниточки подергала. Тем более что после получения своего проклятия она неплохо поднатрела в менталистике, которой и раньше увлекалась, и начала использовать марионеток направо и налево. Опыта ей было не занимать, она и раньше Наложением баловалась, еще когда Кодекса даже не было, и никто такие вещи не ограничивал. Но воображения у Стефании никогда не хватало. Она не могла даже предположить, что кто-то может добровольно расстаться с силой и властью. Каждый раз, когда кто-то из Первых Кругов удалялся от дел, для нее это было признанием поражения, а не осознанным выбором со своими преимуществами. Так что она не предусмотрела тот факт, что ты, Александра, просто отпустишь дарованную силу. Она-то планировала позволить тебе сдернуть Вуаль, давила что есть силы, хотя, — Карина усмехается, — нашла тут коса на камень. Давила, но так и не сумела подчинить. И у тебя характер боевой, и мой браслет пригодился. Стеф-то надеялась что ты сломаешься, сделаешь все что попросит, и она после спаде ритуала нырнет в твоё тело, как в новую кожу. Получит разом и новый мир, и силы над этим миром властвовать, и заодно так и истину о ритуале припрятать можно. Да и, думаю я, сестренка лукавила, когда говорила в своё время, что узнай что-то, Серафим бы все расстроил. Думаю, она определенно рассчитывала, что мы все узнаем, хотела показать, насколько она умнее и сильнее всех вокруг. Такой элегантный план достижения сразу нескольких целей, который ей в итоге пришлось проворачивать в одиночку, перебив или потеряв всех сторонников. Думаю, она и девочку эту, дочь оборотня, убила бы на подходах, не стала бы давать ассистировать, побоялась потом что та сболтнет лишнего. А в одиночку ритуалы творить не стоит даже древним старым волшебницам, и её обугленное тело теперь подтверждение тому, что технику безопасности стоит соблюдать всем вне зависимости от возраста и былых заслуг.

Миклош с интересом тянется к селедке под шубой, а потом, словно что-то сообразив, задумчиво поднимает взгляд на Карину.

— Выходит, что я просто случайно узнал то, чего знать не стоило?

Волшебница качает головой.

— И да, и нет. Дело не только в том, что ты своими изыскания поставил план Стефании, который у нее уже наверняка тогда был, под угрозу срыва. Хотя и это важно. Удалось бы тебе закончить свой эксперимент — способ бы стали обсуждать. Возможно даже и использовать. И тогда проверни все это Стеф, все бы, кто нужно, поняли откуда ветер дует. А она не хотела делиться знаниями и точно не желала, чтобы кто-то помешал ей идти по

намеченному пути. Но, думаю, есть и еще одна причина.

Карина бросает взгляд на Сашу. Та чуть кивает, понимая, о чем речь. Соглашаясь поделиться своими мыслями.

— Она предлагала мне править вместе. Говорила, что я создана ее желанием, что у меня есть силы и что она лишь отпустила меня в мир, а теперь я вернулась, пройдя все испытания и достойна стоять рядом. Рисовала перспективы порядка, где маги развивают свое искусство на благо людей. Мир где, — Саша чуть запинается, — где было бы возможно многое из того, о чем я сама мечтала.

— Стеф всегда умела трепаться.

— Это было... Это могло стать реальностью. Но я знала, что будет в таком мире с теми, кто просто попадется ей под руку. Я видела, как это бывает.

Карина вздыхает.

— Увы. Никому не нравилась Вуаль, никто не был в восторге от самой идеи отделения, но оно было необходимостью. Мы вели мир к катастрофе, и уже не в первый раз, неизбежно вовлекая в неизбежную же грызню за власть все больше и больше ресурсов самого разного толка. Это надо было прекратить, пусть и ценой того, что ныне мы сами урезаны в привилегиях. Увы, не всем удастся смириться с тем, что сила и власть означают ответственность, и иногда ответственность — это сдерживать собственную силу и ограничивать собственную власть. Ладно, хватит о делах, еще успеем наговориться. Тем более что я вас всех приглашаю к себе через три дня на пару недель. И, — Карина поднимает руку, останавливая Серафима, — никаких возражений. Билеты куплены. Хотела взять вылет раньше, но все-таки бросать твоего побратима тут прямо сейчас будет не очень красиво, так что пока подсоблю ему.

— Кара.

— Что — Кара? Ты хочешь воевать с Мартиной? Между прочим, она намерена серьезно расследовать смерть своей сестры по Кругу, хоть та и была редкой мегерой. Как думаешь, сколько ей понадобится времени чтобы сложить два и два и выяснить, кого выбрала Стефания с кровью скифов в жилах чтобы уязвить меня? Подсказка — очень мало. И что остальные за столом сидящие тоже замешаны она сообразит, не сомневайтесь. И тебе, Миклош-переселенец, придется еще много от чего отбиваться, доказывая свою невиновность. А ты, мотылек, в ближайшие полгода все равно из всей магии сможешь разве что перо поднять над столом на десяток сантиметров. Хотя я и за это не порчусь. И вас вдвоем затаскают по судам и допросам, пока Мартина не остынет. А остывает сестренка долго. Очень долго. Сделает все так чтобы все, кому надо, знали, что будет, если убить одну из Древних. Так что спорить со мной бессмысленно. Пусть Марти перебесится, отойдет, займется другими делами, и тогда уже возвращайтесь в свой слякотный город и живите в свое удовольствие. Не говоря уже о том, что вам всем троим не помешало бы загореть как следует. Ты, мотылек, хоть плавать-то умеешь?

— Умею. И не мотылек, — Саша от обращения была не в восторге.

— Не дуйся. К тому же — юное создание, летящее на свет силы, не раздумывающее о том, что будет, когда оно к этому свету приблизиться. Кто еще? Ну, хочешь, котенком будешь, они тоже не слишком сообразительные в детстве. К тому же тебе вроде как котенком быть больше понравилось в наше первое знакомство.

— Кара, — Серафим сказал это с явным предупреждением в голосе.

Теперь уже Карина возводит глаза к потолку.

— Очень, очень много лет как Кара. Ладно, я поняла, не ершишься, — женщина осматривает Сашу внимательным взглядом, — не котенок уже. Пантерка. Крошечная пантерка. Уже не слепая, но пока еще не умеющая даже толком рычать. Вырастешь в грозного зверя, если любопытство не погубит раньше. И не смотри на меня так, без менгиров и манипуляций моей сестры ты дырку ни во мне, ни даже в этом столе не прожжешь взглядом, и не пытайся даже. Будешь, как я, как Ксандр, и как многие до нас и многие после постигать все лишь тогда, когда будешь готова. Хотя, мой жизненный опыт говорит, что все это к лучшему. Тем более что скоро вы будете плавать в теплом море, оставив все заботы здесь.

— И Миша согласился.

— Я была убедительна, — Карина улыбается. А потом серьезнеет: — к тому же он прекрасно понимает, что будет, если Мартина решит действовать. А она решит. И, как я уже говорила, твой побратим, Ксандр, на редкость сообразителен. Даже удивительно что вас свела судьба. И не дуйся, знаю я этот взгляд. Передай, пожалуйста, вот тот соус. К тому же ты сам говорил, что хотел побывать на настоящей базе Тича и выяснить, что его люди притащили из ацтекских гробниц.

— Хотел. Но...

— Никаких «но». Можешь, кстати, зверя своего с собой захватить, пантерка. У меня, конечно, не бетонная коробка вроде ваших, но, думаю, коту как-нибудь удобства обеспечим. И смотри не опали усы, когда увяжешься с Ксандром в пиратское логово — там много всякого дерьма.

— Ты нас даже не спросила, — Серафим только качает головой.

— Разумеется. Считайте это каникулами в деревне, как принято было у русских в последние полвека.

Саша переглядывается с Серафимом, с лица которого не сходит страдальческое выражение. Миклош, кажется, вообще в ужасе от подобной перспективы, хотя и пытается скрыть все за усиленным поеданием холодца.

— Ладно тебе, Ксандр, сколько меня знаешь, а все никак не привыкнешь. И тебе тоже нужен отпуск. И развлечения. Иначе начнешь чудить, как и раньше бывало. Вот, например, когда вы отправились в Лапландию, взяв с собой оленьи рога и бочонок водки...

— Великие боги, Кара, прекрати!

— Почему? Ты так прелестно смущаешься.

— Кара!

— Ладно, ладно, — женщина отпивает вина, — тебя всегда было забавно провоцировать. И приятно знать, что что-то не меняется. Что-то должно же не меняться в семье, верно?

Каждый сидящий за столом был с этим согласен. В душе — так точно.

Больше книг на сайте - Knigoed.net